

АЛЕКС ФРАЙТ

БЫДЛА

Алекс Фрайт

Бумеранг

«Издательские решения»

Фрайт А.

Бумеранг / А. Фрайт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933931-7

Не следует бить человека, у которого много друзей. И никогда не стоит заблуждаться, что все эти люди не будут участвовать в драке. Может быть, они и хотели бы избежать кардинальных методов, но когда дело идёт о мести спецслужбе, то все они превращаются в стаю волков. В сборник входят три книги серии «Курьеры»: «Называй меня Ева», «Пароль Форт-Боярд» и «Бумеранг».

ISBN 978-5-44-933931-7

© Фрайт А.

© Издательские решения

Содержание

Называй меня Ева	6
1	7
2	10
3	17
4	22
5	30
6	37
7	44
8	50
9	57
10	62
11	70
12	78
13	85
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Бумеранг

Алекс Фрайт

© Алекс Фрайт, 2018

ISBN 978-5-4493-3931-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Называй меня Ева

- Неужели, если прогноз погоды не сбылся, это может противоречить национальным интересам?
- Практически любую новость можно подвести под расстрельную статью.
- Ты сумасшедшая?
- Официально, да.

1

Сириец Латиф поднёс ко рту чашку с кофе, со свистом втянул обжигающий напиток. Он будто бы не замечал, что можно обжечь губы и язык; он вообще никогда не дул на горячее, перенося его со спартанским хладнокровием.

Мужчину, сидящего напротив, этот звук заставил поморщиться. Чёрный костюм и лёгкая седина придавали его облику некоторый аристократизм. С другой стороны – он напоминал шаркающих ногами, надутых снобов, которые забирались в лимузин и пьяно требовали доставить их в ночной клуб.

Латиф бесстрастно смотрел в окно. Над городом висела мутная пелена холодного дождя. В двух шагах от него за стеклом быстро двигались редкие прохожие. Подняв воротники и надвинув шляпы поглубже на уши, они появлялись и растворялись в этом полутумане-полудожде.

Через несколько секунд он отвёл взгляд от окна. Потом машинально потрогал толстый конверт перед собой. Затем поднял голову, непонимающе посмотрел на мужчину в строгом костюме под распахнутым плащом, хмыкнул и в задумчивости почесал затылок. То, что случилось сейчас, нигде и никаким образом не было оговорено в их прошлую встречу.

– Может, все-таки ошиблись?

Мужчина поднял бокал с вином, сделал глоток и посмотрел на него поверх края стекла.

– Бывает. Может, не совсем внятно прозвучало ваше требование?

– Нет...

В ошибку со своей стороны Латифу верилось с трудом. Рука нырнула в карман за мобильным телефоном, но на полпути остановилась.

– Я жду, – сказал человек с бокалом.

– Сколько в нем? – внезапно осипшим голосом произнёс он.

– Я ведь здесь далеко не в первый раз. Служба, знаете ли, – заметил мужчина как-то невпопад.

Он тяжело вздохнул и поставил на стол своё вино. Латиф подозрительно покосился на его руки. Отметил след от обручального кольца, старый шрам в виде полумесяца возле ногтя большого пальца правой руки, дорогие часы. А ведь и правда, этого человека он тоже видит тут не во второй раз.

– Причём здесь это? – спросил он.

Собеседник постучал пальцами по столешнице, взглянул на часы и поправил галстук. Безусловно, он торопился, но старался этого не показывать явно: время от времени бросал косые взгляды в сторону двери.

– Да вот, знаете... В отпуск собираюсь, замену готовлю. Сотрудник приехал молодой, неопытный. Все надо по два раза объяснять... Вам тоже?

– Прошу прощения. Ещё пара минут, и все будет решено, – Латиф скорчил виноватую гримасу, подёргал бородку и произнёс: – Небольшие формальности.

– Какие формальности?

– Ваш заказ. Не волнуйтесь. Подобных на моем счету не один десяток. Я так зарабатываю на жизнь. Безбедную, хочу заметить, жизнь.

Он помял конверт и попытался наощупь определить сумму – навскидку пакет был чувствительно толще, чем должен быть. Мужчина удивлённо поднял брови.

– Здесь ровно в два раза больше. Что вы его все время тискаете?

– Беспокоюсь.

– Отчего?

– Почему сумма выросла вдвое?

– Аванс для будущего сотрудничества.

Сириец кивнул и продолжал сидеть, мрачно поглаживая конверт. Чувство благодарности не тронуло ни одну чётточку на его смуглом лице. Казалось, он считал неожиданную благотворительность таким привычным делом, словно ему всегда предлагали больше, чем он стоит на самом деле.

– Вы хитрец, а я тут подумал... Заранее вносите коррективы, так как ситуация для вас сложная и вышла из-под контроля... Курьеры...

Он подался вперёд над столом, скривил губы на одну сторону и процедил:

– Знаете, люди Гензера всегда вооружены. Даже, когда доставки нет.

– Мне перестал нравиться наш разговор. Мы обсуждаем второй раз одно и то же разными словами. Давайте займёмся каждый своим делом. Оружие – это помеха?

Сидящий напротив мужчина говорил спокойно, но Латиф заметил, что тот начал нервничать. Сириец откинулся на спинку стула.

– Нет, конечно.

– Тогда, что вам не нравится?

– Жду.

Мужчина хлопнул ладонью по столу, стараясь незаметно бросить взгляд на часы.

– Чего же?

– Помощника.

– Вы говорили, что работаете один.

– Как вы себе это представляете? – сириец ткнул пальцем в мокрое стекло.

– Согласен, – пробурчал собеседник, пытаясь разглядеть в водяном тумане огни светфора на перекрёстке. – В такую погоду... Даже не нахожу слов, чтобы в полной мере отразить те чувства, что переполняют меня, когда я вижу дождь в этом городе.

– Этот город давно сгнил, – неожиданно и тоже не к месту произнёс Латиф.

Потом он встал. Сгрёб конверт со стола и, пятась как рак, двинулся к дверям. Оказавшись на улице выключил запись на мобильнике. Неторопливо подошёл к фургону с рекламой женской косметики через весь борт. Обойдя его вокруг, внимательно осмотрел машину и постучал ногой по колёсам. Затем забрался на водительское сидение, закрепил в подставке телефон, завёл двигатель, включил радио и принялся ждать.

Спустя двадцать минут дисплей перед ним ожил, моргнул и начал транслировать видео – один из его людей сопровождал цель на небольшом расстоянии сзади. Латиф сделал звук тише, глубоко вдохнул, шепнул себе под нос пару успокаивающих фраз, дёрнул переключатель скоростей и надавил на акселератор, разгоняясь на скользкой дороге. Через несколько секунд, не отрывая взгляда от дисплея телефона, он вдавил педаль газа до упора, вылетел к перекрёстку на красный и выкрутил руль. Фургон подпрыгнул колесом на бордюре, снёс светофор и сбил девушку, шагнувшую с тротуара перед ним. В боковом стекле мелькнул мужчина с футляром от тромбона. И этот музыкант, который остановился за метр до мостовой и достал из кармана пачку сигарет и зажигалку, неожиданно отбросил их в сторону, одним резким движением распахнул футляр и выхватил автомат. Неприметный человек сзади, державший мобильник наготове и направивший камеру на жертву, и который уже метров двести шёл за ним следом, получил очередь в живот. Остальные две дюжины пуль изрешетили кабину фургона и тот на двух колёсах влетел в переулок, заваливаясь набок.

Латиф, чудом выпрыгнувший из машины за долю секунды до автоматной очереди, тяжело поднялся и заковылял в темноту. Втягивая широко открытым ртом сырой воздух, он держался за стены и скрипел зубами от боли в подвёрнутой ноге, стараясь ускорить шаг и раствориться среди хаотичной застройки старого квартала. Он не имел понятия, кем была заказанная девушка, да и знать о ней ничего не хотел. Единственным чувством, которое он сейчас

испытывал был страх – все время ожидал, что за спиной раздастся топот, распахнётся футляр и прогремит автоматная очередь, такая же звонкая, как щелчки градин по жестяной крыше.

Пробираясь мимо мрачных стен почти на четвереньках, сириец и представить себе не мог, что своими руками выковал первое звено из цепи грядущих жутких событий, и что с этой секунды не только его существование превратится в кошмар – жизнь для многих станет адом.

2

Капитан Козлов открыл дверь через пару секунд после длинного звонка. Открыл, совсем не задумываясь о том, кто же может находиться за ней на лестничной площадке – просто щёлкнул замком и толкнул дверь от себя.

Женщина. Молодая. Середина ночи, а она стоит прямо перед ним, протянув руку к пуговке звонка. Улыбается. Мягко. Нежно. Он даже поспешно посторонился, когда она шагнула через порог, внеся с собой в маленькую прихожую облако безумного аромата. От этого едва уловимого запаха у него дрогнули колени, а она неторопливо прошла дальше в комнату, оставляя глубокие вмятины каблучками-гвоздиками в ковровой дорожке. Он потрясённо посмотрел ей вслед, и совершенно неожиданно для себя вспомнил бывшую сокурсницу Марину, всегда смотревшую на него с презрением – красивая шлюха, но доступная только обладателям тугих кошельков.

– Ну, что же вы, капитан, – голос у нежданной гостьи был не менее чарующим, чем лицо. – Предложите мне сесть, или мебелью стоять оставите?

Неожиданно она подняла руки вверх, вытянулась, задвигала коленями, бёдрами, локтями, и исполнила что-то сродни восточному танцу, или спародировала берёзку на ветру.

– М-да, – вздохнула она, скосив на него тёмный глаз из-под пушистых ресниц. – Считайте, капитан, что у вас появилось живое дерево. Только, чур, нужду на него не справлять. Вы любите ролевые игры?

Он изумлённо таращился на неё, не в силах сдвинуться с места. Мягко говоря, в подобных развлечениях Козлов был патологическим неудачником, как для самого себя, так и для любой компании, имевшей неосторожность пригласить его к себе, хотя это и случилось всего один раз. Ещё со студенческих лет он смирился со своей ущербностью с точки зрения весёлых вечеринок с красивыми девушками, напроочь отлучённый всевозможными военными комиссиями от армии из-за серьёзных проблем с сердцем. Вдобавок и мужественная привлекательность обошла его стороной по вине родителей, и по совокупности всех факторов вниманием противоположного пола он был катастрофически обделён, даже получив офицерские погоны в особо засекреченной государственной структуре. И если бы сейчас Козлов попытался вспомнить, сколько у него было женщин за три десятка лет взрослой жизни, и начал бы загибать пальцы, то они бы так и остались растопыренными. Капитан всегда был одинок, и наслаждение испытывал не телом – мозгом. Он был аналитиком, он был серьёзен, у него было больное сердце и ему было не до шуток.

Кадык дёрнулся туда-сюда. Он просипел что-то невнятное и получил удар кулаком в спину. На пороге появились ещё двое. Высокие, крепкие, с квадратными подбородками, мерзким прищуром и в одинаковых кожаных куртках. «Как шкафы-близнецы», – глупо отметил он.

– Проходи, – буркнул первый, – не стой в дверях.

– Будь, как дома, – скривился второй и толкнул его в плечо. – Давай, шевелись. Нельзя заставлять даму ждать.

Они подхватили его под локти, намертво сдавили между железными буграми мышц и буквально внесли в комнату, попутно захлопнув дверь. Один из мужчин подошёл к окну, закрыв широкими плечами едва ли не весь проем. Второй тихо сказал женщине:

– Долго он не протянет.

Сухой, как шелест октябрьских листьев, вкрадчивый голос показался Козлову оглушительным раскатом грома.

– Отлично, – она поманила его пальцем. – Эй, капитан.

– Кто... – проблеял он, потерял редкую бородку, откашлялся и рывкнул: – Пошли вон!

– Генерал Кужель, – сказала она. – Дело срочное.

Он бросил быстрый взгляд исподлобья мимо неё на спину этого мужчины и на его давно нестриженный затылок, поросший коротким рыжеватым волосом. Выдохнул.

– Что случилось?

– Документы, которые он передал. Немедленно.

– Ясно...

Он смотрел в пол, молчал, избегая даже на долю секунды встретиться с её испытующим взглядом, и нервно сжимал мгновенно вспотевшие ладони. Неожиданные гости, кем бы они не были, явно пришли не от Кужеля. И женщина этого скрывать не собиралась.

– Ясно что? – спросила она. – Только не говори, что ты забыл, где их держишь. Мне это не понравится.

Мужчина у окна повернулся и дёрнул уголок губ. Затем медленно направился к нему, словно неся через комнату свой мощный каркас из мышц. Жёсткое, как боксёрский кулак, лицо искривилось, пошло морщинами, глаза зажглись недобрым огнём, а губы превратились в тонкую линию. Он сунул под нос капитану раскрытые корочки удостоверения, а женщина устроилась на диване, закинула ногу на ногу и заученным жестом поправила стрелки на юбке. Она ждала реакции Козлова.

– Здравия желаю, – кивнул тот. – Не видел вас раньше.

– Вот и познакомились, – она насмешливо сморщила нос и прикрикнула: – Давай, капитан, шевелись. У тебя две минуты.

– Не понял...

Он поперхнулся в ответ на окрик и вдруг осознал, что у гостыи изменилось лицо. Мягкие линии скул затвердели, закаменел подбородок, сузились глаза и все черты её яркой внешности внезапно стали резкими тенями, будто и сам мир вокруг стал черно-белым. Вместо летних ароматов девичьей кожи на капитана дохнуло холодом промозглой осени. Он помимо воли вздрогнул и беспомощно оглянулся на дверь спальни. Этот короткий взгляд был тут же перехвачен и распознан. Однако все четверо в комнате молчали и не двигались с места.

– Не люблю тишину, – внезапно громко сказала она, – и не люблю ждать до бесконечности. Две минуты прошли. Пришпорьте его.

Козлова вновь подхватили под локти крепкие ладони. Открыли его головой дверь, поставили у шкафа, повернули из стороны в сторону, подождали некоторое время перед встроеным в стену крохотным сейфом и приволокли обратно.

– Зря ты упираешься, – она повозила подошвой сверкающего лаком сапога по давно не мытому полу.

Предательски затряслась нижняя губа. Капитану нестерпимо захотелось поверить, что не от страха, а от абсурдности происходящего. У него уже было такое ощущение однажды – лет тридцать назад, ещё мальчишкой, он с друзьями забрался в строящийся дом. Удирать от проснувшегося сторожа пришлось по приставной лестнице из окна второго этажа; и вроде высота была смешной, но он, почувствовал, как дрогнула, соскользнула нога с мокрой перекладины, и ощутил эту дрожь не страхом, а осознанием неизбежности падения... Тогда он отделался переломом ключицы... Сегодня этаж был не в пример выше, а лестницу кто-то убрал...

Козлов сжал зубы. Он по-прежнему не мог поверить в происходящее. Этого с ним просто не могло случиться. С кем-нибудь другим. С кем угодно, но только не с ним.

Женщина вздохнула.

– Партизан?

Лицо Козлова пошло пятнами.

– В отличии от вас, я слышал о присяге.

Она улыбнулась, изящным движением смахнула со лба прядь волос, встала с дивана и щёлкнула пальцами.

– Прочитать, связать и ждать.

Полковник Хижук переступил порог. На долю секунды застыл, будто врезавшись лбом в невидимую стену. Потом брезгливо скривился от запаха, прошёл прямо в центр комнаты и кинул оценивающий взгляд на опухшее лицо Козлова. Он никогда раньше не работал с ним. Слышал о его феномене аналитика, но никак не предполагал, что поцелованный богом в темечко сотрудник секретной службы может выглядеть и благоухать столь мерзко. «Вот так офицер?! Как же он до капитана-то дотянул?», – брови удивлённо поползли вверх.

– Докладывай, Таболич, – сказал он и подул в сжатые кулаки, будто вошёл с мороза.

– Молчун попался, – женщина пожала плечами. – Решила подождать с настоящей обработкой.

– Простите...

Капитан запнулся языком, делая попытку вытянуться навстречу. Диван облегчённо скрипнул пружинами, освобождаясь от тяжести, но узел на верёвке был затянут на совесть и его дёрнуло назад.

– Окно откройте! – раздражённо приказал Хижук. – Мышь здесь что ли сдохла?

Один из мужчин вразвалку протопал к окну, повернул ручку на раме и холодный воздух хлынул в комнату. Второй положил тяжёлую ладонь Козлову на плечо, вдавливая его задом пружины обратно до пола. Женщина накручивала на палец прядь волос и задумчиво рассматривала на стене зашевелившиеся от сквозняка глянцево-страницы из эротических журналов.

Капитан виновато уставился на очередного гостя. А тот осторожно присел на краешек стула, вновь поморщился и достал из кармана футляр с очками. Козлов, кряхтя и постанывая, не сводил с него полного надежды взгляда. Хижука он знал: как-то раз видел в управлении, пусть и издали, но для его цепкой памяти этого было достаточно, чтобы вспомнить и без мундира. Он даже почувствовал стыд за свою подпорченную костоломами физиономию и грязную одежду. В сравнение с молодым и подтянутым полковником он выглядел уродливым, расплывшимся от жары куском заплесневелого сыра.

– Показывай, – проворчал Хижук, поворачиваясь к нему. – Все, что приказал обработать Кужель. Все доставай и показывай. Все, что есть!

– Простите... – вновь пролепетал Козлов. – Что?

Тот провёл жёстким взглядом по жирному телу капитана сверху вниз и уставился на соляные пятна, сплошь покрывающие растянутый на свисающем брюхе свитер. Выражение его мрачного лица не предвещало ничего светлого для будущего Козлова: брезгливость уступила место недоумению, затем в глазах появилась отстранённость. Всем своим скучающим видом он демонстрировал, что не понимает, каким образом оказался в этой комнате, и что ничего важнее и интереснее, чем огромные складки живота под шерстью грубой вязки, для него здесь не существует. Потом он аккуратно заправил дужки от очков за уши и кивнул.

Резкий удар в затылок сбросил Козлова с дивана. Однако, упасть не позволила верёвка. Тяжёлый кулак первого мужчины, шагнувшего от окна, поймал его подбородок в воздухе, заставил выпрямиться, а следующий удар, последовавший мгновенно, заставил проглотить выбитый зуб и вновь усадил обратно. Он даже не успел понять, что произошло, как тот уселся на его бёдра, сгрёб в кулак ворот свитера. Следом капитана накрыла волна боли, кольнула в животе, растекаясь от печени до мошонки, и рванулась криком наружу. Однако завопить не удалось – рот оказался наполовину забит плотной шерстью. Второй нахлобучил ему на голову пластиковый мешок, и он ещё успел увидеть перед собой пару абсолютно пустых глаз прежде, чем первый принялся вбивать ему в живот свой кулак так, точно хотел прощупать позвоночник. Одновременно с ним второй опускал свою кувалду на его темя. Били его жестоко и профессионально, с короткими паузами приоткрывая мешок, давая возможность вдохнуть

после каждого удара. Козлов молчал – первый же удар в живот сбил дыхание, и он мог только тихо стонать, лоя широко раскрытым ртом воздух через свитер. Потом захрипел и обмяк.

Очнулся Козлов от струи холодной воды, вылитой сверху. Раздвинул слипшиеся ресницы на одном глазу, моргнул – второй глаз так и остался в темноте. Всклипнул, втягивая изувеченным ртом воду с кровью, и закашлялся – на колени брызнула красная слюна. Нос не дышит – сломан и забит сгустками крови. Что с глазом? Или его – как нос?! Медленно повернул голову в одну сторону, во вторую. Перед ним колыхалась муть, словно мешок с головы и не снимали. Ощупал языком обломки передних зубов. Вокруг был хаос. Не такой бардак, как был здесь всегда, а настоящий, с разбросанными вещами, сорванными обоями, отодвинутой мебелью и распахнутой дверцей сейфа. Взгляд никак не мог сконцентрироваться на чём-то одном – все расплывалось, двоилось. Наконец, он сумел заставить себя увидеть Хижук. Тот стоял посреди комнаты, сдвинул очки на кончик носа и просматривал стопку отпечатанных листов и фотографий. Кривился, почёсывая ногтем лоб. Костоломы неподвижно застыли в метре с обеих сторон. По полу растекалась розовая лужа. Женщина читала книгу, прислонившись плечом к стене. Его книгу. Он смутно видел зелёную линейку закладки между страниц – не любил загнутые уголки. Детектив. Других он не покупал.

– Зачем? – прохрипел он. – Зачем было так бить?

– После такой обработки вы ещё неплохо шевелите языком, – Хижук вяло похлопал в ладоши, изобразив жидкие аплодисменты. – Но дело не в этом.

– А в чём? В тридцать седьмом? Будете продолжать выбивать из меня неизвестно что? Но в этом случае вы меня просто убьёте. Думаю, именно этим и кончится.

Полковник шагнул к нему.

– Я задал вопрос. Помните?

– Нет.

Хижук отмахнулся: не надо, мол, ахинею нести. В найденных в сейфе документах и ворохе фотографий для него ничего не было. Он свёл вместе брови. Затем отступил на шаг, сложил руки на груди и всем своим видом показал, как ему до смерти все тут надоело.

– Не заговаривайте мне зубы. Время идёт.

– Многие думают, что время придёт, но оно только уходит.

Полковник сдал тонкую пачку листов в кулак и выразительно хлопнул в ладонь второй руки. Затем рубанул ладонью воздух.

– В одном я согласен в принципе – всему приходит время. И сегодня для одного умного человека пришло время поделиться некой информацией с Ближнего Востока и благополучно о ней забыть. Вы же умный?

– Сирийский сувенир... – в уголках рта капитана запузырилась кровь.

Сухой и короткий ответ стегнул кнутом.

– Так точно!

– В порошок... вас... Кужель...

– Вот как?

Хижук с ненавистью взглянул на вонючего без всяких метафор Козлова. Покраснел, наливаясь злобой.

– Поскольку вы оказались не слишком сговорчивым и абсолютно не желаете сотрудничать – придётся повторить.

Сейчас он не испытывал к капитану презрения – затопившее его с головой чувство было сродни поражению. Он набычился, а капитан хоть и в мыслях, но попытался стать такой же точкой, в которую сейчас превратились зрачки полковника за стёклами очков.

– Скажите, почему вы так боитесь меня?

Козлов смотрел на него одноглазым волком. По подбородку текла кровь. Капала на грудь с редкой бородки. Он косился то на Хижука, то на плечистых мужчин, то на девушку, которая невозмутимо продолжала читать, и не делал никаких попыток ответить.

– Понимаю, с рванным языком много не наговоришь. Но можно просто кивнуть. А чтобы кивать было легче, мы простимулируем вас разогретым утюгом. Идёт?

– Не надо...

Он не был физически крепким с младенчества, и пусть выделялся крупным телосложением, но выглядел рыхлым, хрупким и болезненным. Даже, когда он подхватывал простуду, то страдал от инфекции долго и мучительно, и процесс длительного физического воздействия кулаками вряд ли бы перенёс. Никто и никогда не нападал на него в собственной квартире. Никто и никогда не вёл с ним бесед «а-ля стоматолог». Никто и никогда не поливал ему проломленную голову водой из кастрюли. Плюс сердце, которое только тронь – свалится в штопор.

Полковнику ничего не было известно о клапанах его преждевременно изношенного органа, нутжно балансирующего на грани возможностей – он об этом ничего не слышал и слышать не хотел. Беспечно бросив под ноги смятую бумагу, придвинулся ближе.

– Но для начала, – он поправил заколку галстука и прошипел, – так сказать, аперитив – вы мне обязательно скажете, где эти документы.

– Я постараюсь... напомните...

Полковник подозрительно покосился на него.

– Это обычная казённая папка. В ней должно быть фото. Скорее всего, на первой странице. Или, в крайнем случае, на второй. Это фото – гарантия подлинности. Оно в ней есть?

– Что на нем? – Козлов как мог оттягивал второй этап обработки.

– Молодая женщина.

– Она?

Капитан с трудом поднял веко выше и посмотрел на женщину. Та поймала этот взгляд, захлопнула книгу и уставилась в затылок полковника. Хижук растянул губы в злой гримасе, дёрнул плечом, ткнул пальцем сначала в неё, потом в грудь Козлову.

– Хорошо, я напомним ещё раз.

Он вытер палец от крови о его свитер и принялся раздражённо размахивать рукой.

– Возьмём эту красотку, как гипотетическую модель для примера. Живёт она себе на съёмной квартире. Не пойми, где трудится, но плату за коммунальные услуги и налог на социальное иждивенчество в бюджет исправно вносит. Отсутствует частенько. Бывает, что и месяцами? Может, на заработки ездит? А почему бы и нет? Блондинка, а волосы красит в чёрный. Дура? Может, и нет. За границей часто бывает? Так и железный занавес давно снят, и в данном случае, какая-либо логика в моих рассуждениях отсутствует. С другой стороны, если задаться целью выяснить её перемещения за рубежом, то стали бы они для меня актуальными тогда, когда бы она начала вести активную социальную деятельность, направленную не в то русло, или участвовать в политической жизни, скажем, самовыдвиженцем, или примкнула бы к какой-либо политической партии, или банально раскрутила бы своё собственное прибыльное дело. При этом, допустим, легально. Так что забудем о ней раз и навсегда, ибо в любой отрезок времени мне наплевать – есть у вас в управлении досье с её фото или нет. А вот та барышня никому здесь не известна. Никому!

Таболич пробормотала себе под нос «Придурок...» и отошла к окну. Полковника прямо-таки распирало красноречие, и он словно упивался своим пренебрежением к ней. Вообще-то, перед ней редко ставили задачи – решать головоломки. Она была идеальным исполнителем. Обычно её подключали на тех этапах операции, когда было уже не до этого, когда наступал форс-мажор, когда такие сволочи, как полковник Хижук, находились в паре мгновений от провала. Но едва она подступала к своей части работы, как почти всегда сталкивалась с его очередным серьёзным просчётом. Как с этим долгоиграющим делом Хромого. Просчёт за просчё-

том. Тот мужчина был словно призрак и просто издевался над ними. Нет, только не над ней! У неё сжались кулаки.

– Как вы её узнаете, если она никому неизвестна?

– Не переживай. Узнаю.

Хижук пожевал губу и твёрдо сказал Козлову:

– Я сохраню вам жизнь. Дам двое суток, чтобы покинуть страну, и даже предложу деньги.

А для начала вас перестанут бить. Согласны?

– Жизнь...

– И вознаграждение. Щедрое, между прочим.

Она оттянула уголок шторы и осмотрела окна многоэтажки на другой стороне улицы. Город спал и ничего не вызывало её опасений, но она почему-то не могла избавиться от внезапно возникших тревожных мыслей о Хромом. В последние пару ночей особенно. И чем меньше времени оставалось до встречи с его связным, тем чаще эти размышления всплывали в мозгу. Прямо-таки лезли в него с пугающей настойчивостью. Она давно и часто задумывалась, как это все случится. В смысле, как будет выглядеть этот человек. Мордатый такой, с залысинами. Живот, как у Козлова, выдающихся размеров. Потное лицо, которое он чересчур часто вытирает платком, скорее от волнения, нежели по какой другой причине. Злые, бегающие глаза, маленький перекошенный рот... Она ненавидела эту внешность, этот портрет, созданный разумом, уже целых три года, так ни разу и не встретив его героя вживую, но не сомневалась, что он именно такой. Хитрый, осторожный, расчётливый... Стрелки призрачных часов, огромных, как кремлевские куранты, что периодически просыпались в её голове с самого детства, сдвинулись с оглушительным щелчком. И Аста стиснула зубы, скосив взгляд на связанного толстяка – если она сейчас же не прикончит этого уроды, то рехнётся.

– Фотография есть, – едва слышно прошептал капитан. – Есть. С надписью на арабском.

Хижук чуть не подпрыгнул на месте. Вновь потёр ладони, будто никак не мог их отогреть.

– Ну?

– В спальне. За потолком.

Через пять секунд навесной потолок был искромсан на лоскуты, а искомое было накрепко сжато между вспотевших ладоней полковника. Он прижал локтем пухлую папку, на которой стоял длинный регистрационный код. Посередине была крупная и ровная, как под линейку, надпись: «Сирийский сувенир». В самом верху красовался синий оттиск штампа «Совершенно секретно. Оперативный Аналитический Центр».

– Видите, все оказалось проще простого, – он довольно хмыкнул. – А вы своим упорством вынудили моих сотрудников показать своё мастерство, а у них жены, дети. Ночь. Сны плохие, а то и бессонница. Тревога камнем на сердце. Представляете, как сложно после таких стрессов им в семейной жизни приходится?

– У них богатый опыт, – Козлов поднял окровавленное лицо.

– Опыт богатый – практики маловато. Ну, не беда. Сейчас мы это исправим.

Когда крепкие руки вздёрнули ему голову вверх и заставили смотреть на эту почитательницу детективов с ледяным лицом, он, похоже, не соображал, что происходит. А она заглянула ему в открытый глаз и принялась навинчивать на ствол глушитель.

– Знаешь, что это?

Он промолчал, чувствуя, как немеют кончики пальцев, как закололо в сердце за сломанными рёбрами, а затем... Оно начало сбиваться с ритма... Он с тоскливым удовлетворением понял, что результатов грядущего этапа обработки полковнику не видать, как своих ушей.

– Не знаешь? Или просто не хочешь отвечать? – спросила женщина.

– Знаю, – безразлично ответил он.

– Хромой? – поинтересовалась она. – Кто он?

Капитан непонимающе наморщил лоб.

– Не знаю. Инвалид, наверное.

– Лжёшь! – прошипела она.

Ресницы на левом глазу сомкнулись, натянулась кожа на скулах, а кончик языка скользнул по верхней губе. Козлов отвёл глаз от её застывшего лица и посмотрел в чёрное отверстие глушителя. Затем встретился со взглядом Хижук.

Полковник выдержал паузу, точно хотел, чтобы капитан попросил его ещё о чём-нибудь, а тот медленно поднял и опустил измазанный слюной и кровью подбородок. Из глаза выкатилась слеза. Кроме этого единственного признака, казалось, что он вообще не испытывает никаких эмоций.

– Точно... мусор... – согласился он. – Мусор в этой папке ничего не стоит...

Он начал падать за миг до выстрела, а Хижук не успел остановить её палец. Сорвал тряпущимися руками застёжку папки, лихорадочно пролистал первые страницы, взвыл и бросился обратно в спальню Козлова.

Спустя пару минут, когда Таболич уже сидела в кресле, забросив ногу на ногу, и с хмурым выражением на лице вдыхала запах оружия, только что исторгнувшего смерть, полковник встал на пороге комнаты. Белое от ярости лицо и пустые руки свидетельствовали об очередной неудаче.

– У тебя горело? – спросил он с едва сдерживаемым бешенством.

– Возможно, – она небрежно покачивала ступней. – Ненавижу слушать ложь.

– Здесь я решаю, кому и что слушать, тупая ты крашенная сука! – Хижук позеленел от гнева. – Ясно тебе?!

– В прошлый раз ваше желание блеснуть красноречием во время допроса оказалось безрезультатным, – она криво усмехнулась. – В этот раз, как я понимаю, оно снова закончилось громким пшиком?

– Что ты сказала? – он едва не отшатнулся от этой издевательской насмешки.

Она наклонилась, рассмотрела крохотные, похожие на бисер, влажные пятнышки на носке сапога и покачала головой.

– Вот, вляпалась же в какую-то мерзость. Не квартира, а свинарник.

– Психушка по тебе давно исстрадалась!

– Надо было всего лишь открыть папку сразу, – она мило улыбнулась. – Я права?

Он бросил на неё уничижительный взгляд. Беспомощно пытался понять, что же теперь делать. Ухватил подбородок в кулак и думал, думал, думал... Один раз ему даже показалось, что он что-то понял, открыл рот, попытался произнести мысль вслух, но тут же оборвал себя сам, потому что озарение ускользнуло в очередной раз. Ускользнуло, чтобы больше не возвращаться.

– Приберитесь! Вызовите, если ещё кто нужен. Чтобы чисто мне все! – со злостью бросил он мужчинам и выверился на женщину: – Опять на электрошок захотела?!

Она вскочила и вытянулась.

– Нет, мой генерал!

Хижук сплюнул ей под ноги.

– Господи, какая же ты дрянь...

– Я красотка.

Она изобразила реверанс. Он толкнул её обратно в кресло и шагнул к дверям, задирая ноги как журавль, чтобы переступить через тело Козлова.

3

За грудиной шевельнулась боль. Потом снова и почти нечувствительно. Отдалась в плечо, потянулась к локтю, к немеющим пальцам. Генерал Кужель невольно потёр грудь под толстым свитером. Подумал, что конец начинается тогда, когда ты вдруг выходишь от неожиданно ставшего разговорчивым терапевта и начинаешь прислушиваться к своему телу... Рановато как-то в пятьдесят четыре года... Хотя, кто его знает – может, и в самый раз.

Фотография. В старом альбоме под тонкой папиросной бумагой. На ней он ещё совсем мальчишка, новенькие погоны, форма советника. Рядом с его официальной фотографией любительский снимок. В уголке надпись на арабском строгой типографской вязью. Улыбающаяся девушка в армейском берете. Ладонь на цевье автомата. Тонкий ободок серебряного колечка. В самом низу чёрная строчка пожелания от руки. На этом блеклом прямоугольнике картона она ещё жива... Никто не виноват. Корректировщик ошибся. Ночь. С кем не бывает... сегодня у неё был бы день рождения...

Он сжал кулаки от бессильной злобы. На левой руке хрустнули костяшки. На правой – едва-едва сомкнулись пальцы. У двери раздался скрип. Водитель, устав ждать, начал ёрзать на стуле. Генерал вскинул брови, не отрывая взгляда от альбома. Шорох прекратился. Сержант почувствовал его ярость, притих, даже дышать стал намного реже.

Он дотянулся до мобильного телефона и набрал номер. Долго вслушивался в вереницу гудков. Потом прослушал и безликую запись двуязычного женского ответа. Затем раздражённо бросил телефон. Вставать из-за стола и отправляться на запланированную встречу Кужелю не хотелось. И не потому, что раздумал на рыбалку в такую погоду, хотя для щуки самый жор – просто навалилось какое-то гадкое предчувствие. С ним всегда происходило что-то неприятное в этот день. И сейчас начало происходить в тот самый момент, когда увидел на раме окна замёрзшую бабочку... Зима в этом году пришла как никогда рано.

Однако, он лгал самому себе – все перевернулось три года назад, когда в одном из музеев Кракова ему протянули тщательно заклеенный пакет. Он тогда удивлённо посмотрел на хорошо одетого мужчину с таким пустым и безразличным взглядом, что отчётливо увидел в его зрачках целую шеренгу подобных взглядов, воткнувшихся ему в лоб, грудь, живот... Взглядов, ответственных за расстрельный залп... Тот мужчина назвал странное имя или кличку... Ещё он назвал имя женщины, от которой этот пакет не мог прийти никогда... Из загробного мира не пишут... Но тогда, подозрительный до мозга костей, он безоговорочно поверил этому человеку...

Генерал нащупал в кармане патрон от пистолета и ласково погладил тёплую гильзу своего афганского талисмана. За столько лет патрон вытерся о ткань и пальцы до зеркального блеска, и он вдруг подумал, что в последнее время стал слишком часто просить поддержки у бездушного кусочка металла. Это тогда, в Афганистане, забившись в незаметную узкую щель в скале и приставив к виску пистолет погибшего комроты, он твёрдо знал, что кроме единственного патрона у него больше нет боевых товарищей. Всю ночь он держал дрожащий палец на спусковом крючке и тоскливо слушал, как перекликались моджахеды, разыскивая его. В тот раз не нашли, а сейчас, словно подобрались почти вплотную. Он ещё раз потёр патрон, вспомнив, как тогда прилетела поисковая группа, и он с трудом разогнул скрюченные пальцы, передёрнул затвор и поцеловал тусклую латунь последнего патрона, выпавшего на ладонь.

Кужель провёл пальцем по пожелтевшей бумаге над фотографией. Сдвинуть тонкую преграду и прикоснуться к её лицу он так и не смог, как будто боялся осквернить память о ней, что ли. Взглянул за окно. Снаружи было так же мерзко, как у него внутри. Стылый ветер лениво ворошил листву, сгребаемую дворником, на зелень травы лёг иней, с неба сеялась снежная крупа. И бабочка была на месте. И ноющая боль за грудиной никуда не исчезла. Он снова потёр

свитер над сердцем. Та война никуда не делась. Каждое утро напоминала о себе. Скрытая, беспощадная, и она так долго продолжалась, что даже ветераны, подобные ему, давно от неё устали...

– Едем, товарищ генерал? – тихо спросил сержант и осторожно встал, опасаясь его гнева. – Все уже там, наверное. Машина прогрета. Снасти я проверил.

Кужель помрачнел и свёл вместе брови. Кинул на сержанта из-под насупленных бровей тяжёлый взгляд. С того самого момента, как месяц назад вышел из кабинета начальника военного госпиталя, его никто не торопил. Даже намёком. Не принято было подгонять того, кто готовился к смерти.

– Фляжку подай, – буркнул он. – Быстро.

– Так я же... – испуганно засуетился водитель. – Нельзя вам... врачи... они же запретили.

– Да! – рявкнул он. – Фляжка где?

Сержант как-то сокрушённо вздохнул и не стал настаивать. Откуда-то из-под полы камуфляжной куртки на свет была извлечена серебристая сверкающая посуда с вычурной резбой, не издавшая при этом ни единого всплеска, будучи наполненной коньяком под завязку. Генерал протянул к ней руку, привычным движением отвернул крышку, и опрокинул воронку горлышка себе в рот. Внутренности тотчас же согрело ароматное тепло, сердце подпрыгнуло, забилося ровно и гулко. Он потянулся к куртке.

– Иди. Я сейчас, – бросил сержанту.

Из ящика стола Кужель достал два конверта из плотной бумаги. Один тонкий и измятый – тот из Кракова, с которого все и началось. Второй – новенький и похрустывающий набитым нутром. С трудом затолкал их в карман. И только потом захлопнул альбом. Запер его в этот же ящик стола – до следующего её дня рождения, которое он больше никогда не встретит.

Он вышел из подъезда следом за водителем. Открыл дверцу машины, оглянулся, подняв глаза к тому окну, из которого он пару минут назад смотрел на холодный камень города. Стекла сверкали примороженными каплями воды. На раме виднелось тёмное пятно. «Крылья, как цветная клякса», – неожиданно подумал он. Затем у него дёрнулась щека. Он видел, что и сержант-водитель, и офицеры из охраны, вцепившиеся мёртвой хваткой в огромный зонт, не сводят с него глаз, стерегут каждое движение, чувствуют каждый вдох. Так получилось, что они не знали, какое «развлечение» предстоит Кужелю сегодня, но понимали, что неспроста у генерала уже который день ходят желваки по скулам и время от времени пальцы сжимаются в кулаки.

Кинув последний взгляд на окно рядом со своим, где за плотной тканью темной шторы – он это точно знал, – стояла жена, которая после судебного приговора больше не выходила его провожать, генерал поставил ногу на подножку. Офицеры со щелчком сложили зонт. Оба молчаливые, настороженные. Один запрыгнул на первое сидение, второй юркнул в автомобиль сопровождения. Хлопнули дверцы. Он положил ладонь на поручень перед собой и кивнул в зеркало в салоне. Сержант ответил ему тем же и включил передачу. «Дворники» со скрипом смахнули очередную порцию ледяной мороси с лобового стекла. Машина личной охраны тронулась первой. Наверху колыхнулась тяжёлая штора.

– В госпиталь, – приказал он и принялся вновь набирать номер аналитика Козлова.

Покачиваясь на широком сидении, генерал пытался просчитать капитана и его упорное молчание. Тот никогда не блистал скоростной работоспособностью, но свои обязанности выполнял с лихвой, вдумчиво и скрупулёзно анализируя предоставленные данные, тихим и гнусавым голосом запрашивая очередное подтверждение у оперативников, казалось бы, малозначительным фактам. И если другие аналитики периодически получали должности, звания, квартиры и уходили на повышение, то капитан, страдающий одышкой от непомерной полноты, застарелого порока сердца и ужасно потеющий уже при десяти градусах тепла, так и продолжал сидеть в крохотном кабинете, в который пришёл лейтенантом. За лишний вес,

стойкий запах пота, вечно измятые брюки и бородку клинышком в управлении за глаза его звали в лучшем случае жирным вонючим козлом, а те, кому не посчастливилось миновать его сотрудничества, проклинали все на свете и не стеснялись ни в виртуозных эпитетах, ни в общенной лексике.

Так случилось, что, страдая неисправимой медлительностью, Козлов мог похвастаться и тонкой интуицией, и каким-то фантастическим чутьём, педантично подводя любое порученное дело к логическому концу. Правда, со сроками у него никогда не складывалось. Частенько Кужель, доведённый до белого каления этими задержками, грозился выгнать неторопливого сотрудника ко всем чертям, но когда рапорт все-таки добирался до его стола, то даже к пунктуации в документе при всём желании невозможно было придраться. Он в очередной раз удивлялся и вместо выговора, выписывал нерасторопному аналитику скромную премию. На большее и сам капитан не думал претендовать: так и ковырялся в малозначительных сведениях и фотографиях, выдавая через пару месяцев такое, что на некоторое время становился для всех не простым вонючим козлом, а козлом уважаемым.

Вот неделю назад неторопливый феномен и выдал по краковскому пакету... сирийский сувенир... Анхар... жаль, что он не увидит, как главного комитетчика смешают с навозом, который он должен был с детства разгребать на скотном дворе вместе с лидером нации, а не калечить людские судьбы. С этого момента председатель и его свора не просто полетят под откос – рухнут, как взорванный бородами душманами мост.

Себе Кужель не льстил. Он не отделял своё существование от остальных – сам увяз по уши в этом дерьме. Пройдя все круги малолетнего и юношеского ада в окружении озлобленных собратьев по судьбе, генерал ни к кому не испытывал никакого сострадания. С самого начала понимал ведь, что чудеса на этой службе только в сказках бывают, а карабкался вверх, по-звериному чувствуя, когда, как и кому наступить на горло, а кому и плечо подставить. Карабкался так же, как лезут наверх мрази, подобные полковнику Хижуку. Но, наверное, помимо звериной составляющей, в его чутье осталось ещё что-то, что позволило ему окончательно не зачерстветь и придавало сил: сначала в детдоме, а потом в Сирии, Анголе, Афгане, здесь... И ещё появился тот курьер из прошлого, а вместе с ним появилась и та фотография в альбоме... Ему словно давали шанс сдохнуть по-человечески, а не по-собачьи. За кордоном давали, а здесь – нет. Даже сейчас свои же пытались подложить ему девочек; нанимали мастеров фотомонтажа, чтобы скинуть прессе его провокационное фото рядом с махровыми националистами или геями; любыми методами стремились дискредитировать, вывалить в грязи и максимально испортить жизнь.

Козлов молчал. Генерал раздражённо постукивал мобильником, включённым на автодозвон, по подлокотнику. Ему бы ещё напоследок уточнить кое-что, услышать настоящее имя человека со странной кличкой «Хромой», и узнать, кем для него была его дочь...

– Анхар...

– Что? – не понял сержант, скосив взгляд в зеркало.

– Прибавь!

– Есть прибавить!

Тяжёлая машина рванулась вперёд. Джип сопровождения тут же нагнал, уверенно пошёл по краю полосы, включив сирену и стробоскопы. Сержант начал послушно сбавлять скорость, но только до следующего свободного участка трассы, когда Кужель, рассматривая дисплей молчававшего мобильного телефона, оторвал от него глаза и недовольно скривился. Он пока не опаздывал, но и не успевал так, чтобы прибыть первым и осмотреться.

Это был самый обыкновенный армейский госпиталь. Над главным корпусом хлопал на ветру промёрзший флаг. Сосны, пожухлая трава под ними, скамейки, крашенные заборчики, ровный ряд припаркованных машин у сверкающих белизной бордюров. У крайней в длинном

ряду скамеек переминался с ноги на ногу молодой мужчина. Он отвернул рукав на запястье, бросил короткий, но внимательный взгляд на приближающегося Кужеля, прикоснулся к уху под спортивной шапочкой, шевельнул губами и неторопливо двинулся в сторону лесного массива.

На боковой аллее показалась странная процессия. Два человека с широченными плечами и физиономиями палачей сопровождали старика, похожего на сморщенного гнома. Напоминая борцов тяжеловесов, они шагали широко, но медлительно, чтобы маленький человечек, сидящий между их мощными фигурами, всегда оставался прикрыт. За десять шагов до скамейки старик поднял руку и двинулся дальше один.

– Франц Витольдович? – генерал одёрнул рыбацкую куртку и вопросительно приподнял бровь.

– В вашей службе не знают, как я выгляжу, господин Кужель? – усмехнулся тот. – Охотно вам не поверю.

– Присядем? – спросил генерал.

– Ну что ж, – старик, кряхтя, устроился на скамье. – Посидим, хотя в моем положении это уже и ни к чему. Что же вы место такое открытое выбрали? Снимут нас здесь на раз-два. Видео председателю на стол. Запись разговора. Выражение лиц и прочие пикантные подробности. А ведь до пенсии вам ого сколько.

Кужель криво усмехнулся. В других обстоятельствах эта встреча была бы его концом. Что тут скажешь: вся вертикаль под карательные функции заточена – от зелёного лейтенанта до самого трона. Но с некоторых пор ему были безразличны и председатель, и вездесущие сотрудники внутренней безопасности, и собственная жизнь. Никчёмная жизнь, как сейчас ему казалось. Ведь она так и не побаловала его счастьем на всем тяжёлом пути по служебной лестнице к генеральскому званию – скорее, была откровенно жестока с самого интерната, куда его определили ещё ребёнком.

– Пусть вас это не беспокоит, – мрачно сказал он.

– Почему? – тут же заинтересовался старик.

Он не ответил. Присел рядом и засунул пальцы в карман. Через пять минут Франц Витольдович смотрел на него во все глаза. Этот человек явно не шутил. Именно это напугало его до смерти, а не та хмурая уверенность и честность, которую собеседник распространял вокруг. При этом он не был похож на человека, чьим смыслом жизни была эта самая честность – наоборот, казалось, он шёл наперекор одному ему понятным принципам. Уверенно шёл, будто напролом, расталкивая, разбрасывая, расшвыривая всё, что так тщательно создавал сам.

Маленький человечек нервно постукивал жёлтыми ногтями по зубам и непрерывно переводил блеклые глаза с лица генерала на два конверта. Они так и лежали с самого начала на гладком дереве скамьи. Простые конверты для деловых писем. Заиндевелившие с тепла, безобидные на первый взгляд, и которые тот достал из кармана: без марок, без подписей, без какого-либо адреса. Один из них был явно толще другого в несколько раз – там было то, предназначение чего старик не хотел бы и слышать. Второй, хотя и был гораздо тоньше первого, но также содержал в себе не менее ужасные для него вещи. И хотя его визави уже озвучил их содержимое, он по-прежнему не рисковал к ним прикоснуться.

– Я не могу ждать до бесконечности, – угрюмо сказал генерал, – да и желания больше нет. Определились, Франц Витольдович?

Старик медленно кивнул, не сводя глаз с конвертов – особенно с того, который был тоньше. Он все никак не мог поверить в происходящее – от человека из высшего эшелона современной госбезопасности он ожидал чего угодно. Однако, чтобы вот так, как сейчас...

– Я не успею, – проворчал он и добавил: – Сколько вам осталось?

– Мне все равно! – отрезал генерал. – Неделя, наверное. Две – вряд ли.

– У меня полгода. Может быть, месяцев семь, – тихо сказал он. – Вечность, если можно так считать в нашем случае.

– У меня этой вечности нет!

Старик пожевал губу и вздохнул, встретив холодный, пронизывающий насквозь взгляд собеседника. Такой же колючий, как этот леденящий ветер на аллее парка.

– Результат увидеть не обещаю. Сами понимаете.

Кужель встал и, не прощаясь, направился прочь.

Франц Витольдович смотрел ему вслед. Сотрудников советской закалки он презирал до зубовного скрежета, а сейчас презирал и молодёжь – в систему стали брать в первую очередь тех, кто не умеет говорить, а только лает. А этому генералу, будто на пороге смерти вспомнившему давно забытые книги об офицерской чести, и в самом деле удалось его вычислить. И напугать удалось – до противной дрожи в коленях, до спазмов в животе и часто запрыгавшего сердца. Но одновременно удалось и озадачить. В его время могли не только сгноить в тюрьме за связь с иностранкой, а и прикончить, не раздумывая ни секунды. Он махнул своим телохранителям, которые тяжёлой трусцой подбежали к нему и принялись озираться по сторонам, сжимая оружие в карманах.

– Машину! Аэропорт! Быстро! – он отчеканил каждое слово, сгрёб конверты и затолкал их за отворот пальто.

4

Председатель комитета госбезопасности оперся коленом в брезент рыбацкого стульчика. Перехватил спиннинг половчее. Сбалансировал его в кисти. Затем на полпальца сдвинул хват.

– И какой же результат? – спросил он.

Полковник Хижук прикрыл ухо ладонью от летящей снежной крупы.

– Курьеры Гензера, – сказал он. – Сирийский пакет и в самом деле существует в оригинале. Может, он и сейчас здесь. Однако, думаю, что пошёл по кругу. И его точно привезут во второй раз. Наверное, сам Хромой. Вопрос – кому в этот раз?

– Что ж, возможностей для этого ты своей самодеятельностью наворотил предостаточно. С лихвой, так сказать. Даже более чем. Узнал, кто он такой?

Он размахнулся и отправил блесну к полузатоленной коряге.

– Черт...

– Пока нет. Гензера попробуем взять в Дамаске. Если удастся, то сирийский след закроем.

Хижук попытался оправдаться, прекрасно понимая к чему тот клонит. За свою всю свою службу он только один раз проявил инициативу – расплачиваться за неё приходится уже три года. Как бы жизнью не пришлось расплатиться.

– Тебе хоть что-нибудь удалось?

Полковник натянул кепку глубже и произнёс то, чего в данный момент председатель слышать бы не хотел:

– И так уже ради одного прозвища полдюжины трупов.

– Он и в самом деле хромой?

– Не знаю. Пока не знаю.

– Тут ты, конечно, отличился. Трупы то свои!

Хижук помялся и буркнул:

– Мы из многих подобным образом доставали информацию.

– Подобным образом? – председатель указал подбородком в траву, где лежали две крупные щуки со сломанными хребтами. – Кужеля ты тоже так? Или кишка тонка?

– Придёт и его очередь, – полковник опустил глаза и растёр второе ухо. – Сломаю. Подобным образом.

– Ты? – на лице председателя на долю секунды появилась презрительная гримаса. – Он боевой офицер. Оперативник. Разведка. Спецназ. А ты... лакей!

Председатель убрал колено со стульчика, бросил спиннинг на землю и крикнул:

– Эй, кто там?! Блесну отцепите!

Затем повернулся к поникшему Хижук. Тот стоял, втянув голову в плечи.

– Дело в том, – злым тоном произнёс он, – что не стоит – никогда не стоит! – делать исключений. Иначе те законы, к которым они применены, становятся уже не законами, а так, в лучшем случае правилами, и они начинают обрастать такими исключениями, как ты; их становится все больше и больше, и уже не поймёшь, где закон, а где те, кто его обходит. Ведь исключением стал не только ты – им стала эта сумасшедшая! Как её там кличут? Таболич? Капитан госбезопасности... Тьфу!

Он показал на бегущую к ним охрану.

– Утопить бы тебя прямо сейчас и дело с концом. И всю твою группу недоумков следом! Правда, в отличие от тебя, они хоть на курок жать умеют.

– За что? – поразился этой вспышке гнева Хижук. – За преданность?

– Ты – человек, который получил право выбивать секреты. Разве не может быть так, что ситуация выдумана от начала и до конца. Тобой лично и выдумана, чтобы получить настоящие

номера счетов, верные кодовые фразы и доступ к финансам. Наверное, каждый, кто побывал в твоих руках, сообщил свою часть информации? И как? Складывается целое?

Он приподнял хрупкую алюминиевую конструкцию, со злостью швырнул её об землю, сжал кулаки и заорал в лицо подбежавшим офицерам из охраны:

– Оглохли?! Блесну достать!!!

Перепуганные лейтенанты принялись лихорадочно раздеваться. Председатель отошёл на десяток шагов дальше от воды. Махнул полковнику. Тот посмотрел под ноги, поковырял твёрдую, как асфальт грязь носком ботинка и пнул примёрзший комок.

– Вы же сами дали добро, – буркнул он.

– Этому «доброу» три года, – председатель выделил каждое слово. – Ты все это начал. Три года кормишь меня какими-то обрывками информации, а результата я и до смерти не дождусь. Не надейся – до твоей смерти.

– Я допросил всех, до кого дотянулся, сложил два и два и знаю, что есть только один человек с этой стороны границы, которому не надо было собирать информацию по крупницам. Генерал Кужель.

– Значит, все, что тебе осталось сделать – побыстрее разгрести эту кучу дерьма. С Кужелем уже все... С тобой... Поверь, у меня действительно нет желания устранять тебя при благоприятном исходе дела. Будешь уволен при реорганизации отдела. Получишь выходное пособие, пенсию и все сопутствующее ей.

– Я не думаю, что все закончится так плохо.

– Это ты о смерти?

– О курьерах. И о пенсии.

– В принципе – реально. Но, насколько я понял, курьеров больше не будет. Будет сам Хромой. Итак, кто он?

– Хоть убейте, не знаю.

– Убью, не переживай. Короче, фантазировать можно бесконечно?

Хижук промолчал. Председатель прищурил один глаз. Второй – выпуклый, весь в кровавых прожилках, проткнул в полковнике дыру.

– Ты совершенно не хочешь делать то, что от тебя требуется. Хочешь, чтобы созданную тобой же ситуацию вместо взялись исправлять другие. А так неправильно. И, между прочим, наводит только на одну мысль – ты водишь меня за нос. Очень профессионально, но тут, как говорится – «с кем поведёшься...» и тому подобное.

Полковник втянул голову в воротник, хотя втягивать дальше уже было некуда, и сказал:

– Я исправлю сам. Постараюсь.

– У тебя неделя. Потом конец. Тебе, жене, детям... уж, чтоб наверняка, чтобы совсем никто... Короче, время пошло.

Хижук, конечно, осознавал, насколько он близок к старухе с косой, но не подозревал, что настолько. Однако, напомнил.

– В случае неудачи проблемы будут у многих. И не просто проблемы. В той папке не только моё имя – из того сирийского дерьма торчит ещё пара ушей. Из самого верха.

– Так найди курьера и все. За кордоном найди. Нечего тут родную землю чужими трупами пачкать.

Председатель отвернулся, рассматривая бултыхающего в ледяной воде лейтенанта. Всунул руки глубоко в карманы. Высокий, крепкий, твёрдо стоял в шаге от полковника на вытоптанной в заиндевевшей траве проплешине. Неожиданно для самого себя Хижук моргнул и уставился ему в спину.

– А если я не стану его искать? – тихо спросил он, дрожа от собственной наглости, приправленной липким страхом.

– И черт с тобой... – председатель даже не обернулся. – Я уже устал от тебя настолько, что мечтаю только об одном. Пусть все это закончится хоть как-нибудь. Закончится и все. А для тебя все закончится сейчас.

– Я понял... – сказал полковник после непродолжительной паузы. – Я постараюсь... Мы постараемся, но... если что-то не получится, не обессудьте...

– Неправильный подход. Либо делаешь – либо конец. Только так. Потому что так и должно быть. Чистота рядов, знаешь ли.

Капитан Аста Таболич не была тупой крашеной сукой ни на кончик мизинца младенца. Если эта бездарь, полковник Хижук, не стесняясь подчинённых, называл её так, то только потому, что процесс мышления никогда не отображался на гладком и чистом от морщин лбу. Впрочем, недалёкой её считало абсолютное большинство мужчин в погонах и без. Но, как бы там ни было, рядом с колонией тараканов, змеиным гнездом и множеством других странностей, природа подселила в очаровательную головку острый и пронизательный ум. За яркой внешностью изящной блондинки скрывался настоящий компьютер, способный за короткое время решать сложнейшие задачи. И личный блокнот капитана Козлова, заполненный бессмысленным набором сведений и цифр, через несколько часов анализа предстал перед ней огромной кучей важной информации, которую срочно требовалось систематизировать. Однако, в первую очередь, ей надо было кое-что проверить.

Теперь она стояла у новостройки-свечки, рассматривала её тёмные окна и ступени подъезда, припорошённые девственно чистым снежком. Судя по схеме для новосёлов, приколотой на железной двери, квартира майора Питкевича располагалась на двенадцатом этаже и выходила окнами на другую сторону. Она удовлетворённо кивнула сама себе и прижала пальцем кнопки на домофоне.

Майор открыл ей дверь голый по пояс.

– Салют, – он потянулся губами к её щеке.

– Стоять! – она остановила его поднятой ладонью. – Прибереги телячьи нежности для жены.

– Один, – он хохотнул. – Наша служба и жены несовместимы. Не выдерживают они.

– Тогда для шлюх. Они выносливые.

– Злая ты на язык.

– Я на службе.

– А-а-а... – протянул он и поиграл мускулами. – С нетерпением жду твоих выходных. Или, может, сейчас? Вон, вся в снегу. Замёрзла?

– Я не сошла с ума, чтобы увидеть тебя во второй раз.

– Проходи, – он ногой распахнул дверь.

– По-спартански живёшь, – слегка удивилась она, расстёгивая пальто.

– Недавно переехал.

Аста встала посреди комнаты, всунула руки в карманы и осмотрелась: тахта, пару стульев, картина на стене и компьютерный стол. Майор уселся в кресло у монитора и окинул жадным взглядом её фигуру.

– А у тебя мужик давно был? Ну, там... – глаза остановились на её груди, – для секса?

Тонкая бровь Асты круто изогнулась. От мужчин она не шарахалась – любила их, как и каждая нормальная женщина. Но, как-то серьёзно обожглась пару раз – пришлось настрадаться. Да так, что она даже боялась стать гипертоником, потому что от нестерпимой обиды жутко болела голова, слабели ноги и к горлу подкатывала противная тошнота. Пережила, размазывая ночами сопли и слезы по подушке, и начала их игнорировать. Сердцем хотела, телом, а вот разумом отметала эти желания напрочь. Тем более зная, какие эротические извращения

засылались в её адрес коллегами – заслушаешься, как пением соловья. Но и на зеркало нечего пенять... Сама выбрала этот путь – самой и нести этот крест до конца.

– Если бы ты хоть на секунду направил свои мозги в нужную сторону, то мой визит закончился бы быстрее, – сказала она.

– Оставайся, – колёсики кресла скрипнули.

Он резко крутнулся на стуле. По-медвежьей крепко сжал её ягодицы и дёрнул к себе.

– Да плюнь ты на работу, Снегурочка. Извелась же вся. Как только мне удастся тебя расшевелить...

Ствол пистолета ткнулся ему в скулу.

– Руки убрал, Морозко! – прошипела она.

Он замер на миг, судорожно сглотнул и осторожно положил ладони на колени.

– Не знаю... Мне показалось, что... Да брось, забудем... Глупость какая-то получилась...

– Отчего же... – Аста прищурилась. – В какой момент ты решил, что мне нужен мужчина. Тебе, наверное, много гадостей обо мне наговорили?

– Нет, – ответил он и сразу понял, что от этого короткого слова за километр несёт фальшью. Но все равно повторил: – Нет, конечно.

– Хорошо, – она отступила на три шага и присела на краешек тахты у стены. – Нет так нет. Брось-ка мне свой телефон. Разблокированный.

Ствол и переносицу майора соединяла одна линия. Он опустил глаза и отвернулся к монитору. Поёрзал на стуле, положил пальцы одной руки на клавиатуру, зачем-то провёл другой ладонью по столу.

– Я жду! – прикрикнула она.

– Что ты там хочешь найти? – он пожал плечами. – Ладно, держи, поиграйся.

Когда мобильник оказался у неё, Аста пролистала историю вызовов. Нахмурилась, разглядывая профиль майора и выстукивая ногтями по дисплею. Через минуту достала свой телефон.

– Шрам, – спокойно сказала она, – запоминай адрес.

– У меня тут не проходной двор! – взвился майор.

– С места не двигаться!

– Сдурела?!

– Теперь можешь начинать бояться, – сказала она, покачивая стволом.

Питкевич ухмыльнулся.

– Мне и так страшно. Правда, непонятно от чего. Если ты мне пояснишь, в чем дело, то я, пожалуй, соглашусь бояться более осознанно и качественно.

Он до глубины души был поражен её яростью. Но, зная, как о ней говорят в управлении за глаза, рисковать не хотел – перегнуть палку в разговоре с этой особой было легче лёгкого, а ситуация, в которой он сейчас находился, была просто из ряда вон. Короче говоря, страшно ему было до чёртиков, но тренированная психика мгновенно мобилизовалась. Он хотел было спросить, что ей в самом деле надо, но Аста взмахом руки не дала ему открыть рот.

– Не мешай. Придёт время – спросишь.

Она снова думала о Хромом, об этом майоре и покойнике Козлове. Телефон Питкевича в его блокноте не был чем-то странным. Странным было то, что в незашифрованной части блокнота, из которой и выплыли цифры его номера, он стоял между двумя строчками абонентов в Сирии.

– Я сейчас начну говорить прописные истины, – начала она, – но боюсь, что тебе не дано понять ни слова из того, что я скажу.

– Отчего же. Я тебя выслушаю, – кивнул Питкевич.

– Я тоже. Ещё раз, – она умолкла и разглядывала капельки пота на его плечах.

Казалось, напряжённость между ними на некоторое время пропала. Майор тоже молчал и с бешеной скоростью размышлял, куда бы сейчас направить разговор, чтобы вести его тоном помягче и в то же время максимально информативно, но тишина была неожиданно нарушена вопросом:

– Ты моешься?

Она наклонила голову на плечо и пристально посмотрела ему в глаза. Питкевич окрысился. Вопрос был задан явно неспроста, но в ответ вновь пришлось кивнуть.

– Каждый день.

– Так почему в этой комнате так воняет козлом? То есть, капитаном Козловым из аналитического отдела?

Отвечать ему было незачем. Вопрос был наполовину риторическим, наполовину издевательским. Оставалось только сопеть, раздувая в бессильной злобе ноздри, гонять по скулам желваки, скрипеть зубами и жалеть. Жалеть, что не пристукнул её сразу у двери!

– А чего ты так напрягся? – усмехнулась она. – У тебя есть какие-то тайны?

– Догадайся, – он смотрел исподлобья.

– Врать мне бессмысленно. Я жду откровений, и от этого много чего будет зависеть.

– Ладно, поиграем по твоим правилам, – нехотя пробурчал он. – Был он тут. Не вдвоём со своим брюхом, само собой – по «Skype» общались.

– По службе? На личном компьютере? – она показала глазами на монитор.

– Извини, – он развёл руками и подмигнул. – Во внеслужебное время и по своим личным вопросам.

– Я бы хотела увидеть историю этого общения.

– Личное это, понимаешь, личное, – он произнёс последнее слово по слогам.

Она, казалось, и не собиралась настаивать. А Питкевич подумал – продолжать играть с ней, или вспомнить, что у него свободные руки, встать и врезать ей между глаз? Силы только рассчитать, чтобы непоправимо не сломать что-нибудь важное для здоровья. Никаким рапортом потом не отделаешься, если эту красотку инвалидом сделаешь – все-таки бывший десантник. Плевать, что у неё оружие. И не с такими справлялся.

Аста вздохнула, после чего выдержала довольно длинную паузу и сказала:

– Заставлю.

– Меня? Заставить? – он хмыкнул. – Каким же, интересно, образом?

– А вот таким, – она передёрнула затвор. – Поможет?

– Наверное, – машинально ответил он. – Боевиков насмотрелась? Чего тебе в самом деле надо?

– Козлов.

– Да на кой тебе сдался этот вонючий кусок дерьма? – рявкнул он.

– Тебя вот хочу спросить, – она погладила покрывало тахты ладонью. – Может быть, обмолвился, что именно изменилось в его жизни. Что-то, потребовавшее денег. Очень много денег.

Питкевич не понимал, к чему она клонит, но спросил:

– Сколько?

– Миллионы.

– Долларов? – уточнил он.

– Точно, – она утвердительно склонила подбородок.

Майор недоуменно вскинул брови. Разговор пошёл совсем не о том, и свернул совсем не туда, куда он ожидал. Ни о каком Хромом речи пока не шло.

– Ты в своём уме? – спросил он. – Как он смог бы такое провернуть?

– Возможности у него были, не сомневайся, – она прищёлкнула языком, – большие возможности. Достаточно просто кое-что кое-кому предложить.

– Да на такие деньги остров на Мальдивах можно купить! – он подозрительно покосился на неё. – Представить, конечно, можно все, что угодно. Разбил чужую, дорожную машину – раз. Надо на образование и обучение отпрысков – два. Кто-то в семье болен неизлечимой болезнью – три. Только вот тут в моей логике проблема вырисовывается – у Козлова ни детей, ни родственников, ни машины. Ни-че-го! Усекла?

– Пусть так... Но тогда по какой причине ваши пути пересеклись? Ни с того ни с сего?

– Мало ли, – он снова подмигнул. – Мы стали друзьями. А друзья друг за друга горой.

– У тебя тик?

– Так, настроение хорошее.

– Сейчас я тебе его испорчу? Поведаю о вашей дружбе. И о разработке по Хромому расскажу.

Питкевич замер. Выстучал костяшками пальцев по столешнице какую-то мелодию. Повернулся к окну.

– Начинай.

Он вслушивался в её разглагольствования внимательно. И вообще не понимал свою гостью – прыгает с пятого на десятое. Не информация, а какой-то бред. Он пытался проникнуться её речью, честно искал в ней некий недоступный ему смысл, пока неожиданно не понял, что в квартире есть ещё кто-то. Вот только что скрипнула дощечка паркета в прихожей – этот скрип он ни с чем не мог бы спутать, каждый день слышал, сроднился с ним за две недели в новой квартире. Он выругался про себя. Таболич элементарно заговорила ему зубы, а он и забыл, что она звонила этому гиббону – старлею Шрамову. Но больше из коридора не донеслось ничего – ни шороха, ни сдерживаемого дыхания.

Оба посмотрели на дверь, и она повторила:

– Так Козлов получил информацию по Хромому?

– Не интимно же мы общались.

– Он получил именно то, что хотел?

– Запрос отправь. Сочтёт руководство, что я должен с тобой поделиться – милости просим. Такое впечатление, что он эту разработку у тебя украл.

– Может быть, и украл. А почему бы нет? Бывает и такое у предателей. Давай, выкладывай.

– Козлов – Иуда? Да пошла ты! – выплюнул майор.

– То есть? – неподдельно удивилась она.

– Как хочешь, так и понимай, – он покачал головой и сложил руки на груди. – Я ведь принял твоё вранье про миллионы – вот и ты попробуй понять без моей помощи, чего он хотел.

Широченные плечи Шрамов заполнили дверной проем, как створка амбарных ворот. Огромная лапища держала направленный на Питкевича пистолет. Аста убрала своё оружие, и у неё в руке появился маленький шприц-тюбик. Темные глаза скрылись за ресницами.

– Страшно?

– Хватит изображать здесь идиотов! Говорите, что вам надо!

Она достала сигареты, повертела пачку в руках, вздохнула и спрятала обратно. Старлей казался неподвижным, но – полшага в минуту – надвигался на майора.

– Я уже сказала. Время пошло. Две минуты. Жаль, но бедолага Козлов умер вчера.

– Так от меня тогда чего надо? – уже без крика, почти жалобно спросил Питкевич.

– Все предельно просто. Рассказываешь, что узнал о Хромом – мы уходим. Молчишь – уходишь ты, – она мотнула головой на окно.

– Сбрендила? Считай, что твоя служба в эту минуту закончилась.

– Раздевайся. Догола!

Он присвистнул и скрутил для неё кукиш.

– Зря, – она сморщила нос и взглянула на Шрамова. – Смотри, какой герой. Наверное, тоже о присяге слышал.

– Валите отсюда оба, пока ходить можете. Вот вам, а не разговор! – майор показал каждому из них неприличный жест.

– Он не разработку мою украл, – криво улыбнулась Таболич. – Любовь, можно сказать. Это, знаешь ли, хуже, чем то, когда тебя бросают жены. Три года псу под хвост.

– Ты... – начал было Питкевич.

Он даже привстал с кресла, но говорить она ему не дала, сама повысила голос.

– Поэтому я сейчас здесь. Чтобы ты, майор, понял – каждому дорога именно его любовь. Та, которая заполняет его доверху. Правда, жить с этим пониманием ты будешь недолго.

И тут он осознал, что полностью потерял нить происходящего. Аста не нуждалась ни в его признаниях, ни в показаниях кого-либо другого. Она просто пришла и должна проверить схему – есть утечка информации с его стороны по этой разработке, или нет? Стоит ли копать дальше, или можно на нем остановиться? И его, опытного оперативника Питкевича, она из этой схемы уже вычеркнула.

Шрамов навалился на него всем своим неподъёмным весом. Несмотря на размеры, эта туша оказалась проворнее белки. Старлей дёрнул плечом, заблокировав стремительный рубящий удар в горло; крикнул, пошатнувшись после тяжёлого удара в печень; поймал его колено, через миг сбил с ног подсечкой и взгромоздился на спину, выкручивая локтевой сустав болезненным приёмом.

– Эй?

Аста присела рядом на корточки и сдёрнула колпачок со шприца. Майор вывернул голову из захвата, разинул рот для крика, и она вонзила иглу ему в нёбо. Питкевич скрипнул зубами. Сейчас они узнают все. «Прикончат ведь, – пронеслось в мутнеющем сознании. – Хоть бы соседи всполошились и наряд вызвали».

– Тащи его на стул.

Питкевич знал, что соседей в новом с иголки доме по ночам не было...

Майор ронял слезы на клавиатуру, уткнувшись носом в стол. Аста встала у него за спиной, прижав ствол пистолета к его затылку.

– Тихо, котик, тихо. Все закончилось. Включи какой-нибудь фильм. Мне про любовь нравится.

Она поскребла ногтями свободной руки его шею. Майор всхлипнул, поёжился и покорно потянулся к «мышке». Тогда она разжала пальцы и изо всех сил приложила рукоятку пистолета его в висок. Поймала падающее тело за волосы и ударила ещё раз – просто так, от безразличия к этому слонтяю, кичившемуся накачанным телом.

– Объяснишь? – Шрамов почесал затылок и достал из кармана пластиковую бутылку.

– Работу он проделал большую, но назвать её настоящей разработкой в полном смысле этого слова я не могу при всём желании. Использовал базовые знания, которые даст любой профильный учебник, набросал схему...

Шрамов вливал в рот майору водку.

– Ты простыми словами.

– Утечки нет, Шрам, – она усмехнулась.

– Может, нам не надо было приходить?

– Может и так.

Старлей укоризненно посмотрел на Асту и скорбно вздохнул.

– Неприятности мне не нужны, – буркнул он. – Сама их утрясать будешь. Я пас.

Она спрятала пистолет, продела пуговицы в петли, тщательно расправила английский воротник пальто и тихо пропела:

– Оставь сомнения и споры, на дыбу вешать – нет греха...

– Что?

– Такова суровая проза жизни.

Он вновь поскрёб затылок и скорчил точно такую же гримасу, как полковник Хижук сутки назад.

– Сдвинулась – и к бабке не ходи...

– Да уж... Мужики называется – у одного тик, у второго вши.

– Чего?!

– Ничего. Надо подтащить его ближе к окну. Боюсь, что сам он не сможет идти.

– Зачем ты его заставила раздеться? Догола! Вообще-то, трусы у него весёленькие.

– Хочешь, себе заberi.

– Иди ты. А серьёзно?

– Хотела проверить одну догадку.

– Какую?

– Не по этой ли причине от него уходили жены.

Она показала подбородком между ног майора. Шрамов вытаращился на неё, потянул пятерню к затылку, но тут же отдёрнул руку.

– И какой вывод?

– Двойкий. Или я права, или страх внёс свои коррективы в чистоту эксперимента.

– Капец... – протянул он и просунул ладони подмышки майора. – Я тебя предупредил.

Сама с полковником разбирайся. Мне то что? Ты старшая.

Хлопнула створка окна.

– Смотри, головой вниз, а то я наследила немного.

– Там карниз.

– Ну так брось посильнее.

Она глянула в монитор, как в зеркало, и поправила шарф.

5

Аста молчала, разглядывая паркет под ногами. Полковник Хижук выстукивал костяшками по подоконнику какой-то мотив и смотрел в окно. Потом встал, принялся шагать по кабинету, размахивая руками и бормоча что-то под нос. Наконец он резко остановился перед ней, одёрнул китель и злобно спросил:

– Смысл в этом был? Хоть какой-то?

– Был, – твёрдо ответила она. – Он все знал. Капитан поделился.

– Хорошо... – процедил Хижук. – Не прокололась?

– Чисто русский вариант. Водка, белая горячка... – Аста покрутила пуговицу пальто. – Труссы пузырями, а по улице ходил – бабы засматривались... Дорого одевался...

– А что это ты сама на него засмотрелась?

– Так...

– И ты не бомжом выглядишь. Хоть одна отечественная вещь на тебе есть? Китайского хлама тоже нет!

– Работа позволяет.

– Работа... Твою самостоятельность на этом поприще за пятилетку не разгрести.

Хижук подхватил со стола блокнот Козлова и подбросил его на ладони.

– Кем ты себя возомнила?

– Я умею. Училась.

– А я ведь приказывал! – он смотрел на неё зверем. – Если бы я знал, какой мощный пласт своей инициативы ты скрываешь от меня, то...

– Что? – Аста продолжала хмуро смотреть в пол.

– А то, – Хижук изобразил жест висельника. – Стоит тут, благоухает и скалится. Забыла, где твоё место? Напомнить?

– Прежде, чем вы снова начнёте на меня орать, напомню я – у меня всегда при себе оружие. И не надо нравочений перед поездкой. Критические дни, знаете ли, и все такое. Понимаете, товарищ полковник?

Аста постаралась, чтобы голос прозвучал бесстрастно, хотя все внутри сжалось и сердце бешено запрыгало в груди.

Хижук быстро отступил на несколько шагов – от неожиданного накатившегося страха забыл, что с оружием сюда охрана бы никого не пропустила. Крякнул и даже не рискнул по привычке её обозвать. Подумал, что следует пока попридержаться эпитеты, а то ещё ненароком накроит из него эта мразь заготовок по собственным лекалам. Женские дни у неё, видите ли. С некоторых пор это вынужденное партнёрство стало его напрягать, и он будет счастлив, когда все закончится и капитана Таболич спустят в унитаз. Давно надо было прислушаться к прозрачному намёку председателя госбезопасности.

– Язык прикуси, – буркнул он.

– Слушаюсь, – она вытянулась.

Полковник подозрительно посмотрел на её руки. «Интересно, – прикинул он, – а что у неё в голове делается на самом деле?».

– Ладно, – Хижук повернулся спиной. – Смотри мне, а то совсем берега в субординации потеряла. Пароль не забудь. И аналитика я тебе предоставлю. Пообщаетесь. Все равно тебе в поезде делать нечего. О деле думай. Наградой от него для всех нас пахнет, как от подвига.

Она поморщилась – ей совсем не хотелось совершить подвиг. Героизм никогда не тревожил её своим зудом, и где-то в дальнем уголке мозга, в той зоне, которая называется «совесть», внезапно возникло острое, всепоглощающее желание бросить все и исчезнуть из этой страны.

Она отмахнулась от этой мысли, как от мокрого снега за стеклом. Затем хлопнула дверью, так и не сказав ни слова.

Полковник потянулся к телефону.

– Сука! – он со всей силы врезал кулаком по столу и принялся набирать номер. – Я тебе припомню.... Критические дни...

«Курьеры, курьеры, курьеры...» выстукивали колеса вагона.

Аста нарисовала на листе блокнота вереницу кругов. Вписала в каждый имя. Проставила стрелки там, где связь явно прослеживалась. Задумалась, просто черкая карандашом вопросительные знаки вокруг кружочка, обозначенного «Хромой».

Потом схема на бумаге сыграла роль снотворного. Но она ещё долго ворочалась, держа этот листок в памяти; сопоставляла, как работают сотрудники других спецслужб; вспоминала старичка-психолога на курсах, который пытался раскрепостить её сознание, и который раскрывал перед ней философию профессии. Она даже видела титульный лист его диссертации, но из двух десятков слов не понимала и половины, поэтому твёрдо верила в его компетентность. Этот сухонький доктор наук учил её думать, как сапёр, чувствовать, как тонкая жилка растяжки, и жить, будто в голове тикает таймер. Второй таймер для неё был лишним – избавиться бы от своих часов в голове. Но в одном Аста была категорически с ним не согласна – она до смерти боялась привыкнуть испытывать оргазм от убийства.

В кармане пальто над головой требовательно загудел виброрезонатор. Она протянула руку к телефону и взглянула на высветившийся номер – от неё требовали отчёт. Она сбросила звонок, положила телефон на столик и вновь улеглась. Спала она мало – хорошо, если часа по четыре, иногда теряя представление о дне и ночи. Могла она иногда позволить себе подремать хоть несколько часов, или не могла? Решила, что могла...

Мобильный завибрировал неожиданно звонко и вырвал из полудрёмы. Она вздрогнула и лихорадочно принялась вспоминать, в каком кармане телефон. Потом увидела его на столике. Протянула руку. Затем бросила взгляд за стекло между занавесками – снег сменился дождём, а поезд замедлял ход, втягиваясь на станцию. Она угрюмо всматривалась в мутную кисею водяной взвеси между станционными фонарями. Спать хотелось до одури, и она битый час искала удобное положение между подушек, пока не задремала, а тут этот звонок.

– Слушаю.

– Форт-Бойярд.

Она выдохнула что-то невнятное в ответ, и тут же проснулась окончательно. Кодовая фраза не требовала отзыва.

– Что выяснили?

– Значащей информации немного...

Голос прервался. В динамике шипело и потрескивало. Она соображала, как бы надёжнее прижать телефон к уху, чтобы не менять удобное положение спины.

– Эй, почему заминка? – буркнула она.

– Технические неувязки... – незнакомый собеседник чертыхнулся. – Зашифрованный канал. Что вас интересует конкретно?

– Все. В основном – перемещения, адреса и контакты.

– Сколько у меня времени?

– Три, может быть, четыре часа.

– Я и сам шутник, но этого категорически недостаточно. Могу предоставить через две недели, минимум полторы. Бумаг в этой разработке вагон и маленькая тележка. И ключа от шифра у меня нет.

– Я слишком долго действую вслепую, чтобы ждать неделями. Ответ отрицательный.

Ей показалось, что неизвестный сотрудник из управления нахмурил лоб, выругался и послал её подальше. Но он помолчал несколько секунд и сказал:

– Информация будет далеко неполной. Практически, её нет, от слова совсем.

– Давайте все, что знаете сами, – недовольно сказала она и зевнула. – Все, что есть. Через три часа остальное.

– С ума сойти, – заворчал он. – Навскидку – есть одна зацепка... Давно это было... По агентурному каналу в Сирии.

– Давно – не считается. Но выкладывайте.

– Кайра.

Аста тут же вспомнила эту молодую женщину со странной причёской и татуированным скорпионом над левой ключицей. И этой даме было наплевать на всех и каждого в лагере подготовки боевиков «Хезболлах» в Ливане. «Ха! – сказала она тогда и отсалютовала бутылкой. – Я тебя помню, но не уважаю. Ты должна была сама прикончить мистера Тайсона и сплестись на его трупе». Ей даже сошло с рук убийство французского военного советника, что попытался её изнасиловать. Кайра имела вес – это точно. И, оказывается, она могла быть на короткой ноге с Хромым.

Она хмыкнула и подумала, что на двести процентов была права, когда год назад заявила Хижуку, что начинать надо было сразу с Ближнего Востока. Но её никогда не слушали. Никто! И полковник упёрся. Интересно, что у него в Европе? Любовница, деньги, хоромы на побережье? Или он так боится сунуть нос в страну, где годами не прекращается война? Скорее, последнее.

– Она связана с Бейрутом. Я как раз недавно пытался проанализировать график её перемещений.

– И что?

– Я не готов сделать вывод, – сказал он, – но там, где она появляется, обязательно кто-то сдохнет. Обязательно. Она, как ангел смерти. И с ней что-то нечисто.

– Не надо оккультизма. Конкретнее.

– Никакой системы в её маршрутах нет. Но есть один городишко, где она бывает чаще всего. Вот там после её визита никто ещё не умирал.

– Приезжает к мужчине?

– К врачу.

– У Кайры проблемы со здоровьем? Не верю.

– Вы её знаете лично?

– Знакома, – после непродолжительного раздумья сказала она, – но никак не ожидала услышать упоминание о ней в связке с Хромым.

– Зачем я тогда все это говорю? – голос в телефоне прозвучал заинтересованно и ошарашено одновременно.

– Вы не встречали мужчину врача?

– При чём здесь это?

Аста, казалось, не услышала вопрос. Под сердцем кольнула застарелая обида, и она стиснула пальцы на подушке.

– Среди врачей они тоже есть, – тихо сказала она. – Поверьте, редкостные сволочи. Так что с ним?

– Ему под шестьдесят. Не слишком старый, конечно, но никакого интимного интереса.

– Уверены?

– Сейчас ни в чём нельзя быть уверенным. Мир сошёл с ума... Хотя на мой вкус – лучше бы это была его медсестра, – он хохотнул. – Она заслуживает внимания. Такая аппетитная на фото, что...

– Хватит лирики! – она оборвала его грубо и требовательно. – Ваш вкус меня не интересует.

Тот почувствовал, что ей абсолютно не по нраву такая манера общения, и понял, что сейчас нужно выдать сжатую информацию. Его игривый тон задел Асту не на шутку – о её неистовой ярости и скверном характере он слышал. И его голос мгновенно стал серьёзным.

– У меня есть занимательное предположение по этому врачу.

– Не тяните.

– Хорошо... – он словно махнул рукой, отменяя сомнения. – Вывод такой – он был в Сирии, когда отозвали Кужеля. Потом он же практиковал по женской части в Анголе у «врачей без границ». А потом появился и в Афганистане по линии Красного Креста. Заметьте, всегда одновременно с генералом. Правда, тот ещё не был в этом звании... Думаю, он появлялся и здесь, но это только сейчас пришло мне в голову. Надо поискать в отчётах оперативников из аэропорта и с вокзалов. Этого мало?

– Не знаю, – задумчиво ответила Аста, – но соглашусь – здесь что-то нечисто. Мне надо подумать...

– Мне тоже, – согласился он. – Может, что-то ещё придёт на ум до утра. Все равно ночью документы мне никто не выдаст. Мы не продвинутые американцы из ФБР – всё в бумаге. По памяти ведь приходится. Поработаю ещё с вашим блокнотом. Отзвоню позднее.

Она начала дремать, когда мобильник вновь потребовал внимания.

– Есть новости, – тот же собеседник начал сходу, словно они и не прерывались. – Сириец Латиф.

– Он сюда каким боком? Ничего лучше не нашлось, чем напоминать мне об этой дряни посреди ночи?

– Кроме него были и другие. Однако все сразу же отказались от сотрудничества. Без объяснения причин.

Аста не стала требовать пояснений – мало ли у кого какие проблемы? За кем-то следят, кто-то не имеет сейчас выходов к нужным людям... Слишком сложная порой выстраивается цепочка и, чем она длиннее, тем больше в ней уязвимых мест.

– Ладно, – сказала она. – Что там с Латифом.

– Три года назад он был нанят для перехвата одной доставки. На ликвидацию курьера добро было получено на самом верху. И вот прикончил он некую дамочку, на первый взгляд, совершенно случайную.

– А сейчас оказалось, что она имеет отношение к Хромому?

– Думаю, самое непосредственное. В то время на это змеиное гнездо под прикрытием курьерской службы Марка Гензера работала одна молодая особа. Анхар. Сейчас у меня есть интуитивная уверенность, что она действовала в паре с нашим объектом.

– Кем она была?

– Катализатором, судя по всему. Хотя данных – кот наплакал. С семьёй у неё все запутано – мать, офицер сирийской армии. Погибла, когда ей было два года. Правда, данные не совсем точные – никаких документальных подтверждений в разработках я не видел, так, парочка каких-то упоминаний, не особо заслуживающих доверия. Отец – тайна, покрытая мраком. Так что мне сложно вообще сказать, каким образом эта девица появилась свет. Поэтому примем на веру, что мужчина у её матери все-таки был – не от святого же духа её зачали.

– Да уж, не думаю, что в то время в этой стране была возможность забеременеть каким-то экзотическим способом. Но почему её родословная должна нас волновать?

– Потому что напоследок я приберёг самое интересное... Как думаете, в какое время она родилась?

– Когда Кужель, в то время ещё не генерал, был в Сирии военным советником, – спокойно ответила она. – Забудьте. Тогда за связь с иностранной гражданкой грозило минимум десять лет лагерей, а то и вышка за измену.

– Вы странная. Я не понимаю вашего отношения – складывается впечатление, что фактами, которые я для вас сообщил, вы пытаетесь дать ответ на какой-то свой вопрос. И все, что не укладывается в него, вы отметаёте. Плюс к этому... У вас что, есть ещё страницы из этого блокнота?

– Я не люблю подобных шуток, – отчеканила она.

– Не хотел вас обидеть, – буркнул он.

– Ничего. Позвольте мне ответить тем же. Вы на хорошем счету в отделе?

– Конечно, – ответил тот самодовольно. – Я всегда на шаг впереди многих. Если не всех.

Аста тут же вспомнила Козлова. «Надо же – на шаг впереди, – скривилась она. – Вот кто был впереди всех. Ты бы даже спину его не разглядел».

– Вы готовы? – спросила она.

– К чему?

– К проверке. К серьёзной проверке.

– По какому поводу?

– По поводу сомнений в вашей профессиональной пригодности.

– Вы из какого сна выпали, чтобы сомневаться в моей компетентности и авторитете?

– Блокнот перед вами? – она устало опустила веки.

Аста и с закрытыми глазами видела записную книжку Козлова и скрытую за его обложкой информацию – бесконечные строчки черных букв, квадраты с символами, которые обводили по несколько раз, и стрелки, составленные в сложную схему.

– Допустим, – ответил он.

– Страницы тринадцатая и двадцать четвертая. Открыли.

Человек с той стороны линии недовольно засопел. Зашелестела бумага.

– Открыл.

– Там о Кужеле хоть что-то есть?

– Да, – машинально ответил он и тут же удивлённо поправился: – Нет.

– И какой вывод?

– Теперь я вообще ничего не понимаю... – собеседник перевёл дыхание, и она почувствовала, что произвела на него впечатление.

Аста тихо рассмеялась. И эти звуки сказали человеку на другом конце линии гораздо больше, чем запёкшаяся кровь на затылках трупов на страницах в этой разработке. Это был смех женщины, которая оказалась в купе поезда явно из-за какой-то чудовищной ошибки. Она должна была сидеть минимум на месте полковника Хижука, а была острием службы, о работе которой не принято кричать на каждом углу. Но он ей не завидовал. В случае успеха ей даже медаль некому будет показать – официально их там никогда не было и не будет. А в случае неудачи... Для этого существуют дипломаты.

– Пересылайте адрес врача Кайры, – сказала она. – И копайте. Носом ройте. Ищите следы этой Анхар, и выясните, в конце концов, к кому они ведут с того света.

– Попробую, – ответил он, – потому что дальше в этом блокноте начинается нечто уж совсем дикое. Если вы захотите объяснить эти факты то, боюсь, они поставят в тупик и вас. Вы не поверите!

– Верю. Но мне не сведения о любовных похождениях требуются. Мне нужен человек. Всего лишь один из семи миллиардов. Его зовут Хромой.

– Слышал уже, – собеседник начал нервничать.

Аста открыла глаза и уставилась в зеркало на двери купе.

– После того, как Латиф прикончил эту Анхар, у него не стало руки. Это Хромой?

- Не знаю. Может быть, в то время сириец и понятия о нем не имел.
- После её смерти появился курьер в Кракове. Опять Хромой?
- Скорее всего, но не знаю.
- После того, как спустили курьера...
- Должен приехать он сам?
- Что вы меня спрашиваете? У вас есть блокнот... И три часа на размышления... Уже два.
- Два часа?! – выкрикнул он. – Я уверен, что каждому следует заниматься своим делом.

Я знаю, как лучше.

– Причём здесь лучше или хуже? – удивилась она. – Моя работа не та область, где надо выбирать, что лучше. Но прежде, чем вы ответите, хочу заметить – Форт-Бойярд для вас больше не кодовое слово. Это задачка. Не из простых. Не из учебника. Реальная. И вам придётся её расщёлкать... За два часа.

– Ваша работа заключается в том, чтобы заставлять коллег решать невыполнимые задачи?

– Закончим этот разговор. Чем он короче, тем быстрее все встанет на свои места. И так – вы на своём месте, перед вами блокнот, вы спокойны?

– Я абсолютно спокоен! – завопил он.

Аста усмехнулась от этого вопля и её тон стал резким:

– Вот она, эта самая задачка. Дело, скажем так, всей вашей службы... нет... жизни. Перед вами блокнот, а я смотрю на часы. Вперёд.

– Это угроза? – звенящим шёпотом поинтересовался он.

– В яблочко.

В динамике повисла тишина. Слышно было, как собеседник, не ожидавший такого поворота событий, тяжело задыхался.

– Вы не имеете права! – прохрипел он.

– Имею, не сомневайтесь. И... время идёт, – напомнила она. – И его ход вам совершенно не на руку. Не спите, думайте. Не будет ответа – нам придётся встретиться. Ведь если бы я знала Хромого, то зачем вы все были бы мне нужны?

Аста отключила мобильник. Сейчас она безумно хотела кофе с коньяком и спать, и никак не могла выбрать из двух противоречивых желаний. Пришлось остановить выбор на третьем – она достала сигареты.

Вагон качнуло особенно сильно: поезд с лязгом кренился на стрелках. Аста выругалась про себя и ухватила за поручень. Она курила в тамбуре уже третью сигарету подряд, всматриваясь в полутёмный коридор в ожидании человека, который заберёт оружие, чтобы за кордоном вернуть его вновь.

Хлопнула дверь. Пришла проводница, оттеснила внушительным бюстом в сторону. Потом провела недовольным взглядом снизу-вверх. Выглядела Аста неброско: сапоги, джинсы, простенькое чёрное пальто, шарф-снуд. Ни тени улыбки, минимум косметики на бледном лице. Женщина заметила отсутствие багажа и зашипела, как проколота шина: «Не сидится? Займут все купе, а потом таскаются тут в старом тряпье. Всё туда же, в Европу...».

В узком проходе появился народ с чемоданами и сумками, и она побрела к себе, продираясь через кладь и бормоча извинения.

Человек с той стороны появился через минуту. Стукнул костяшками пальцев четыре раза в дверь купе и уверенно вошёл внутрь. Бросил сложенный зонт на диван, отряхнул воротник от влаги и выжидающе посмотрел на неё.

– Форт-Бойярд, – сказал он простуженным голосом.

– Скоро граница, – Аста окинула его внимательным взглядом.

– У меня мало времени, – гость усмехнулся и полез в карман, – и запоминать не надо.

– Мне ни к чему, – она пожала плечами. – Вспомню, если нужда возникнет.

– Адрес врача Кайры, – листок из записной книжки лёг на столик.

Она пробежала глазами несколько строк, начёрканных размашистым почерком. Кивнула. Мужчина смял бумагу и опустил маленький комок в карман. Протянул открытую ладонь. Она вытащила руку из-за спины и отдала ему пистолет. Следом глушитель и запасную обойму.

– Серьёзная штука, – он сложил из пальцев кольцо, секунду подумал и добавил: – Удачи.

Мужчина повернулся, взялся за ручку двери. Подхватил зонт. Другой рукой поправил воротник. Встретился с ней глазами в зеркале.

– Да, – сказал он, – за кордоном неспокойно. Черт их знает, что там за вожжа под хвост пограничникам попала, но... Я забрал все?

– Абсолютно, – ответила она.

– Новая проводница мне не нравится – никогда её не видел раньше. Уж очень здоровенная девка. И ещё... Мало ли... Если не встретимся...

– Удачи, – твёрдо произнесла Аста.

Казалось, он только и ждал этого напутствия. Откатил дверь и шагнул в коридор. Она прихватила термос и вышла следом.

Мужчина ошибся самую малость: девка была не здоровой, а очень крупной, и очень некрасивой. Она самозабвенно дула в блюдечко с чаем, смешно выпятив толстые губы. Цветастый заварочный чайник, нарезанный белый батон, банка с домашним вареньем. Крестьянская идиллия, хмыкнула про себя Аста, оценив увесистый зад девицы, приминающий диван. Проводница повернула голову, добродушно улыбаясь широким жабым ртом, спросила по-своему:

– Чайку?

– Кипяток, – ответила она, протягивая термос, и показала глазами на электрический чайник. – Я всегда сама завариваю. А в титане вода не очень.

– Сейчас закипит. В вагоне-ресторане бутилированной набрала, – девица щёлкнула кнопкой на подставке. – Интересная ты пассажирка. Одна едешь во всем купе. Как муж отпустить решился?

– Какое там... – она сокрушённо махнула рукой. – Козел...

– Ишь ты, – проводница подвинулась, приглашая присесть. – Бьёт?

Слушая её и машинально отвечая на вопросы, Аста вспоминала вчерашний день в деталях. Тот лохматый клубок, из которого она одну за одной выдёргивала оборванные нити, чтобы найти единственную целую, не стал меньше и за три года. Затем она подумала о Хромом. И к её удивлению мысли не были наполнены ненавистью. Постоянно не отпускала тоска, что вот-вот для неё закончатся долгие трёхлетние поиски, и она будет вынуждена нажать на курок, поймав его голову в перекрестье прицела. А ведь точно придётся! Только вот сможет ли? Желание найти Хромого было настолько непреодолимым, что иногда ей казалось, что она ищет его, как своего единственного мужчину, а не для того, чтобы прикончить.

Она встала и, так и не набрав воды в термос, вышла от проводницы. Стук двери в купе слился со стуком колёс: «Курьеры, курьеры, курьеры...»

– Сирия... – пробормотала себе под нос. – Только в этой стране можно найти ключик к тому, что дало толчок разработке. Если он, конечно, ещё есть... а за кордоном надо первым делом приобрести телефон и связаться с ливанцами и Кайрой.

6

С утра уже жарило с неба. Марк Гензер шагнул за порог отеля и огляделся, щурясь от яркого солнца. Поникшая зелень инжира, приземистая мечеть с тонким узорчатым минаретом, широкая улица, полная выхлопных газов. В таком пекле он никогда не испытывал комфорта, но выспаться удалось вполне сносно. Утихла боль, раскалывающая голову от долгой тряски в тесной кабине крохотного вертолѐта, который так и норовил рухнуть вниз: то ли от его веса, то ли от собственной немоши. Затем он потянул носом, брезгливо ощупывая рубашку, мгновенно прилипшую к телу, и вздохнул: к проблемам душной ночи с рассветом добавился водопровод в номере, который функционировал отвратительно, и ему едва хватило умыться кувшина воды, что принесла горничная.

Он поскрёб подбородок, нацепил тѐмные очки на мясистый нос и ещё раз неторопливо осмотрелся по сторонам, изображая восторженного туриста. Такого же доверчивого, каким его мечтали видеть продавцы никому не нужных безделушек, тем более такого, который ничего не говорит, а лишь ткнѐт пальцем в только что изготовленную в ближайшей кузнице древность и воскликнет «да!», то есть «ай!». В нескольких шагах от него худой, бородатый мужчина с гнилыми зубами давил гранатовый сок механической соковыжималкой, судя по её внешнему виду, изготовленной ещё до Первой Мировой. Бородач был неподдельно общителен и пытался навязать ему стакан напитка, переливающегося всеми рубиновыми оттенками, но Марк отмахнулся и шагнул к краю тротуара, поднимая руку.

Даже в этот ранний час движение было плотное и безумное. Как и в большинстве арабских стран, здесь правилами приоритета выступали не указатели или разметка, а здоровая наглость и бесшабашность. Именно это отношение к правилам и продемонстрировал таксист, виртуозно выдернув из железного потока свой изрядно помятый автомобиль, который врезался правым колесом в бордюр, и лишь после удара скрипнул тормозами: в Дамаске к машинам относились так, как к ним и должно относиться – как к средству передвижения, сделанному из металла, пластмассы и резины, а не к некоему фетишу. Выкрикивая в открытое окно язвительные шуточки в ответ на вопли нерасторопных конкурентов, водитель сверкал широкой улыбкой, пока Гензер втискивал в потрёпанный салон своё жирное, потное тело, будто огромный пингвин в скальную расщелину.

– Баб-Тума, – сказал он, шумно отдуваясь, и кивнул растопыренной пятерне таксиста.

– Айе! – воскликнул тот и вдавил клаксон, ввинчиваясь в поток машин.

Христианская часть Дамаска не особо отличалась от остальных старых кварталов. Такая же уютная застройка, узкие улочки, полуразвалившиеся, и ещё нет, домики, и все битком набиты жильцами и магазинами. Он не стал сверяться с картой. Тронул таксиста за плечо, протянул купюру и выбрался на потрескавшийся, раскалённый тротуар. Жѐлтый автомобиль, выплюнув длинный шлейф копоти, задрезжал по камням дальше по дороге, а он двинулся вдоль прилавков и столиков. Все вокруг было ярко и броско: если клаксон – то на всю улицу, если музыка – то громкая, если ссора – то яростная. И если, изначально можно было предположить, что он находится в христианском районе по небольшим визуальным мелочам, то потом на него снизошли и более явные признаки. Вместо минаретов появились купола с крестами, а на стенах звезды, вырезанные из фольги или спаянные из неоновых трубок. Здесь не было темных извилистых переулков, где помои выплѣскивают непременно на голову прохожему, а узкий просвет между домами плотно занавешен гирляндами стираного белья. Христианский квартал был более цивилизован, и Марку стало даже немного обидно.

Он неторопливо прошѐл мимо питейных заведений, мелких лавочек и кофеен, из открытых дверей которых волнами плыл аромат только что сваренного напитка, и остановился под старой аркой с нарисованной белой краской Вифлеемской звездой. Найти заранее оговорѐнное

место было не сложно – две улицы, два переулка, арка, тупик, звезда. Марк не стал утруждать свой мозг решением задачки: богохульным ли делом ставить Христа в один ряд с винными лавками, или нет. Он просто ждал в тени, прислонившись огромным и дряблым, как у борца сумо, плечом к шершавому камню. Размышлял совсем о другом. Теперь он точно был уверен, что зря согласился и прилетел на встречу с посланцем Бубена. Он с сожалением всунул руки в пустые карманы и окинул невзрачные постройки деланно безразличным взглядом. Что нового может передать ему этот стукач? Угрозы, оскорбления, предупреждения? Вроде бы уже давно все обговорили.

Он достал платок и вытер потный лоб. На залитой солнцем улочке, где сейчас полно народа, ночью не будет ни души. Разве что нищий устроится на ночлег у паперти, да случайно пробежит заблудшая кошка. Квартал жил в светлое время суток, вечером у его обитателей разыгрывали семейные ценности – все спешили домой смотреть проправительственный канал по ТВ и отдыхать в кругу близких. Прикончить его днём чревато – свидетелей хоть отбавляй, хотя... «Там война! – кричала Кайра, прикрывая лицо от напора секущего песка, который взметнули лопасти. – Подстраховать тебя я кого-нибудь найду, но...». «А где её нет? – заорал он в ответ. – Сейчас везде война!». Следующих её слов он не расслышал – пилот открыл дроссельную заслонку, давая двигателю полные обороты. Утром он решил, что военные действия и армейские патрули в городе достаточно веская причина, чтобы оставить оружие в отеле. Зря решил. А вдруг и Латиф начал свою игру? Этот выкидыш шлюхи, настырно лезущий к самой верхушке преступного мира, наверное, забыл, что может во второй раз встретиться с Креспиным.

Гензер лихорадочно прокручивал в голове все возможные варианты – куда скрыться с этого просматриваемого насквозь пяточка, если что-то пойдёт не так? Марк осознавал риск, на который пошёл, но ещё больше осознавал, что предыдущие опасности не идут ни в какое сравнение с сегодняшним днём. Теперь он терзался от чувства незащитности и снова подумал о рисунке на стене. Где звезда, там и Иисус: мусульмане в него не верят, а стало быть в доме, на котором изображена такая звезда, живут христиане. Посмотрим. Он сжал кулаки.

За крайний столик у кофейни присел седой мужчина, довольно приятный внешне, даже с налётом какой-то аристократической утончённости на правильных чертах смуглого лица. Он внимательно посмотрел на Гензера и что-то сказал хозяину, с готовностью согнувшему перед ним спину. Тогда Марк пронёс своё тучное тело к нему, молча взгромоздился напротив на стул, жалобно пискнувший деревом под его ягодицами, и посмотрел на сирийца. На первый взгляд, они могли быть ровесниками, но разница во внешности была разительной: заплывший жиром, огромный европеец с весом в полторы сотни килограмм, в потной рубашке и измятых штанах против щуплого араба, похожего на дипломата в своём элегантном белом костюме. Они не стали представляться – это было лишним. Поняли друг друга без слов – разговор и больше ничего. Ничего, чем бы он не закончился.

Пока они молчали, предоставляя право начать беседу друг другу, хозяин принёс две чашки кофе, поставил перед ними коробку с сигаретами и холодную воду.

– Я буду говорить только за Бубена, – просто сказал сириец.

– Что он хочет в этот раз? – грубо спросил он.

– Он привёз пакет из-за занавеса. Как один из курьеров. У него там связи и это когда-то было его работой.

– Работой? – откровенно поразился Марк. – Я знаю другое. Он давил на курок ради того, кто больше заплатит. А когда в один прекрасный момент, хвала Аллаху, у него прихватило сердце, и он завалил серьёзную разработку, то внезапно стал курьером?

– Пусть так, – непринуждённо согласился собеседник. – Однако, Бубен не меньший тяжеловес, чем вы. В Тешоаре сейчас пересеклись интересы многих, и контролировать доставку за занавес без него теперь невозможно.

– Где Сирия, а где Тешоар? – хмыкнул Гензер. – И этот сын осла вне всяких сомнений сможет посетить его. Правда, только в одном случае – если торопится окружить себя гуриями в раю. Как считаете, у него есть шанс туда попасть?

– У всех есть шанс. У вас и ваших друзей. Даже у Бубена с Латифом.

– Чтение намаза пять раз в день и соблюдения поста в Рамазан. Это то небольшое, что нужно сделать, чтобы попасть в рай, но я к этому не готов.

– Вы знакомы с изречениями Мухаммеда? – седовласый мужчина едва заметно усмехнулся.

– Доводилось, – ответил Гензер.

– И ваши знания арабского позволяют читать в оригинале?

– К сожалению, нет.

– Вы умный человек и не стоит так явно выпячивать своё невежество. Только мыши проглатывают книги буквально.

– Всегда предполагал, что с переводом подвох, – пробурчал Марк.

– Тогда вернёмся к нашему вопросу? – собеседник вопросительно приподнял бровь.

Гензер двумя пальцами осторожно взял кофейную чашку, которая в его лапище казалась игрушечной. Кофе ему хватило на один глоток.

– Вернёмся, – сказал он. – Почему он решил, что в этот раз мы примем его доставку к исполнению?

– Из-за Раджима, – ответил сириец. – Брат Латифа теперь близкий родственник старейшины кланов. Он возьмёт на себя труд оставить молодую жену вдовой, а родственников без наследства

– Вот как? – Марк достал платок и промокнул лоб. – Это несерьёзный аргумент, но все-таки аргумент. Что он ещё хочет?

– Ничего. Просто небольшая услуга.

– Скромно.

– Маленький подарок в качестве жеста доброй воли.

– И тоже скромный?

– Не совсем.

– Что же это?

– Чтобы доставкой занялся Хромой, – тихо произнёс сириец.

– А без подарка он костыми ляжет, но сделает все, чтобы Раджим продолжал оставаться в должности зятя вождя очень и очень долго? Например, лет двадцать? – вопрос Гензера прозвучал так же тихо.

– Почему-то он убеждён в вашей согласии, – в ответе мелькнула тень удивления. – Особенно после того, когда примчался из-за занавеса, как взмыленная лошадь, которой сунули под хвост тряпку со скипидаром. По правде сказать, у него какое-то желание маньяка с этой доставкой. Однако, времени на проработку многоходовых комбинаций уйдёт слишком много. Он торопится, а вы же профессионал. Это может быть хорошей сделкой.

– Чего он так упёрся в эту доставку? Неужели нашёлся тот, кто его заставил?

– Хорошая сделка, – повторил сириец, глядя в сторону.

– Зять старейшины может умереть раньше, чем она состоится, – процедил Гензер.

– У Латифа есть ещё братья, да и Раджима, ошалевшего от такого счастья, он надёжно спрятал.

– Я могу сразу обезглавить весь этот змеиный выводок, убрав старшего брата. Зачем мне тогда Бубен?

– Можете, но не уверен, что это что-то изменит.

Сириец улыбнулся одним уголком губ и потянулся коробке с сигаретами. Марк с неприязнью проводил глазами его руку и скривился. Приторно-сладкий запах восточного табака он

не переносил. Впрочем, он не мог терпеть запах любого табака и мрачно сводил брови в одну линию, когда ему предлагали насладиться настоящей кубинской сигарой – возможность столкнуться с прелестями рака лёгких пугала его больше, чем возможность получить пулю в лоб. Видел, что бывает с курильщиками: кашель с кровью, страшные боли, инъекции наркотика... и это может длиться очень-очень долго... лучше уж сразу в землю. А этот ухоженный собеседник выглядит вполне себе здоровым, выпуская из ноздрей струйки почти бесцветного дыма. Здоровым, моложавым и крепким. Таким уверенным в себе, что хочется разрядить ему в нос всю обойму, представляя, что это сам Франц Витольдович Бубен, в прошлом наёмный убийца и несостоявшийся курьер, а в настоящем – разбойник с большой дороги. К сожалению, до рукояти пистолета, что уютно устроилась в кобуре в сейфе отеля, не меньше десятка кварталов. Да и не стал бы он этого делать.

– Итак, – через пару минут молчания сказал он курильщику, – теперь мы готовы обсудить самое главное. И самое интересное в нашей встрече не то, что теперь необходимо решить: придётся ли нам с Бубеном ходить по улицам, ожидая выстрела из проезжающей мимо машины, или нет. Совсем не то. Наоборот.

Сириец поудобнее расположился на стуле, обратившись в слух. А Гензер тянул время, лихорадочно собираясь с мыслями, и анализировал доступную ему информацию о Латифе, раскладывал все по полочкам, как привык делать всегда, подготавливая себя к любой неприятности. Однако, ничего важного, кроме всем известного факта с его утраченной рукой, припомнить не мог. Когда в крупную игру настойчиво лезет мелкая сошка – это досадная, но незначительная помеха. А вот когда старый недруг, принадлежащий к самым верхам преступного мира, предлагает устранить эту помеху едва ли не из дружеских чувств, то это может озадачить кого угодно. От этого предложения за милю несло дерьмом. Он и приехал сюда, чтобы немедленно урегулировать все вопросы с этим ублюдком... но Креспин... Что-то слишком многим вдруг понадобились именно его услуги. Причём одновременно. А он слишком многим ему обязан, и долги всегда отдаёт сполна. И Марк скрипнул зубами, пряча ярость глубже.

– Вы играете в нарды? – неожиданно спросил он.

– Продолжайте, – бесстрастно кивнул его собеседник.

– Тогда вы знаете, что выстроить блок из шести шашек разрешается только в том случае, если хотя бы одна шашка противника находится перед создаваемой преградой?

– Это всем известно, – скупно улыбнулся тот, понимая, что сказанное сейчас – будет произнесено только для него.

– Осталась первая шашка.

Гензер сдвинул крохотную чашку от кофе к краю стола и растянул жирные щеки в ответной гримасе, напоминающей улыбку ещё меньше, чем оскал старого бульдога.

– С Тешоаром вопрос мы закроем раз и навсегда, и с Латифом, которого, по вашим словам, сейчас можно принять за этот блок, закончит Хромой. Если захочет, конечно, продолжить знакомство. Но в этот раз, я уверен, оно будет гораздо более болезненным для всех, кто станет у него на пути. И станет предупреждением для нашего общего друга.

Он с нажимом произнёс последнее слово, а седой мужчина взял очередную сигарету и сузил глаза.

– Это ваш ответ.

– Я его давно озвучил.

– Вряд ли он им понравится.

– Им?

– Они гораздо опаснее Бубена и свободно перемещаются по миру, а люди склонны иметь семьи, где родственники умирают внезапно.

– Меня сложно напугать.

– Тогда почему вы все-таки пришли?

- Трудно объяснить поступки, право совершать которые ты присвоил себе сам.
- Я попробую понять.
- Если Бубен сможет выстроить и курировать цепочку так, как это делаем мы – прекрасно. Если он сможет сделать больше – значит, докажет, что это место его по праву.
- Когда-то он очень хотел его занять. Сейчас хочет сотрудничества.
- И он по-прежнему уверен, что мы примем его доставку?
- Представьте, да.
- Мы не относимся ни к одной из существующих секретных служб, – Марк поднялся и упёрся тяжёлыми кулаками в стол, нависая над сирийцем, как огромный камень, готовый сорваться с вершины горы. – Наши действия необычны и наши люди не такие, как все. Они работают не на благо своей страны, и шантажировать их, угрожая расправой с семьёй, не имеет смысла – вы и так понимаете, что у людей, подобных нам, нет дома... есть только память о прошлом и жажда мести...
- Я передам, что вы не испугались.
- С чего бы? – Гензер дёрнул плечом, распространяя вокруг резкий запах пота. – Передайте, что мне больше не интересно продолжение этого разговора. Если в этот раз он хочет найти курьера, то все равно с ним никто не рискнёт иметь дела. Даже ради любопытства. У таких, как он не может быть статуса.
- Он усмехнулся и столкнул чашку со стола. Сириец взглянул на осколки, задумчиво подёргал себя за ухо и в знак согласия склонил голову.
- Я передам и это.
- Приятного дня, – Марк оттолкнул ногой стул.
- Позвольте совет? – спросил его собеседник, раздавив очередной окурочек в пепельнице. Гензер полез в карман рубашки за очками, медленно одел их, и его глаза, за миг до того, как спрятаться за темными стёклами, недобро блеснули.
- Мне редко дают советы. Не по причине моей к ним нетерпимости, а из осторожности.
- И все же, Марк, – мужчина поднялся.
- Он так спокойно назвал его по имени, что Гензер не стал его осаживать. Сириец вытянул из кармана банкноту, бросил её на стол и постучал пальцем по кувшину.
- Здесь сейчас все дёшево, – тихим голосом сказал он, – а человеческая жизнь так вообще – стоит меньше стакана воды. Бубен – это даже не вершина айсберга. Он всего лишь крохотный кусочек льда на этой вершине и сделает он лишь то, что ему позволил... некий комитет госбезопасности... Не поворачивайтесь ни к кому спиной, Марк. Она у вас широкая и прикрывает от неприятностей многих. Я буду опечален, если больше не услышу о Хромом.
- А он о вас? – Гензер склонил голову набок.
- Вряд ли. Но если у вас появится возможность передать ему несколько слов от меня, вы сделаете это?
- Это несложно.
- В магазине старого Баржа всегда хороший выбор антиквариата.
- Где это? – небрежно спросил Гензер.
- Бейрут. Армянский квартал. Улица Вердун.
- Я услышал.
- Марк нахмурился и задумчиво потёр подбородок – вот сейчас седовласому арабу удалось встревожить его всерьёз. И не просто встревожить – напугать.
- Кто вы? – спросил он.
- Вы невнимательны, – сириец широко улыбнулся и смахнул невидимую пылинку с безукоризненно белого плеча. – Я говорю с вами вместо Бубена.
- И только?
- И только. Примите его доставку ради безопасности многих.

- Пакет передадите вы? – он стиснул зубы и покатал желваки.
- Он будет у меня сразу, как только я получу ваше согласие.
- Запоминайте номер телефона. Там автоответчик. Скажете: «Занавес поднят» и сообщите, где вас найти в течение ближайших суток.
- Я запомнил и... удачи, Марк.

Гензер неторопливо шагал к отелю и пристально разглядывал витрины каждого магазинчика на пути. Внимательно всматривался в отражения прохожих, запоминал их внешность, походку, жесты. В следующей витрине он пытался определить тех, чьё отражение уже видел. Иногда он резко останавливался, сухо кивал в ответ на извинения наткнувшихся на него людей, и обшаривал быстрым взглядом окружающих. Однако никто не пытался избежать его внимания: мужчины не отводили глаз в сторону, женщины не начинали судорожно поправлять платки, а дети не перебегали на другую сторону дороги.

Марк остро чувствовал нарастающую тревогу, невероятно чётко воспринимал усиливающееся напряжение внутри и был уверен, что за ним уже следят, хотя ощущал чьё-то близкое присутствие лишь на уровне подсознания. Он был готов столкнуться с неприятностями с первых же шагов, как расстался со странным сирийцем, и страстно желал, чтобы человек из прикрытия, гарантированного ему Кайрой, так же проникся витающей в воздухе бедой и был начеку. Внезапно он будто споткнулся и на миг застыл – позвоночник ухватили чьи-то холодные узловатые пальцы, сжали на миг и отпустили. В его жизни, полной смертельной опасности, такое уже случалось не раз, и он привык всецело доверять своему чутью. Марк понял, что его вычленили из толпы, просканировали, и осторожно ведут, стараясь пока оставаться незамеченными. Сейчас, более чем когда-либо, он был убеждён, что их действия вызвали неприкрытую ярость у руководства службы, наделённой полномочиями обрывать чужие жизни без раздумий. И её эмиссары, чьё предназначение как раз и заключалось в том, чтобы всячески пресекать деятельность Гензера и ему подобных, находятся где-то рядом.

Людей вокруг становилось все больше, но он сразу выделил в толпе парочку. Невысокий, бритый наголо мужчина, с выпяченным квадратным подбородком, и огромный увалень в армейском берете с удивлённым лицом пациента психиатрической больницы. Квартал назад он уже встречал их отражения в пыльной витрине. Он определил преследователей и сразу понял – это за ним. Только двое? Марк не оглядывался, изредка косил глазом на мчащиеся машины и пытался определить – есть ли с ними кто-то ещё. И неожиданно поймал оценивающий взгляд бородатого продавца сока. На удивление доброжелательный взгляд, прямой и открытый. Тот сунул руку за ворот, поскрёб тонкую шею и заговорщицки подмигнул ему. Марк безразлично подумал, что раз преследователи не пытаются скрыть слежку и, значит, больше не рассматривают его шансы добраться до отеля. Он всунул руки в карман, нащупал за подкладкой сим-карту и продолжил неторопливо шагать к отелю, до которого оставалось три-четыре квартала.

Подошедший к остановке рейсовый автобус вызвал непреодолимое желание впрыгнуть в раскрывшиеся двери. Однако он не сомневался, что эти люди продолжат вести его из какого-нибудь автомобиля цепким взглядом, или бросятся следом за ним. По похожей причине отпадает и такси. Да и случайный автомобиль может оказаться совсем не той машиной, в которую ему следует сесть. Щуплый сириец посоветовал беречь спину, и он не пытался убедить себя в том, что стрелять чем-нибудь так, чтобы его бесчувственное тело упало внутрь на сидение машины, его преследователи не умеют. Иногда, подумал он, встречаются такие уникалы, что предел их возможностей и степень подготовки никто и представить не сможет. Креспин, например.

Он приподнялся на носки, пошарил взглядом поверх голов прохожих, безразлично обходящих его, и решительно направился к ступенькам входа в торговый центр. Сейчас он вольётся

в людской водоворот и растворится в нем, выиграет у преследователей несколько секунд, а возможно, сумеет оторваться от них, затеряться в толпе на одном из этажей. Но Марк прекрасно понимал, что с его ростом и весом японского борца скрыться в этом человеческом муравейнике ему некуда. И когда за метр до прозрачных дверей дорогу ему преградил «продавец», он мощным ударом в челюсть отшвырнул его в сторону и шагнул внутрь.

На втором этаже он, не торгуясь, купил мобильный телефон, вставил сим-карту и набрал номер.

На звонок ответили сразу.

– Где ты?! – завопила Кайра.

– Просто слушай и запоминай, – он отмёл дальнейшие расспросы.

Щеку царапнуло, и витрина рядом с ним брызнула веером стеклянных осколков. Он тяжело упал на пол, не отрывая телефон от уха. Следом раздались крики, донёсся приглушённый звук выстрела, больше похожий на хлопок, а затем загрохотал крупный калибр – человек из прикрытия давал ему возможность закончить разговор.

7

В старину арабы говорили: «Если Аллах хочет наградить человека, он дарит ему путешествие в Дамаск».

Аста очень не любила это ощущение – когда закладывает уши в самолёте. Она знала, что надо сильно, широко зевнуть, и тогда эта заложенность исчезнет. Но вот то, что исчезает она через громкий болезненный щелчок – вот что было самое неприятное. В этот раз она даже не пыталась зевать, несмотря на то, что быть глухим, пусть и временно, не самое приятное в жизни. Она знала, что её ждут куда более неприятные вещи. Иллюминатор был слева. Край крыла мелко вибрировал. Облачность отсутствовала. Ей повезло увидеть, как самолёт закладывает вираж над городом. Столица Сирии великолепна весной, когда зацветают абрикосы и яблони, и бело-розовая кипень садов накрывает город. Весной она похожа на рай. Сейчас была осень...

Аста была готова восхищаться древним городом в любое время года. Хоть и выросла в каменных джунглях однотипных панельных домов, и все же для неё было каким-то своим особое очарование старого города – узких, мощённых булыжником улочек, тихих зелёных дворики, бань с расписными куполами, караван-сараяв, где, устав от долгого пути, отдыхали купцы и погонщики верблюдов, его мечетей и медресе... Именно отсюда начинался Дамаск. Здесь находилось его сердце – древняя Цитадель, мощные серые стены которой помнят имена грозных арабских халифов. Даже памятник Салах Ад-Дину: летящий всадник попирает копытами лошади поверженных в прах унылых рыцарей, чем-то удивительно напоминал ей Георгия-Победоносца.

Эту часть города буквально распирали от лавок и магазинов. Сирийцы считают, что самый короткий путь к богатству – торговля. Казалось, что торговлей занимается каждый от мала до велика. Престижное дело. Сам Пророк не гнушался... Товары напихали на неё отовсюду: они были развешены, уложены под стекло витрин, брошены на землю. Надо смотреть под ноги, чтобы не споткнуться. Парча, точёные кувшины с узким горлышком, чеканные кубки, старинные ятаганы. Кипы тканей, горы свитеров... Туфли висят в связках, как лук. Кто и когда это купит? Но опытный продавец с одного взгляда определит, какие у вас ноги и какая обувь вам нужна. И редко кто устоит перед его советами, пересыпаемыми комплиментами. Она не устояла. Теперь в её сумке, рядом с пистолетом и запасной обоймой, лежала пара вышитых бисером удобных туфель.

Тысячи лавок, мечети, мастерские, парикмахерские, харчевни... Аста потянула носом. Куски баранины на шампурах медленно поворачивались над углями, истекая жиром и источая одуряющий запах, в овощном ряду трудились резчики лука и моркови. Она невольно сглотнула слюну – ей нужен ювелир, а не повар.

Старый мастер выключил газовую горелку – полчаса отдыха каждый час в его возрасте уже стали необходимостью. Затаился сигаретой, прикрыл глаза, придумывая новый рисунок для серебряного браслета. Она остановилась, рассматривая чудесные изделия на рваной тряпке перед ним. Потом наклонилась и взяла в руки неприметный браслет с тремя красными камнями в центре. Старик приподнял веко, бросил на неё заинтересованный взгляд, и вновь закрыл глаза.

– У меня есть точно такой же, – тихо сказала она. – В прошлый раз вы говорили, что он единственный.

– Кто слишком часто напрашивается в гости – рискует получить за столом слишком большой кусок, – проворчал ювелир себе под нос. – Можно и подавиться.

– Кто знает, – она улыбнулась и поправила платок, – может быть, вы и правы.

– Идите в дом, – буркнул он.

Дверь распахнулась, и пожилая женщина, в облике которой явно угадывались славянские черты, пригласила её войти. Аста давно привыкла к таким лицам в арабской стране. Тысячи сирийцев учились и работали в СССР, потом в России, и добрая их половина вывезла с собой русских жён. Кто-то бы сказал, что в дальних поездках всегда приятно встретить что-то близкое и понятное тебе. Многие, но не Аста. Она не страдала сентиментальностью – ей было все равно, кто перед ней, особенно, когда палец почувствует спусковой крючок.

Мастер вошёл следом. Жестом указал на ковёр. Хозяйка поставила перед ней поднос с фруктами. Она каждый раз поражалась – почему из плошки с лакомствами в каждом доме обязательно торчат огурцы. Но есть неписаное правило: никогда не спрашивай, зачем? Нравится – ешь, не хочешь – поблагодари. Она поблагодарила и приготовилась слушать.

Разговор оказался долгим. Казалось, что сам старик получает удовольствие – от прохлады полутёмного помещения, стакана горячего чая, доверительной беседы. Он сидел на мягкой подушке, как обленившийся кот щурил глаза, неторопливо отвечал на её вопросы. Однако, Аста, в отличие от него удовольствия не получала. Разговор затянулся, был нудным и наполненным какими-то иносказательными фразами, общими намёками, и вообще... информацию старого ювелира можно было назвать никакой. Но был адрес неприметного дома в поселении за полсотни километров от столицы, и было одно уточнение: семья для сирийца – все! Любовь к земле, к журчащему ручью, тенистому дереву, тёплому очагу – в крови. Здесь любят детей, трепетно относятся к родителям, особенно к матери. Говорят, «Любить можно многих – родиться только от одной». У них нет домов престарелых. Они просто не понимают, что это такое. Старики живут в семьях, окружённые заботой.

– Семья... – с горечью прошептала она вслед этим словам и опустила глаза, разглядывая вышитый узор на ковре.

Загудел мобильник, возвращая её в русло беседы. Она извинилась, прочитала сообщение, недоуменно пробежала по дисплею во второй раз и сжала кулаки. Ювелир понял, что пришло время расставаться.

Напоследок её угостили чашечкой обжигающего арабского кофе с кардамоном. Затем она поднялась. Учтиво склонила подбородок и протянула ладонь жене хозяина – если гость мужчина, он пожимает руку только мужчинам – Аста была женщиной. В первый свой визит в Сирию она окончательно уверовала в поговорку: Восток – дело тонкое. Тогда, прощаясь, она подала руку старику-мусульманину в шапочке. Тот отшатнулся от неё, как от ядовитой змеи.

Аста была вне себя от гнева. Она покачивалась на заднем сидении пикапа и рассматривала затылок Шрамова.

– И что было дальше? – свистящим шёпотом спросила она.

– Ушёл, – буркнул он.

– Попортили его шкуру, конечно, но ушёл.

Капитан Слабко цыкнул слюной сквозь зубы в открытое окно водительской двери, потёр бритый наголо череп.

– Две пули точно унёс. Прикрытие у него было. Серьёзное. Думал, если попадёт, так в дыру сквозь бронежилет кулак пролезет. Палил, как из гаубицы.

Она до сих пор не могла взять в голову за каким чёртом этих придурков отправили в Сирию. Мало того, что старлей Шрамов был, выражаясь словами известного барда, «туп, как дерево», так и капитан Слабко был стопроцентным клиническим идиотом. И оба они по-арабски могли выговорить только два слова: «ля афхам» – я не понимаю.

Аста скрипнула зубами так, точно хотела сломать их все до одного.

– Почему я узнаю об этом только сейчас? От вас!

– Хижук приказал. Сказал немедленно взять и выбить информацию, – капитан усмехнулся. – А потом, говорит, наша красotka вам дело найдёт.

– Нашла уже. Окно закрой. Песок на зубах скрипит.

– Махнуть бы стакан, а то что-то муторно, – неожиданно брякнул старлей. – Что не делай – все ей не так.

– От одного вашего вида муторно! – выверилась Аста. – Взялся – делай! А то все на авось.

– Да ладно, – примирительно сказал Слабко, – теперь ты с нами. Исправишь, где мы накосячили.

– Ты, когда пьяный, на его свадьбе, – она ткнула пальцем в Шрамова, – стекло в ресторане выбил, новое купил, или старое исправлял?

– Это ты к чему вспомнила? – обиделся капитан.

– К тому, что осколками можно порезаться. И пьяному, и трезвому. Проблемы у нас теперь. Я...

Она замолчала. Нечего её спутникам знать, что ей пришлось связаться с Кайрой, чтобы найти Лати́фа. И стоит только той заподозрить её в причастности к смерти врача и к нападению на Гензера, то все полетит к чертям.

– Решим. Подумаешь, – уверенно прогудел старлей и дёрнул могучим плечом. – Он прав – ты с нами. Это главное.

Аста поморщилась. Достала зажигалку. Прикурила сигарету, которая уже десять минут мусолилась то одним уголком губ, то другим, в ожидании этого чирканья колёсиком по кремню. Затянулась, помяла в пальцах размокший фильтр, понимая, что от злости не чувствует запаха табака. Выдохнула вместе с дымом несколько нецензурных слов и вдавила сигарету в пепельницу.

– Туда, – она сверилась с картой и указала подбородком вперёд. – Проблемы решать будем.

Аста кривилась, рассматривая скудную растительность пустыни за стеклом. Больше всего сейчас ей хотелось улечься на часик в горячую ванну, в крайнем случае, встать под душ хоть на десять минут! Она так и не умылась по-настоящему за последние сутки. Все времени не было, а в старом доме, где она провела ночь в тревожной полудрёме перед встречей с ювелиром, воду надо было три часа греть мазутным калорифером, ревущем, как бензопила.

Голуби переполошились, завидев на своей территории чужаков. Заметались по двору, заворковали громко, тревожно. Затем взлетели, едва не обгадив Асту с ног до головы. Она успела укрыться под навесом и постучала в дверь. Старуха в платке, увидев направленный ей в живот ствол автомата, прекратила тянуть дверную ручку и коротко вскрикнула. Шрамов, почувствовав, что может свободно войти, толчком руки отправил её на середину комнаты и переступил порог. Старая косила испуганными глазами на оружие и пыталась отползти дальше. Вторая женщина, ещё достаточно молодая, чтобы привлечь внимание мужчины, издала какой-то непонятный звук и ухватила за кончики полотенца, висевшего на шее. За её юбку держалась девочка лет трёх. Рядом стоял мальчишка чуть постарше, разглядывая его из-под насупленных бровей.

Аста оглянулась через плечо. На улице было достаточно многолюдно. Проскрипела арба, груженная дынями. Процокал ушастый ослик с поклажей. Следом проехал со своей цистерной заправщик мазута, оповещающая о себе резким звуком рожка. Она вошла в дом и закрыла дверь. Слабко остался наблюдать за дорогой и пикапом, скрытым с обратной стороны двора.

– Что вам нужно? – испуганно спросила молодая.

– Латиф, – сказала она. – Поговорить хотела.

Женщина машинально скосила глаза на старуху. Шрамов понимающе ухмыльнулся. Аста придвинула к себе стул и уселась верхом, положив подбородок на спинку. Подняла с ковра книгу.

– Эти дети, – поинтересовалась она, – ваши?

– Да, – хмуро ответила та.

– Они умеют читать?

– Нет.

– Значит, вы читаете им сказки сами. Какие? – спросила она.

– Алладина... – угрюмо ответила женщина.

– Вот и читайте, – она бросила ей книгу. – Представьте себе, что ничего не произошло. Откройте страницу там, где вы остановились в прошлый раз, попытайтесь сосредоточиться, получайте удовольствие...

Женщина не смогла поймать книгу. Быстро подняла её и со страхом посмотрела на Асту. Та бросила короткий взгляд на широченные плечи Шрамова.

– Знаете, лучше почитайте мальчику о Джафаре, а я пока пообщаюсь с вашей дочерью.

– Нет! – женщина шагнула вперёд.

– Стоять! – рявкнул старлей и стволом автомата ткнул ей в грудь.

Аста погладила девочку по макушке. Пересчитала заплетённые косички. Достала из кармана начатый кулёк с леденцами – она давно и безуспешно пыталась бросить курить.

– Держи, маленькая принцесса, – сказала она. – Уверена, у тебя заботливая мама, и конфет есть много не разрешает. Поделишься с братом?

Девочка молча кивнула. Все в комнате напряжённо вслушивались в её слова. Даже Шрамов почесал затылок.

– Смотрю, у тебя много кукол. А на компьютере ты играешь? – спросила она.

– Мне ещё нельзя, – по-взрослому сказала девочка. – Папа прячет.

Мать открыла рот, качнувшись вперёд, да так и замерла, когда ствол автомата упёрся в лоб её сыну.

– Найди ноутбук, – бросила Аста старлею. – Только включить не вздумай.

Она снова погладила девочку по макушке.

– Папин компьютер. Я на него только посмотрю. Издали. Мне тоже не разрешали его трогать. Видишь, я большая, а все равно не разрешали. Я всегда так и смотрю. Издали.

Шрамов отыскал ноутбук, прижал каплю наушника пальцем, коротко сказал: «Принято!». Потом показал три пальца. Она перевела взгляд на женщин.

– Прошу никакой радости по поводу встречи главы семьи не показывать. Устроим сюрприз. Согласны?

Ответа в переполненных ненавистью глазах она не дождалась, а когда троица ворвалась в дверь, пистолет словно сам прыгнул ей в ладонь. Она мгновенно уложила двоих с автоматами на пол. Две пули – два труп. Шрамов, играючи, скрутил из Латифа узел с тряпьем. Она поднялась со стула и выстрелила в упавших мужчин в упор ещё дважды, хотя ей и так сразу было ясно, что никакой необходимости в этом уже нет. На освободившееся место на стуле старлей верёвкой притягивал сирийца к спинке. На миг запнулся, нащупав обрубок руки, чертыхнулся и прикрутил за локти. Затянул узел намертво, до хруста старого дерева.

Аста прошла по ковру. Старухе показалось, что эта ужасная женщина в армейском камуфляже и арабском платке пьяна, или напичкана наркотиками. Однако, Аста просто обходила разбросанные игрушки, выписывая вокруг них замысловатые пируэты тяжёлыми ботинками.

– Утюг есть? – неожиданно спросила она, словно ни к кому не обращаясь.

– Не догадался взять, – старлей растянул губы в мерзкой гримасе.

Она вздохнула. Стояла посреди комнаты, всунув руки в карманы и вспоминала бородатого ливанца из окружения Кайры. Смотрела тогда, как он аккуратно наматывает оплетённый нитью электрический шнур на деревянную рукоять за черным цилиндром с обгоревшим жалом. «Лимада? – спросила она. – Зачем? Лучше патроны возьми или воду». «Волосы зави-

вать буду, – ответил он». Тогда араб глянул на неё, как на полноценную тупицу. Спустя два часа она знала – лучше паяльника для выколачивания сведений ничего ещё не придумали. Кроме утюга, конечно, но тот слишком тяжёл, чтобы таскать его в рюкзаке за спиной.

Латиф вскинул на неё бешеные глаза.

– Уходи, пока тебя не прикончили. Попробуй спасти свою жизнь, – процедил он. – Постарайся, чтобы тебя не нашли сразу.

Аста знала, что такие самонадеянные, наглые и напористые понимают только язык силы. И чем быстрее почувствуют свою слабость, тем быстрее изъясляют желание пообщаться. Иногда такое рьяное, что и кляпом не остановить, и семью для этого трогать не так уж и обязательно.

– Нет, так просто уйти не получится, – произнесла она и выстрелила ему в ступню.

Старуха зашлась криком и поползла к ней. Пустила слезу девочка. Её мать вцепилась зубами в ладонь, а мальчишка принялся выкрикивать проклятия.

– Всем молчать, – прошипела Аста и повела стволом перед собой. – Кто оглох – получит пулю... В этот раз в голову.

Она ударила носком ботинка орущего сирийца в колено. Подумала секунду, и выстрелила ему в ступню второй раз. Вопль превратился в дикий рёв.

– Мне кажется, что лучше выполнять мои приказы, – поморщилась она. – Я права?

– Да, – совершенно спокойным голосом ответила молодая женщина и вдруг тихонько, с причитаниями, захныкала в унисон с маленькой дочерью.

Она без конца повторяла «Господи, господи, господи...». Шрамов наотмашь хлестнул её ладонью по щеке. Она отшатнулась и завывала в полный голос. Несколько мгновений он смотрел в её искажённый криком рот, потом перебросил оружие в другую ладонь и сжал пальцы в кулак. Тяжёлый удар отправил женщину на пол. Он сплюнул, подтолкнул к ней слетевший туфель и мотнул головой на дверь, где, сложившись пополам, лежали два трупа в общей луже крови.

– Ненавижу истеричек, – сказал он старой женщине, запикивающей за спину детей, как насадка цыплят. – Так что держи себя в руках, а то ляжешь рядом.

Старуха замерла, словно поняв чужой язык, а Аста не подняла головы – смотрела в остекленные зрачки Латифа.

– Больно? – спросила она участливым голосом.

Сириец открыл рот. Плюнуть ей в лицо не удалось. Ребристый цилиндр глушителя раскрошил зубы, разодрал небо и остался внутри кляпом с железным привкусом. Бесполезная теперь слюна сбежала из уголка рта на подбородок, вспухая красными пузырями. Аста надавила на рукоять, вгоняя ствол глубже.

– Я не слышала ответа. – повторила она. – Больно?

Латиф сумасшедше заморгал. Из одного глаза побежала слеза, уцелевшая нога выбивала пяткой по ножке стула барабанную дробь, напряглись жилы на шее, будто для крика. Ему безумно хотелось кивнуть – мешал ствол, торчащий в глотке колом.

– Сейчас исправим.

Шрамов протянул ей шприц. Аста зубами разорвала упаковку и вогнала иглу в плечо Латифу. Тот дёрнулся, скосил глаз вбок, чувствуя, как под кожей надувается тёплый шарик. Затем пронзительная боль начала затихать под верёвкой, врезавшейся в тело до крови, перестала рвать ступню и медленно растворялась в изувеченном рту.

Аста выдернула пистолет назад, брезгливо рассмотрела кровавую слизь на стволе и протянула оружие спутнику.

– Вытри.

– Чего? – не понял тот.

– Вытри, говорю, чем-нибудь. Держать противно.

– Чтоб тебя...

Шрамов сорвал с лежащей женщины платок, обернул ствол и со злостью принялся тереть его о ткань. Аста поискала глазами подушки. Сгребла ногами в кучу и уселась сбоку от Латифа, чтобы видеть и его, и дверь, и спутника, вполголоса матерящегося себе под нос. Прикоснулась кончиками пальцев к обрубку руки сирийца.

– Хромой? – спросила она, голосом полным сочувствия.

У сирийца задёргалось веко и плаксиво сморщилась физиономия.

– Анхар, – сказала она. – Три года назад ты сбил её фургоном.

– У-у-у, – прохрипел он, вывалив наружу язык, сплошь исцарапанный острыми обломками зубов.

– Мужчина, который тогда стрелял тебе вслед – это он?

Латиф повернул к ней голову. Говорят, глаза – это зеркало души. Ему не надо было кивать для подтверждения, но он кивнул. Нос у Латифа изрядно распух, но кровь уже перестала течь, и он не отрывал взгляда от её волос. Почему-то именно они завладели его вниманием, притягивали, как соломинка утопающего – не оружие, вновь оказавшееся в руке, и не прищуренные глаза молодой женщины, спокойно изучавшие его. Потом его губы шевельнулись.

– Русские... – прохрипел он. – Хрен вам...

– Я не русская, – мягко возразила она, чтобы не нарушить устанавливающийся контакт. – Но это сейчас не важно.

– Важно... – шептал сириец. Я сам....

Дальше Аста не расслышала и напряглась. Тупая крашенная сука, сказал он, или ей показалось?

– Мне надо знать, как он выглядит, чтобы не ошибиться, как ты. У тебя должно быть фото или видео. Где это все? В ноутбуке?

К её удивлению, сириец замотал головой и попробовал пожать плечами.

– В крайнем случае, меня устроит и устное описание внешности. Рост, вес, цвет глаз, волос... Короче, все, что рассмотрел. Хорошо бы и привычки, но на этом я настаивать не собираюсь. Ты же привязан к своей семье?

Распахнулась дверь. В комнату ворвался Слабо. Шумно перевёл дыхание. Передёрнул затвор.

– Уходить надо, – он покрутил головой. – Народу сейчас тут будет, ужас сколько.

– Десять минут у него ещё есть. Успеем.

– Какое там, – капитан вытер потный лоб. – Через минуту из нас кебаб делать начнут. Там желающих сотня, не меньше.

– Подгоняй пикап, – Аста вздохнула. – Жаль, с собой нельзя взять.

– Давай, я закончу один, – Шрамов отправил под ноги очередной плевок.

Он повёл стволом автомата. Переступил с ноги на ногу и шагнул вперёд. Под подошвой лопнул пакет с леденцами. Затем хрустнула пластиком кукла. Она подхватила ноутбук, быстро вышла наружу, захлопнула дверь и принялась искать в кармане сигареты, только пальцы, внезапно ставшие холодными и негнушимися, никак не могли уцепиться за пачку.

За спиной загрохотал автомат, и голуби, снова занявшие свои места на крыше, испуганно рванулись в стороны. Она вздрогнула и ощутила биение сердца где-то в животе, там, где ему совсем было не место.

8

Мелкие капли дождя собирались в тонкие струйки. Скользили по стеклу к карнизу. Провал между домами казался бездонным, а заострённые кровли возносились перед ним в мутное небо с едва заметным в окружающей серости расплывчатым диском луны. Мокрая мостовая далеко внизу, подсвеченная дёргающимся отблеском неоновой вывески какого-то банка, была пустынной. Только изредка ко входу питейного заведения в доме напротив подкатывало такси, разгоняя призрачный свет рекламы яркими лучами фар, и, забрав очередного клиента, оставляла ему невесёлую перспективу таращиться на промокший насквозь безлюдный переулок. Креспин невольно сглотнул слюну и прижался лбом к стеклу: там, всего за десять этажей и десять шагов через мостовую, были посетители, нормальная выпивка, беспечные разговоры, еда, в конце концов.

– Не маячь, Хромой.

Женский голос за спиной прозвучал раздражённо. Он усмехнулся про себя: впервые за время короткого знакомства его спутница не использовала местоимение. Всунул руку в карман, достал смятую пачку с сигаретами, залез внутрь пальцами, осторожно ощупал две последние, пересчитывая их снова и снова, затем вытянул губами одну и загремел спичками в коробке.

– Курево закончилось, – сказал, словно самому себе.

– У меня есть.

– Рад за тебя, Гальса.

– Сказала же, не маячь.

Он обернулся, насмешливо оттопырил нижнюю губу с прилипшей сигаретой, встряхнул коробком возле уха и хмыкнул:

– Трёшь их, трёшь, как...

– Договаривай, – зло бросила она и выпустила из рук носовой платок.

– Как кобель сучку.

Она прихлопнула ладонью россыпь тусклой латуни патронов на низком столике. Потом смахнула запястьем со лба прядь волос и вздёрнула подбородок. В неверных красноватых бликах вывески её распахнутые тёмные глаза, тонкие черты лица и желваки, перекатывающиеся от гнева на высоких скулах, вызвали у Креспина циничный смешок. В других обстоятельствах он, может, и промолчал бы, но третьи сутки бесполезного уединения с этой симпатичной девушкой заставили его напрочь забыть о хороших манерах.

– Не зыркай, – он чиркнул спичкой, – не из пугливых.

– Остряк!

Гальса огрызнулась и потянулась за оброненным клочком ткани. Затем предложила:

– Лучше бы ствол проверил.

– Ты в своём уме?

– Ты даже не смотрел, – она скосила на него глаз и хихикнула. – Мой негодным был.

Он прошёл через комнату и уселся вплотную, выдохнув вместе с дымом ей в лицо:

– Неужели? Марк никогда мне испорченный товар не подсовывал.

– Не ту песню поешь. Я, кстати, думаю, что самое время переломать тебе конечности.

Гальса сморщила нос и стиснула зубы. Он снова затаился, но выпустил дым в сторону и перехватил сигарету пальцами другой руки.

– Господи, неужели во всей этой мерзкой дыре кроме тебя никого в напарники не нашлось?

– Взгляни, – она протянула открытую ладонь. – Заменить пришлось. У тебя такой?

Он хмуро повертел в пальцах спусковой механизм и поднёс его к самым глазам, только что не обнюхал.

– Почему проверить решила?

– Привычка.

– Давняя?

Скорбная гримаса изогнула уголки её губ.

– Жива пока.

– Один выстрел?

– Один, потом довзвод его заклинит.

Он помрачнел, бросил окурок на пол, хотел раздавить его подошвой, но поднял обратно и резко вдавил в пепельницу. Затем задумчиво почесал переносицу.

– И ты всегда носишь с собой запчасти от «Глока»?

– Одну деталь. Пластик, – она пожала плечами. – Хоть в аэропорту через рамку.

– А патроны? Как проверишь, пока на курок не нажмёшь?

– Свои. Потому и ствол только этой марки, и на самолёт нам не надо было.

– Понятно.

– Проверишь?

– Не сомневайся.

Он достал пистолет, не глядя разобрал его на части, бросая детали ей на колени. Затем медленно и аккуратно собрал вновь, кинув тревожный взгляд на дверь. Досадливо положил оружие рядом с собой. Насупился, окинул её настороженным взглядом исподлобья.

– Почему раньше не сказала? Рот кто заклеил?

– Я в этом деле давно, но с тобой первый раз.

Гальса суетливо поёрзала, почему-то тронула патроны, выровняв их, как под линейку, одёрнула юбку и стала судорожно снаряжать обойму.

– Думала, так надо. Может, проверяешь, боишься, чтобы глупостей не наделала. Я же видела, какой ты был. Спокойный, сосредоточенный, опасности не видел. Считала, что все обойдётся.

– Не обойдётся.

Он болезненно сморщился, потёр не ко времени занывшее бедро, с каким-то безразличием подумал, что Гальса уже не первый его напарник, и которая вот-вот может погибнуть. То, что придётся умереть самому – тревожило не особо. К этому все и шло. Слишком неудачно складывались в последнее время дела. И когда несколько лет назад Гензер, кряхтя, втиснул свою тушу рядом с ним на кладбище, бросив горсть земли на гроб Анхар, и прошептал, что в этих похоронах его вины нет, он не видел причин сомневаться в его словах. Ещё раньше он сам рыл могилу для Хелен на каменистой пустоши в окрестностях Тешоара, откуда едва выполз, чуть не потеряв ногу. Змея не таилась, в отличии от старого друга: оставила им по две отметины – сначала ей под коленом, а потом ему в бедре, когда бросился на вскрик. Через час от укусов потянулись под кожей во все стороны черные нити, несмотря на глубокие разрезы, что успел сделать, чтобы выпустить отравленную кровь. Спутница не стонала, молча держалась позади, стиснув зубы, а потом он просто не услышал за спиной скрипа сапог по камням. Расчехлил сапёрную лопатку и постарался отрыть в твёрдом грунте яму поглубже, чтобы сохранить тело от падальщиков. Вернуться за ним он так и не смог. Да и Хелен в эту схему не вписывается – жуткое стечение обстоятельств. А вот Анхар, которую сбил грузовик, едва она ступила на пешеходный переход... водителя той машины полиция так и не нашла – отыскал он... Потом он потерял Нину, Кристу, Линн... И сейчас, разглядывая узкие плечи сгорбившейся Гальсы, он почти был склонен предположить, что из-за всех этих смертей торчали уши Марка. Если он жив, конечно. В другое время эта мысль бы его позабавила, но только

не сейчас. Всех, всех напарниц подбирал ему именно он, и все потери были связаны с доставкой для этого жирного ублюдка.

Креспин ещё не знал, что сейчас тот лежит в коме в одной из больниц Бейрута, получив две пули в спину вместо него.

Совершенно неожиданно для самого себя он рассказал Гальсе о своих женщинах, смутных догадках, непрекращающейся слежке и подозрениях. Она смотрела на него округлившимися глазами, нахолодившаяся, похожая на замёрзшего воробья, нервно комкала в руках платок. Он тяжело поднялся, снова подошёл к окну и, вытягивая шею, попробовал заглянуть за угол здания.

Дождь за окном стал настолько мелким, что казался просто водяной пылью. Ему захотелось уткнуться лбом в оконную раму, а ещё лучше прижаться к холодному стеклу всем лицом, чтобы почувствовать всю эту мерзкую взвесь брызг сквозь прозрачную преграду, за которой где-то в темноте скрывается смерть. Одновременно в нем боролись два желания – выйти наружу и единственным выстрелом разнести голову первому, кто встретит его под дождём, чтобы попробовать вытянуть Гальсу из капкана ценой собственной жизни против того, чтобы никогда не высовывать носа за дверь. Внутри кольнул страх. Чуть-чуть, самую малость. Креспин незаметно для девушки скрипнул зубами. Прикоснулся кончиками пальцев к стеклу. Вдохнул. За спиной раздался шорох диванных подушек – Гальса, устав от его молчания, поднялась и встала у него за спиной так близко, что он сначала почувствовал её дыхание, а потом щеку, когда она потёрлась о его плечо.

Откуда-то издали донёсся приглушенный перезвон церковного колокола. Креспин подумал, что если выбраться из окна, то через пару минут можно пройти по скользкому карнизу до другого номера, а там попробовать добраться до крыши. Даже с его ногой есть шанс, если кто придержит вначале за шиворот, даст возможность уцепиться за причудливую лепнину орнамента, опоясывающую этаж над окнами. Только вот тоненькая Гальса его точно не удержит. В крайнем случае, мостовая не так уж далеко – долго вопить не придётся.

Он кивнул самому себе, перевёл взгляд вниз и заметил огонёк сигареты, мелькнувший в подворотне. Так или иначе он привык не полагаться на случайности, и эта зыбкая красная точка, что описала дугу и сверкнула, достигнув рта курильщика, вряд ли оказалась здесь случайно, и вряд ли внизу ненастным вечером просто так ожидал кого-то добропорядочный гуляка. Едва различимая тень пересекла мостовую, нырнула в узкий проем между стен и огонёк пропал. Не слишком таятся, но следят внимательно, чтобы у птички поглубже увязли коготки. Правда, в такой темени, сеющей моросью, снизу ничего разглядеть не получится, да и дождь к ночи здесь всегда усиливается. И он решил, что попробовать стоит. То, что лестничный пролёт и коридоры отеля уже перекрыты, он не сомневался. Вели-то их с самого вокзала. Грамотно вели, неприметно и профессионально, нутром чувствовал, а разглядеть удалось только сейчас, да и то сами позволили. Не Гензера люди. Чужие. Гальса? Да нет. Хоть и кошкой за спиной трётся, а дрожь от коленок даже ему передаётся.

– Ты его давно видела? – резко спросил он, не поворачивая головы.

– Гензера?

– Есть ещё кто-то?

– Да нет, – глухим голосом отозвалась она, – не видела. Две недели назад по телефону говорили. Все так серьёзно?

– Уходить надо. Тебе одной.

Он обернулся и кивнул на окно. Она покрутила пальцем у виска.

– Свихнулся. Я на втором этаже к перилам балкона не подхожу. Акрофобия.

– На кладбище собралась из-за такой ерунды? – он удивился.

Тихий голос Гальсы прозвучал с испуганной безнадёжностью:

– Без шансов, Хромой...

– Ты должна попробовать. Обязана! Они будут уверены, что у нас всего два выстрела. Одного я точно уберу, как морду вверх задрать попробует. А дальше... дальше я пас. Сама, девочка, сама, своими шикарными ножками.

– Я думала, тебе давно наплевать на женщин, – с неожиданной горечью сказала она. – Как тебя мать назвала? Не Хромым же.

– Свечку хочешь в церкви поставить за здоровье? – он погладил её волосы.

– Поминальную, – окрысилась Гальса. – Делать, что будем?

– Я же сказал, прикрою. Собирайся.

– Не на свадьбу идём. Всё при мне, но туда я не полезу.

– Тогда звони.

Он усмехнулся и коснулся крохотной капельки-серёжки в её ухе.

– Не говори ничего лишнего. Иначе, если уцелеешь, они найдут тебя и прикончат. Может быть, и не своими руками, а все равно уничтожат. Найдут способ. А не убьют – инвалидом на всю жизнь сделают.

Она отстранилась и посмотрела в темноту за окном.

– Кто они?

– Тебе лучше не знать, – буркнул Креспин. – Достаточно того, что за их спиной может встать весь этот паршивый городишко.

– С другой стороны, как встанет, так и обратно присядет, стоит только вбить им в глотку десяток свинцовых затычек, – её глаза сверкнули.

– Ты что ли вбивать собралась?

– Я уже, значит, не в счёт?

– Горячо это для тебя.

– А кто меня льдом все дни кормил?

– Тебе это не нужно. И так ледышка.

– Пока не позвоним, что готовы, у нас есть время. Так? – хрипло спросила она.

Гальса нашла его ладонь и положила себе на грудь. Он живо представил её ноги в чулках, чёрную резинку шириной в ладонь, которую сейчас скрывала юбка, раздел девушку глазами и... отдёргнул руку.

– Нет.

Она вздрогнула, прикусила губу и отвернулась.

– Скотина, – скрипнула зубами. – Я, может, сдохну через час. Надеюсь, что после тебя.

– Не строй из себя оскорблённую монашку.

Он почесал подбородок, требующий бритвы уже который день, всунул руку в карман и позвал:

– Послушай, Гальса.

– Я тебя тоже за мужчину не считаю, – тихо отозвалась она.

– Посылку подай, – он тронул её за плечо.

– Что ты в ней такого интересного увидеть захотел? Все равно ведь открыть не сможешь.

Она обернулась, окатив его презрением в сузившихся зрачках. Затем застыла, поняв, что он подбрасывает на ладони гранату.

– Как сказать, – произнёс Креспин. – Хорошо, что не самолётом, да?

Гальса облизнула мгновенно пересохшие губы и осторожно положила пальцы на чёрную ребристую поверхность. Он накрыл её руку своей, замер на десяток ударов сердца, припоминая, как они с Анхар соорудили подобную ловушку три года назад. Но тогда у него была простенькая хлопушка, а сейчас у них в общем сжатом кулаке предмет не в пример серьёзнее и крупнее.

– Так почему молчала? – спросил он.

– Не верила.

– Жить хочешь?

– Почему ты работаешь только с женщинами?

Он сжал губы. Она медленно высвободила руку из-под его пальцев.

– Ходили разные слухи о твоих напарниках, – сказала она. – Ведь не верила, до последнего не верила, пока тебя на перроне не увидела, а потом и оружие не разобрала ещё в купе. Зачем Гензеру нас сдавать? Надёжные курьеры под ногами не валяются. И Сангушек говорил, что такого, как ты, больше нет.

– Знакома с ним?

– Не довелось. Подруга случайно обмолвилась. Но о нем многие знают.

– О нем – не его. Верно?

– Верно. Но ты, например, для него друг, и знаешь его лучше всех.

– В нашем деле нет друзей. Врагов полно, а друзей не бывает.

– Ты бы прикрыл его спину?

Креспин прищурился, разглядывая её лицо.

– Сама, как считаешь?

– Прикрыл бы. И он твою. Да?

– Надеюсь, что ты права.

– Я тоже.

– Как зовут эту словоохотливую подругу?

– Кайра.

– Она скорее доверится гремучей змее.

– Как видишь.

Он с сомнением кивнул и спросил:

– Так почему курьер должен исчезнуть, дорогая подруга Кайры?

– Подруга не в этом смысле, – Гальса вскинула злые глаза. – Мне претят такие намёки.

– Забудь, – примирительно сказал Креспин и повторил вопрос: – Почему?

– Не знаю. Наша доля?

– Нет.

Он подумал, что это было бы хорошим объяснением в другом месте, но в их случае было что-то совершенно иное. Настолько иное, что он сжал гранату в кулаке так, словно хотел раздавить её на части по всем насечкам. Прокрутил в памяти такой же дождливый и хмурый давний вечер, когда он бросил на стол Марку мокрую сумку с посылкой, а тот уставился на него, как на привидение, с нескрываемым страхом взял сумку и запер её в сейф. Затем Гензер дрожащими пальцами придвинул к себе телефон и принялся набирать номер. «Что-то мне подсказывает, что не особо ты меня и ждал? – покосился он тогда на перекошенное, покрытое испариной лицо, рассматривая этикетки на бутылках спиртного». «Беги! – неожиданно заорал Марк и швырнул на стол сначала плотно набитый конверт, а затем и автомат. – Прячься! Ничего не спрашивай. Выживу – найду...». В тот вечер ему не хватило полшага, чтобы предотвратить смерть Анхар – грузовик оборвал её жизнь сразу, как только она ступила на переход. Креспин надеялся, что оборвал сразу, а не через сто метров за светофором... Через месяц Марк позвонил, назначил встречу... и не пришёл. И вот спустя столько лет от его имени поступил заказ на доставку, подкреплённый правильной кодовой фразой, и появилась эта темноволосая девушка, знающая и ответ на пароль, и кто такой Сангушек. Уже в поезде проводник передал им сумку, в которой был плоский металлический ящик и неисправное оружие. Неисправное! А вот тот автомат Гензера был надёжен, как стены Форт-Нокса...

– Кажется пустым и лёгким, – Гальса потрясла стальной ящик. – Что же такого в нем может быть, что нас обложили со всех сторон?

– Что угодно, – он пожал плечами. – Бриллиантов там точно нет. Я знаю о многих иностранных заказах. Однажды я доставил посылку, и Сангушек сказал, что если набить подобный ящик

алмазами, то и тогда он будет выглядеть дешёвкой рядом с ней. По его словам, она была бесценной. Оказывается, есть такие вещи, которые сможет купить не каждое государство. В этом он не сомневался.

– Он сказал, что в ней было?

– Свиток, написанный самим Сатаной.

– Посылка из ада? – свистящим шёпотом спросила она и непроизвольно отодвинулась.

– А почему бы и нет? Оттуда её и отправим.

Он пошарил рукой в своей сумке, вытащил запасные шнурки от ботинок, задумался на секунду и вдруг усмехнулся:

– Ты поверила в этот бред?

Она обхватила себя руками за вздрагивающие плечи и испуганно посмотрела в темноту у дверей.

– У него ведь была причина сказать такое?

– Конечно. Он был пьян, как сапожник.

Губы Гальсы сжались в тонкую линию.

– Ты это только что выдумал? – злобно спросила она.

– Ну, – он вымученно хохотнул, – по большей части да.

– Ты идиот, – она шумно перевела дыхание. – У меня чуть сердце не остановилось.

– Не расслабляйся. Все только начинается.

Он взял ящик и склонился над сумкой. Гальса несколько секунд следила за его пальцами, потом сказала:

– Если доставка не состоится, то не только твоей репутации конец – жить нам останется пять минут.

– Кто сказал, что адресат её не получит? Наоборот. Даже руками успеет пощупать, а рейтинг курьера взлетит до небес.

Задрезжал звонок вызова. Она неприязненно уставилась на мобильный телефон и неохотно протянула к нему руку.

– Громкую связь включи, – предупредил он.

– Гальса, – она нажала кнопку. – Говорите.

Некоторое время он вслушивался в короткие, отрывистые фразы инструкций. Когда звонок оборвался, он ощутил, как внутри стремительно разливается мерзкое чувство безысходности, такое же скользкое и отвратительное, как и заплесневелые от постоянного дождя стены этого города. Креспин хорошо знал этот голос: так прищёптывать, поигрывая ножом и глотая окончания слов, мог только один его ненавистный знакомый – двоюродный братец Латифа. Он сплюнул и сказал:

– У нас полчаса.

– Это не он.

– Во всяком случае голос не старались сделать похожим.

– Почему Гензер тебя сдал? Он же твой друг, или был другом.

– Потому что он, скорее всего, мёртв. Тот тип в телефоне должен был произнести давно оговорённые слова. Не важно, есть опасность, или нет. Этого не было. Значит, из Марка им ничего выбить не удалось. Видишь, как важно не иметь друзей, чтобы не терзаться, что в их смерти повинен ты. Напарник тоже. Совсем!

У неё вытянулось и посерело лицо.

– Ты любил их? Хоть одну из всех? Анхар?

– Какая разница, – теперь отвернулся он. – Оружие спрячь куда-нибудь, если не хочешь лезть на крышу.

Гальса с ненавистью посмотрела на сумку между ними. Потом вытерла вспотевшие ладони и нахмурилась.

- С такой дрянью точно не обойдётся, – сказала она. – А с нами, как обойдутся?
- Дай помаду, – буркнул он, игнорируя вопрос.

Линии, которые он чертил на столе красным тюбиком, казались Гальсе в полутьме номера влажными мазками крови. Она снова зябко передёрнулась, и уже в который раз за этот вечер непонимающе спросила:

- Что это?

– Тридцатый этаж и холл офиса Гензера. Дальше тебе пройти не дадут, – он поставил несколько крестиков и раздавил помаду о столешницу. – Здесь твоё место. Делай что угодно, но ты должна оказаться в этом кресле. Это кабинет, а это лифт. Он будет исправен. Это я тебе гарантирую.

- Ты взорвёшь себя? – она охнула и прижала ладонь к губам.
- Если придётся.

Он поднял на неё взгляд, и столько жёсткой, остервенелой силы было в этих глазах, что она твёрдо уверилась – теперь уж точно ничего не обойдётся.

- Сириец, – сказал Креспин. – Маленький, злобный, с протезом вместо правой руки.
- Латиф?! – Гальса побелела.
- Угу, – он снова потёр переносицу. – Больше некому.

– Кто-то размозжил ему кости прикладом и зажал руку в трещине скалы. Потом бросил одного в пустыне. Этой твари пришлось отгрызть себе руку по локоть, чтобы освободиться и не сдохнуть от гангрены. Многие до сих пор жалеют, что этот доброжелатель не прикончил его сразу. Говорят, что это был ты.

– Пусть говорят, – Креспин отмахнулся, – по крайней мере, управлять машиной ему теперь трудновато.

- Проклятая сырость, – она встала и нервно потёрла плечи. – Откуда здесь взялся Латиф?
- Для тебя это не имеет значения. Потому что дело совсем не в нём.

Он положил ладони на её бёдра. Гальса податливо качнулась ближе к нему. Креспин провёл ладонями по её ягодицам к талии и скривился.

- Совсем плохо. Таз узкий.
- Это так важно сейчас?

Она недоуменно посмотрела на него сверху вниз. Он вздохнул.

- Тебе будет тяжело спрятать оружие в себя.
- Куда? – она оторопела.

– Туда! – рыкнул он. – Подручным Латифа ты точно понравишься. Насиловать тебя они, конечно, сразу не станут. Так, помнут слегка для начала, товар пощупают, призовые оценят. А вот когда страх захлестнёт тебя с головой, тогда и займутся вплотную. Так что, девочка, придётся это сделать, чтобы выжить.

- Боже... – Гальса прижала ладони к пылающим щекам. – Ни за что!
- Откуда-то издалека снова донёсся приглушенный звон церковного колокола.
- Символично, – сказал Креспин, прислушиваясь. – Молись, если успеешь.

Он выдернул из замка молнии шнурок и встряхнул сумку. Гальса не выдержала, рванулась в сторону, опрокинув низкий столик, и завопила от ужаса.

9

Гальсу привезли в первой машине, намертво сдавленную между мужскими плечами. Затем вытряхнули на мокрую мостовую и едва ли не пинками загнали в лифт. Уже наверху проверили сумочку, быстро ощупали сверху донизу. У Гальсы на миг остановилось дыхание, когда жёсткие пальцы грубо прошли по животу, больно помяли грудь, а потом полезли под юбку. Она изо всех сил сжала колени, стараясь повернуться боком и подавить чувство отвращения, когда потная ладонь подёргала резинку над бортом чулка и погладила кожу всего в миллиметре от рукоятки «Глока». Трое охранников с подозрением уставились на неё. Первый, стоящий у двери, с кобурой, бугром выпирающей на пиджаке, безразлично смотрел перед собой, перекаывая во рту язык. Второй, высокий и огромный, как медведь, хлопнул её по ягодицам.

– Странно, но она чистая.

– Ствол где?

Третий, коренастый, с бритым наголо черепом, пожевал губами, окинув её тонкую фигурку жадным взглядом.

– Напарник забрал, – буркнула она. – Не доверяет.

– Правильно, а то с его бабами вечно одни неприятности происходят, – осклабился длинный. – Тащи сюда, Шрам. Проверим.

Её спутника обшарили не в пример тщательнее. Бритый сжал через кожу сумки металлический ящик и почесал затылок, не рискуя расстегнуть молнию.

– Скажешь, что потерял? – злобно спросил он.

– В номере оставил, – хмыкнул тот. – А, может, тебя с безруким пугать не хотел.

– С безруким? – длинный отодвинул Гальсу в сторону и крепко сжал ему плечо. – Зря веселишься. Жаждали тебя. И барахло своё сам тащи.

Крепкий покосился на неё, напомнив, что та стоит не в том месте, и двинулся к дверям. «Свечку поставь», – беззвучно шевельнулись его губы.

Она шагнула следом, обходя бритого справа. Тот схватил её подмышки, протащил волоком через холл, и бросил в нужное кресло.

– Посиди пока, юла, – он огладил складки на голом черепе, – и не вертись. Силы береги. Потом покажешь, что умеешь.

Гнусная улыбка растянула его лицо от уха до уха, и она несколько минут бросала полные ненависти взгляды на ухмыляющуюся похотливую физиономию, шепча под нос оскорбления, потом, словно спохватившись, одёрнула задравшуюся юбку. Краем глаза заметила движение у выхода на лестницу, и только вскинула на плечо ремень сумочки, как за дверью ударил раскат грома.

Массивное дубовое полотно слетело с петель, пронеслось через холл, прихватив за собой молчаливого охранника, и разлетелось в щепки о стену. Следом за оглушительным грохотом из разрушенного входа вылетело облако чёрного дыма. Куски штукатурки и древесины шrapнелю смели бритого. Вспух огненный шар и ревущее пламя взметнулось под потолок. Гальсу швырнуло на пол вместе с перевернувшимся креслом. Обезумевший вопль ввинчивался ей прямо в мозг. Она вскочила, диким взглядом окинула разверзшуюся вокруг огненную бездну, пытаясь разглядеть орущего. Затем обеими руками рванула пластырь, вытащила оружие, осознала, что слышит собственный крик, и сквозь непроницаемую завесу горящего дыма и пыли разрядила всю обойму по лестничному проёму, где за долю секунды до взрыва появились вооружённые люди. Опустив «Глок», она машинально вогнала в него вторую обойму и выпустила в клубящийся хаос следующие восемь пуль. На лестнице раздались крики, и чернота впереди взорвалась ответным огнём из автомата. Она бросилась на пол, подползла к стене, прильнув спиной к холодному бетону, с трудом удерживая ладонями плещущуюся в висках

боль. Гальса не сомневалась, что Латифа и всех остальных в кабинете перемешало с объатыми пламенем обломками мебели, но пересилить страх и заползти в кровавое месиво за выбитой дверью, где сейчас полыхало огнём, она не могла себя заставить. Знала, как это будет: сначала сгорят её волосы, потом займётся одежда, следом вздуется кожа, лопнут глаза, затем вся она запылает, как соломенное чучело, а Хромой стоял перед глазами, протягивал руку, кричал что-то сквозь огонь. Свечку поставь, так он просил. Она распласталась на полу, закрыла глаза и наощупь поползла вокруг искорёженной мебели под градом пуль, осыпающих её бетонными осколками.

– Я выберусь, – она со стоном перевела дыхание, скрипнула зубами и ударила в стену кулаком от отчаяния. – Ради тебя, Хромой. Господи, что же ты там взорвал?!

Звонко лопнул металл, на спину хлынули струи воды из сработавшей системы пожаротушения, а позади негромко хлопнуло, взметнулся гудящий факел газа из повреждённой трубы и полыхнула ослепительная вспышка. Взрывная волна пронеслась по холлу, придавила её креслом и протасила под ним через порог. Вопли на лестнице сменила сирена пожарных машин. Она заставила себя выпрямиться на дрожащих ногах. «Лифт! – орал у неё в мозгу Хромой. – Он должен уцелеть!». И она вытянула вперёд дрожащие руки, двинулась куда-то, спотыкаясь, отбросив даже малейшую попытку понять, в чьей крови скользят подошвы обуви.

Кабина лифта была на месте. Сработала и кнопка, утопленная в раму вокруг стальных створок, распахнувшихся от прикосновения. Гальса ввалилась внутрь, согнулась пополам, вывернув остатки обеда себе под ноги, и зашлась безудержным кашлем. Лифт мягко качнулся, пошёл вниз, и она принялась лихорадочно срывать с себя одежду, заливаясь слезами и судорожно втягивая воздух широко открытым ртом. Затем вытряхнула из сумочки простенькое платье и плащ.

Внизу она смешалась с толпой, рвущейся в панике из здания наружу, и нырнула в темноту ближайшего переуллка. Выбросила в подвернувшийся мусорный бак бесполезный «Глок», до сих пор стиснутый в ладони, и быстрым шагом, едва не срываясь на бег, двинулась по мостовой, бездумно сворачивая в любые подворотни, чтобы замести следы.

Она позволила себе остановиться лишь под навесом у кованной решётки островерхой башни костёла, с оголовка которой не так давно разнеслись удары колокола, и которые она впервые услышала несколько часов назад. Облегчённо перевела дыхание, погладила изъеденное временем железо, бросила взгляд в тёплую полутьму за открытой дверью. Прислушалась к шороху воды в водостоке и оглянулась на недалёкий полицейский участок, перед которым царила суматоха.

Она развернулась и вышла под дождь, поёжилась от попавших на шею холодных капель, вытирая вновь хлынувшие слезы.

Свернув на ближайшем перекрёстке, Гальса обессиленно прислонилась лбом к шершавому камню стены и отрешённо подумала, что на кладбище к Анхар она сходит, когда все закончится, а сейчас...

Она вздёрнула воротник плаща вверх, прислушалась к далёкому реву сирен в соседнем квартале и медленно пошла прочь. Подумала, что никакую свечку она ставить не будет, пока лично не убедится в его смерти. Вспомнила, как открыв рот от удивления слушала рассказ Кайры об изворотливости Хромого, поражаясь его звериному чутью и умению выбираться из самых изощрённых ловушек. А вот Анхар никогда и ничего ей не говорила. Молчала и так мягко улыбалась, что её тонкие черты восточной женщины, словно светились изнутри. Она была счастлива просто потому, что он рядом. Сейчас, всю эту романтику Гальса почувствовала на собственной шкуре, но страха внутри не ощутила, как бы тщательно к себе не прислушивалась. «Подожду, – твёрдо решила она. – Здесь! Денег ещё надолго хватит. А там, может быть, кто из окружения Гензера или Сангушека всплывёт, или сама Кайра на связь выйдет...».

Машина, арендованная ими заранее и припаркованная в тихом районе, была на месте. Она неторопливо, чтобы не привлечь внимание взбудораженных перестрелкой полицейских, проехала мимо городского парка. Чем дальше она оставляла позади центр, тем тише и темнее становилось вокруг. И наконец выбралась через кварталы с одноэтажной застройкой на трассу. Нашупала под сидением запасной пистолет и несколько снаряжённых магазинов. Положила все себе на колени, чтобы придать уверенности, и вдавила педаль акселератора в пол.

Отражения полос разметки дороги ныряли по запотевшему стеклу под её пальцы, вцепившиеся в руль так, что побелели костяшки. Белая, чёрная, белая, чёрная. Полоска белая, а за ней чернота, снова полоска и снова чернота. Напряжение, что держало её последний час на пределе сил и помогло пережить весь этот ужас, ушло. Резко, как оглушительный взрыв в кабинете Гензера, оставив вместо себя слабость, крупную дрожь по всему телу и слезы. С каждым ударом пульса у неё в висках появлялась новая полоска. Белая, чёрная, белая, чёрная... Из темноты, из ниоткуда, фары выхватывали белую линию, и её белизна нестерпимо резала глаза, привыкшие к чёрному цвету. И тут же линия пропадала в такой же непроглядной черноте позади. С каждым новым ударом пульса, с каждым новым толчком крови в венах – белая, чёрная, белая, чёрная.

У Гальсы двоилось в глазах. Она ударила по тормозам, с трудом удержала машину в заносе на скользкой дороге, и застыла на сиденье, закрыв глаза. Рыдания сотрясали её плечи, а рука непроизвольно потянулась вправо. Там было пусто, а у неё никак не получалось избавиться от предчувствия надвигающейся беды. И Хромой сидел рядом, хмурый, сосредоточенный. Молчал, только кривился в ответ на её слезы одним уголком губ.

Дождь усилился. Капли сверкали в свете фар, бледным водяным туманом разбавляли ночь и текли ручейками по стеклу. Гальса приоткрыла окно, и они ворвались в салон, нещадно хлеща по лицу. Хромой оперся о дверь снаружи. «Все запомнила? – раздражённо спросил он». Она испуганно кивнула, и что-то мелькнуло на миг в его глазах, словно крикнуло, простонало от невыносимой боли: «Повтори!». Она вздрогнула, моргнула, а вместо его силуэта уже была вязкая, тягучая чернота, теперь уже насквозь промокшая, и которую можно было резать ножом.

Трясаясь всем телом, она переключила скорость. Дорога летела под капот. Мокрый шелест шин, захлёбывающийся от натуги рёв мотора, еле слышный свист пролетающих внизу полосок – это было прямо в ней, в висках, в мозгу. И не было других машин: ни белых фар встречных, ни красных огней попутных. Чёрное небо, чёрный асфальт, чёрная мгла по краям. Темно впереди, темно сзади. И только здесь, в середине угольной черноты, светились индикаторы на приборной доске, да пронизывали ночь два острых луча фар. Что впереди – неизвестно. Что позади – не имеет значения. Что по сторонам – не узнать, ведь там она никогда не окажется.

За поворотом шоссе полезло вверх по крутому склону холма. Она протянула руку, отстранённо ощупала прошитую кожу второго сидения и вдавила педаль до упора. Мотор ошарашенно взревел, и стрелка спидометра рванулась вправо, застыла, опершись в ограничитель, и быстрее застучала кровь в висках, и быстрее побежали полоски. И она, судорожно сжимая рулевое колесо, кромсала темноту светом фар. И тьма, чавкнув, и проглотив бледные лучи, сомкнулась позади. Там было мёртвое прошлое. И там же, Гальса надеялась, была полоса чёрная, которую накрывало разгорающееся позади электрическое зарево от ночных огней покинутого города. А впереди было будущее, но никто сейчас не мог ей сказать, каким оно окажется.

– Боже... – стонала она, – только уцелей... только не возвращайся призраком... простая работа всегда найдётся... для меня с тобой... а Кайра... пусть только попробует протянуть к тебе руки...».

Ключ она нашла там же, где и сказал Хромой – кончик бечевы среди мокрого месива в вазоне. И неприметная, тонкая нить между дверным полотном и стеной была на месте. Она

шагнула через порог, обводя темноту стволом «Глока», и нащупала выключатель. Доводчик плавно закрыл дверь за спиной, и она принялась осматривать чужое жилье.

Снаружи серел рассвет. Гальса смотрела на наглухо задёрнутые плотные шторы и спрашивала себя, а была ли эта ночь реальной, и были ли рассказы Кайры правдой. В их деле, врать ей было незачем, но сейчас она не собиралась верить никому – уцелеть в этой бойне мог только Хромой. Сам и расскажет, если встретимся...

Она прошлась вдоль стены к окну, присела и, едва не прижимаясь щекой к ковру, осмотрела его до самой двери. Затем чихнула и медленно выпрямилась. В коротком ворсе полно песчинок и пыли, на широкий диван будто никогда и не садились, а под ним точно вымыли пол перед её приходом. Ни вороха газет, ни неоплаченных счетов. На краю низкого столика телефон с автоответчиком и чашка с остатками кофе. «До чего же здесь странно чисто, – подумала Гальса и потёрла бровь так же, как это делал Хромой, – местами чисто».

Она нажала на кнопку автоответчика. Отрывистый мужской голос с металлическим тембром сообщил, что никаких сообщений нет.

Гальса толкнула дверь на кухню. Телевизора не было и здесь. Раньше она об этом не задумывалась, но теперь это казалось странным. В Европе нет людей настолько далёких от новостей, или настолько перегруженных ими, чтобы не иметь хотя бы одного телевизора. Сверкающий чистотой пустой стол. Ни крошек, ни запахов. Сунула нос в холодильник – мышь повесилась. В шкафу у плиты блестящие стальные кастрюли, керамическая сковородка, ножи, вилки и ложки в разных отделениях. Заглянула в мусорное ведро – пустая коробка из-под яиц. Одинокий скомканный листок рядом с ней оказался давней квитанцией с парковки.

Оставалась последняя комната. Возле просторной двуспальной кровати стояли часы, подмигивая зелёною цифр. Гальса наклонилась и понюхала одну из подушек. Запах женского тела был свежим и почти осязаемым. Мысленно она перенеслась в номер того проклятого отеля и будто вновь почувствовала руки Хромого на своей груди. Она выпрямилась, отгоняя видение, и вытерла неожиданно вспотевший лоб.

В гардеробе Гальса обнаружила мужскую рубашку, а в отделении для обуви – новенькие женские туфли. В одном ящике комода – носки в упаковке, а во втором – ношенный бюстгальтер и он был девственно чист от запахов, словно его купили без примерки и уже старым.

Она недоуменно оглянулась. Где остальные вещи? Другие ящики пустовали, и это было все, что она нашла в комнатах. Если бы она не задержалась в спальне, могла бы решить, что дом заброшен. И он был больше похож на номер в занюханном мотеле, чем на обжитое помещение.

За стеклянной дверцей бара кроме двух стаканов и бутылки ничего не было. К спиртному Гальса всегда была равнодушна, но сейчас не могла оторвать взгляд от этого единственного пузатого сосуда, наполненного коричневой жидкостью на три четверти. Она протянула руку, отвинтила крышку, осторожно понюхала содержимое, глотнула и закашлялась – попало не в то горло, а в нос шибануло привкусом прелой соломы.

Гальса поставила бутылку и провела задумчивым взглядом по полке с книгами и стопке журналов под ней. Одну за другой она сбросила книги на пол и тщательно перетряхнула их все до одной, словно надеялась найти что-нибудь, спрятанное между страниц. Затем принялась за журналы. Один футбол. Других в стопке не было. Она никогда не слышала, что Хромой был настолько увлечён этим видом спорта.

Старая фотография выпала внезапно. Потом целый ворох распечатанных на простой бумаге снимков. Следом открытка. Потрёпанная. Не очень качественная печать. Она поднесла её ближе к полоске света от ночника – молодая девушка в бронежилете и с автоматом на фоне горящих развалин. Надпись на арабском и под ней размашистая строчка от руки: «Покажи этим ублюдкам, где их место!». Почерк на открытке ей был незнаком.

Она подняла самое первое фото и медленно осела на кучу бумаги. Этот снимок она уже видала в руках Анхар – в тот день ей исполнилось два. Спустя шесть часов погибла её мать. Официально... Никто не виноват... Ночь... Корректировщик ошибся... С кем не бывает...

Гальса просмотрела остальные фотографии все до одной. На одних была Кайра, на других Гензер – Ливан, Сирия, Европа... Видно, что снимали издалека и скрытно. В кадрах было полно смазанных рук, ног, сумок... И ещё Хромой... На фотографиях была только его спина, но она слишком хорошо знала эти плечи и осанку, чтобы узнать его сразу. Его ждали и здесь... Не глядя, она протянула руку к бутылке, почему-то взболтнула содержимое и одним длинным глотком влиwała коньяк в себя, пока хватило дыхания. Затем она отыскала щиток электрического распределителя и щёлкнула рычажком автомата. Потом устроилась в углу, чтобы держать в поле зрения и входную дверь, и окно. Положила перед собой три запасные обоймы и «Глок» – того, кто придёт сюда вместо Хромого, постигнет очень сильное разочарование.

Гальса достала мобильник и авторизовалась в общем канале. Там было непривычно тихо и пусто. Дрожащим пальцем набрала сообщение и десять минут с надеждой смотрела на дисплей. Затем отключилась. Её строчка так и осталась единственной: «Хромой, мне страшно...».

– Господи, – пробормотала она, – почему это сразу не пришло мне в голову, когда я оказалась здесь. Этот дом – очередная ловушка! Однорукий Латиф стоял у неё перед глазами.

Ручка двери повернулась. Она вжалась плечами в стену и нащупала пальцем курок.

Окровавленный Шрамов, державшийся за живот и ввалившийся в комнату едва ли не на четвереньках, был для Гальсы отличной мишенью – выпитый коньяк ничуть не помешал ей разрядить в его голову всю обойму со стопроцентной точностью.

10

Город был насквозь пропитан влагой. От реки в неоновые сумерки узких улиц вползали плотные щупальца тумана. С неба вновь сеялся мелкий дождь. В мутной пелене тускло вспыхивало жёлтое пятно светофора на перекрёстке. Едва различимо помаргивала вывеска бара, отбрасывая призрачные блики на мокрую брусчатку.

Креспин достал сигареты. Повертел в пальцах зажигалку. Несколько раз машинально прокрутил колёсико над кремнём. На чёрной доске у входа в бар для него ничего не было. Тот, кто аккуратно вывел название дежурного блюда в меню, не сломал мелок и не обвёл первую букву дважды. Более того, надпись была выполнена не мужской, а женской рукой.

Он прикурил. Несколько затяжек сделал одну за одной, со злой сосредоточенностью разглядывая вход в питейное заведение и перекатывая сигарету по уголкам рта. Представил, как впервые оказался в этом месте несколько лет назад. Как в первый раз поздоровался с ней и услышал в ответ: «Рада встрече». Вспомнил, как она протянула ладонь и мягко улыбнулась, словно они были знакомы целую вечность и расстались только вчера... Вчера закончилось три года назад, и его больше не существует...

– Просто уйма времени прошла с той первой встречи, – философски заметил он в темноту.

– Правда? – удивилась Анхар и потёрлась носом о его висок.

Почувствовав, как с виска за шиворот холодным прикосновением заструилась вода, он вздёрнул воротник плаща повыше и сунул руки в карманы.

– Мерзкий дождь, – Креспин поёжился.

– Серебряный, – Анхар подставила ладонь под дождевые капли. – Смотри...

Он мотнул головой, прогоняя наваждение, щелчком ногтя послал окурок в мокрую полутьму и двинулся через дорогу в бар. Немногочисленные посетители, вяло встрепенувшиеся при его появлении, равнодушно вернулись к своим напиткам.

– Кофе, – он махнул рукой женщине за стойкой. – Много и покрепче.

Рядом со столиком у окна в растрескавшемся ведре торчала пальма, растопырив пожелтевшие от табачного дыма листья. Креспин устроился под ней на широкой скамье, задумался, задавая себе единственный вопрос – почему? Ответа на него не было. Не было ответов и на другие странности, накотившиеся лавиной. Он прекрасно понимал, что в правильном вопросе всегда содержится половина ответа. Пытаясь разобраться в сложившейся ситуации, наполовину прикончил кофе в чашке и наполовину решил задачу. Но только наполовину. Недостающую часть должен был назвать Гензер... Ещё вчера... Гензер молчал, словно и его больше не было... Оставался неизвестный связной. Мёртвый – надпись на доске почти убедила его в этом.

Получался заколдованный круг – информация, необходимая ему, на свет не появлялась, а уйти он не мог хотя бы потому, что идти пока было некуда. Он курил, постукивая краем зажигалки по столешнице, и ждал. Терпеливо ждал, очень терпеливо. И в какой-то момент случилось то, что случилось – входная дверь тренькнула о колокольчик. Сизая пелена в зале качнулась от сквозняка. Вместе с нудным шелестом дождя послышался стук каблучков. Он покоился через плечо. Женщина. Молодая. Сразу от дверей цепким взглядом окинула небольшой зал и расстегнула плащ. Кто-то в другом углу откровенно прищёлкнул языком.

Через пару секунд она скользнула к нему за столик. Не присела, не пристроила свой зад к коже скамьи, а именно скользнула на неё одним мягким и грациозным движением. Невысокая, изящная, с вызывающе правильными чертами лица. Даже Анхар не была настолько привлекательной. Креспин безразлично подумал, что такие лица можно встретить у скучающих английских леди на бангкокской Каосан-роуд, но никак не в этом городе. Эта женщина выглядела шикарно, но совершенно неуместно в прокуренном помещении дешёвого бара, где

явно выпадала из общепринятой схемы. И она притягивала его взгляд, как огонь привлекает бабочку. Однако, с таким же рвением к ней стремились и чужие взгляды из каждого угла бара. Креспин скривился и отодвинулся глубже в тень под резные листья.

– Угостишь? – ухоженные пальцы с безупречным маникюром коснулись пачки сигарет.

Она не стала ждать ответа. Бесцеремонно вытянула сигарету и, прижав фильтр ярко накрашенными губами, замерла в ожидании. Он невозмутимо крутнул колёсико зажигалки, но руки не протянул, приглашая её саму добраться до язычка пламени. Женщина приподнялась и перегнулась через стол ближе, не отрывая от него взгляда. Рот – воплощение сексуальности, ядовито-красный, с презрительно выпяченной нижней губой недовольно скривился на одну сторону. Мелко-мелко задрожали крылья носа и расширились зрачки. «Кокаин? – Креспин хорошо знал, как прикуривают наркоманы. – Или что-то держит нервы на взводе?». Дополнил эту мимику на её лице аромат совершенно безумного парфюма, который почти перебивал запах табака. И этот аромат произвёл впечатление помимо его воли.

– Благодарю, – она прикурила, прищутив глаз, и глубоко затянулась. – Один?

В тихом голосе был не вопрос, а констатация факта. Женщина спокойно изучала его внешность. Креспин молча рассматривал её лицо, белизну которого резко подчёркивал тёмный цвет волос.

– Могу составить компанию, – длинные ресницы приветливо хлопнули, но глаза не выразили никаких эмоций – так и остались пустыми.

– Не сегодня, – он досадливо дёрнул плечом.

Она откинулась к стене. Затем запустила ладонь в волосы над левым ухом и провела по ним пальцами, как гребнем. Густые пряди на миг зависли в воздухе и упали на плечо. «Зонта нет, плащ мокрый, волосы сухие», – привычно отметил он.

– Почему? Уверена, мы бы нашли общую тему для разговора. Прямо сейчас, – она провела по верхней губе кончиком языка.

– Нет, – твёрдо произнёс он.

На её лице появилась понимающая улыбка с некоторой долей сочувствия.

– Тяжёлый день? Я знаю, как делать массаж. Эротический в том числе.

– Сколько? – спросил он.

– Иногда бесплатно.

Она картинно выпустила дым из ноздрей и вновь затянулась. Он посмотрел на тонкую цепочку, обвивающую её шею, на крошечный плоский медальон в ложбинке между ключицами, прикрытыми полупрозрачным шарфом, и провёл оценивающим взглядом ниже.

– И кто же эти избранные?

– В этот раз ты?

Ему откровенно предлагали наконец-то определиться.

– Бог решил поцеловать меня в темечко? Судьба, или случай? В этот раз?

– Наверное, судьба, – она подмигнула. – Не может быть вторая встреча случайностью.

– И где же была первая? – насмешливо поинтересовался он.

– Бейрут, – спокойно сказала она, разгоняя дым ладонью, – город, а не бар в двух кварталах отсюда.

– Никогда не был в Ливане.

– Мы встретились в магазине Баржа.

– Это тоже в Бейруте?

– Армянский квартал.

– Запомню, чтобы посмотреть, когда соберусь на Ближний Восток.

– Я не могла ошибиться, – она натянуто улыбнулась.

– Не в этот раз, – грубо сказал он.

Женщина непонимающе смотрела на него. Креспин сгрёб сигареты с зажигалкой в кулак. Прижал полупустой чашкой купюру.

– Приятного вечера, – небрежно бросил он ошарашенной незнакомке и направился к выходу.

Колокольчик невесело звякнул, провожая его под холодный дождь. Через сотню шагов он свернул в пустынный переулок, а ещё через пятьдесят она нагнала его, подхватила под локоть, оглянулась и зашипела:

– Есть разговор.

– Да ну? – он провёл рукой по её груди. – А как же это?

– Оглох! – зло выдохнула она. – Бейрут. Улица Вердун. Армянский квартал. Магазин антиквариата.

Он обхватил её за талию, прижал к себе и ткнулся носом в волосы.

– Не интересуюсь древностями. А вот новое все-таки попробую. Куда ты там меня приглашала?

Она упёрлась ладонями ему в грудь и попробовала освободиться.

– Тебе бы понравилось. Но я не предлагаю дважды. Могу и полицию крикнуть.

– Говорят, в «восточном Париже» неплохие магазины старья.

– У слепого Баржа всегда хороший выбор, – она перестала вырываться. – Уходим. Быстро!

– Старый пароль – старые методы, – шепнул он ей в ухо.

Она вздрогнула, и Креспин подумал, что точно так же дрогнули плечи Анхар, освобождаясь из кольца его рук, перед тем, как светофор моргнул зелёным... это уже потом, через секунду, её тело дёрнулось не от предчувствий, а от удара бампера грузовика. Она так и не увидела того, кто был за рулём, и не успела осознать свою смерть. Он не видел её глаз в тот миг, но обвиняющий взгляд постоянно терзал его память – он не смог уберечь свою женщину. И все эти годы Креспин пытался не думать, как «дворники» перевёрнутой машины размазывают кровь по лобовому стеклу, точно уборщик, выгребая тепло её тела из этого мира...

– Убери руки, пока я не выцарапала тебе глаза! – процедила незнакомка.

Он стиснул зубы и молча зашагал рядом с ней. После смерти Анхар все летело к чертям...

Креспин хмуро огляделся по сторонам – практически антиутопия. Покрытая мелкими трещинами половина пыльного зеркала в деревянной раме. Обои клочьями. Полное отсутствие хоть какой-то мебели, кроме колченогого стола. Сиротливая лампочка в изгаженном мухами треснувшем колпаке, тускло освещающая разводы плесени на стенах и круг посреди изодранного линолеума. Он кинул взгляд за окно в переулок. Дождь стих. Вид снаружи ничем не отличался от обстановки внутри – такие же обшарпанные стены и выбитые через одно стекла. То, что покосившаяся двухэтажная постройка напротив давно отжила свой срок, было заметно и в темноте. Однако, здание, через порог которого он переступил так и не вытянув рук из карманов, ещё пыталось сопротивляться. Но не требовалось быть экспертом, чтобы предсказать его скорый конец. Он щелчком смахнул с подоконника ленивого, упитанного таракана и неприятно бросил через плечо:

– Выбрала же место, черти тебя дери. Кондиционера нет, воняет какой-то мерзостью...

Он замолчал, почувствовав сзади резкое движение. Эта эффектная красotka, которая вначале разыгрывала из себя проститутку и прилагала все усилия, чтобы склеить его в баре, и которая затем два раза за десять минут произнесла пароль, кардинально изменилась. Теперь она держала в руке пистолет с глушителем, направив ему в спину. Он видел в грязном стекле её отражение рядом со своим.

Три минуты назад оружия у неё не было. Шагнув внутрь чёрного проёма двери, он придержал её за плечо и замер, прислушиваясь к темноте лестницы и пытаясь хоть что-то разгля-

дочь. Куда там – фонарь у входа едва теплился. Тогда же он и проверил её с ног до головы, когда она, извиваясь под его руками и крепко сжимая колени, вставляла ключ в замочную скважину. Однако, в данный момент его беспокоило совершенно другое, нежели волнующие формы её тела.

– Не двигайся! Так и стой!

Он скривился в усмешке, сам не понимая, над чем, или над кем именно он пытается посмеяться. Может быть, над представшей перед ним мрачной действительностью за окном, куда его собираются окунуть с головой. А, может, над этой изящной куклой с мгновенно зачерствевшим лицом. Он медленно вынул вторую руку из кармана плаща и показал открытую ладонь.

– У меня нет желания получить пулю в печень. Главное, не нервничай. Я осторожно достану бумажник и брошу тебе. Там есть, чем подтвердить мою надёжность. Договорились?

– Не вздумай пошевелиться. Иначе сначала нашьпирую свинцом, а потом посмотрю, что там у тебя.

Недобро прищурившись, она заправила за ухо дужку беспроводной гарнитуры. Затем достала из кармана плаща мобильный телефон, положила его на стол и сделала шаг в сторону, благоразумно оставаясь на безопасном расстоянии.

– Он здесь. На громкой связи.

– Лучше бы вы ответили на её вопросы в баре.

Голос из динамика прозвучал искажённо, будто мужчина с той стороны линии быстро перекачивал во рту что-то горячее. Креспин по одной этой фразе определил, что тот едва сдерживается, чтобы не начать с угроз. Человек не использовал платок или рукав, не старался сделать голос неузнаваемым. Этот тембр был настоящим, и ему не приходилось слышать его раньше. Незнакомый голос, какой-то покровительственный и даже немного сочувствующий его положению. Креспин промолчал, и неизвестный продолжил:

– Ещё пять минут назад все можно было бы изменить. От вас хотели получить всего лишь некоторую информацию. А сейчас... сами понимаете...

Он устало прикрыл глаза – его в который раз собираются спустить в унитаз.

– Не понимаю.

– Это плохо, но отвечать на вопросы вам все равно придётся.

– Откуда такая уверенность, что я стану говорить? – спросил он, чуть повернув голову.

– Несомненно, будете, – в телефоне хрюкнуло смешком. – Ведь пока говоришь, то сохраняешь шанс на жизнь. Я прав?

После этих слов Креспин непроизвольно кивнул. Строки инструкции: «Самое главное в подобной ситуации – вовлечь в разговор» – были первыми, что вбивали ему в голову по время подготовки. Но эту беседу не стоит затягивать – все нужно закончить быстро и эффективно.

– Ещё как будет, – уверенно произнесла «проститутка».

Не глядя, она выдвинула ящик стола. Рядом с телефоном появились наручники и блистер с полным шприцем. Затем её губы сложились в извиняющуюся гримасу:

– Некоторые уходят на небеса быстро и безболезненно, а некоторые добиваются туда долго и мучительно. В любом случае – дорога одна.

«А кто она на самом деле? – в первый раз за вечер ему стало интересно, кем же она была в обычной жизни. – Ей очень реалистично удалось изобразить скучающую и дорогую шлюху. Хорошая актриса». Он тщательно рассмотрел отражение её рук в стекле. Отметил, что она абсолютно спокойна, и оружие держать ей не привыкать – пальцы с красно-белым маникюром не дрожали.

– Итак...

Голос из динамика стал деловым, но от этого не менее шепелявым.

– Мы прекрасно понимаем, что играем против человека, подготовленного ничуть не хуже нас.

– Спасибо.

Креспин хмыкнул и склонил подбородок, но его шутовской поклон оставили без внимания.

– Существует ещё один человек, найти и устранить которого нам никак не удаётся. Никто не знает, где он сейчас, а те, кто что-то слышал, уже мертвы и не смогут ничего рассказать. Есть только прозвище – «Хромой».

– Он инвалид?

– Не ёрничай! – прошипела женщина.

– Я бы закурил, – он повернулся к ней лицом.

– После первого ответа, – тут же согласился мужчина.

Креспин пожал плечами.

– Имя? – спросила она.

– Вам оно ничего не скажет. Допустим – мистер Смит.

– Статус?

– Это второй вопрос.

В динамике странно фыркнуло – то ли смешок удовлетворения, то ли недовольства.

– Следи внимательно, Аста. Пусть курит и говорит.

«Аста! – Креспин внутренне весь подобрался. – Сангушек называл это имя. Нет, не он... Кайра! Вскользь упомянула в разговоре о ком-то другом, что когда-то давно познакомилась с девушкой с этим именем в лагере боевиков в Сирии. И подготовка у неё серьёзная: великолепно стреляет из любого положения, быстро бегает, вынослива, как мул... И ещё... Вроде бы она сейчас ищет Латифа и не скрывает своей ненависти к нему. Суровая девка перед ним – сразу видно, что теперь не играет, а выполняет привычную работу».

– Кури, – согласилась она. – Только без фокусов. Сигарета и зажигалка. Рот и дым.

Аста стояла посреди этой разрухи героиней из дешёвого криминального сериала, отвернув на одну сторону полу плаща. Для интерьера убогого помещения выглядела она одновременно и нелепо, и сногшибательно. Брюки туго облегали выставленное вперёд колено. Пальцы свободной руки выстукивали по бедру траурные марши. Тонкий шарфик мерно вздымался вместе с грудью – она была спокойна и уверена в себе. Только два сузившихся зрачка в тени за ресницами неотрывно следили за ним. Два сверху и ещё один ниже – чёрный провал в торце рябого от частого применения глушителя, в котором для него сейчас уместился весь мир.

Креспин медленно достал сигареты, вытянул одну и чиркнул колёсиком по кремню зажигалки, сжав её в кулаке.

– Рад, что в вашей своре никто не знает моего настоящего имени, – сказал он женщине. – Но мне интересно, под какой кличкой я прохожу в этой операции?

– По нашим сведениям, сейчас ты живёшь по поддельному паспорту. За последний месяц сменил несколько подставных имён. Могу перечислить их все.

– Достаточно одного. Последнее мне нравится больше всего.

– Действительно, – процедила она. – Слово «последнее» прозвучало очень правдоподобно.

– Давайте-ка я озвучу цель нашего совместного пребывания в этом доме, – вмешался голос в динамике.

– Не надо, – усмехнулся Креспин. – Это могу сделать и я. Как по учебнику.

Он затаился и протянул руку к столу.

– Неужели? – в голосе женщины появилось озлобленное удивление.

– Тараканы, – пояснил он. – Они вызывают отвращение, а их здесь полно. И пока для них ещё есть какая-то пища, то жилье не кажется мне окончательно забытым и покинутым. В вашем деле так быть не должно.

– И почему это? – она приподняла бровь.

Креспин промолчал, слегка надавил правой ступней на прогнутые доски пола. Аста сжала губы в одну линию, и её палец нетерпеливо задрожал на спусковом крючке. В динамике телефона щёлкнуло и прозвучал напряжённый голос.

– Повторю вопрос – почему?

– Потому что некоторые подобные вещи такие же обыденные, как секс и еда. Здесь умирали не один раз. Слишком настырный следователь может и не поверить в очередное совпадение, – ответил он, незаметно перенося вес тела на левую ногу.

– Вы на что-то надеетесь?

– Знаете, все настолько серьёзно, что я даже сомневаюсь в том, что Аста покинет это место. По крайней мере, целой и невредимой. Вы ведь понимаете, что я с ней здесь далеко не на равных.

– Ну-ну...

Ни единым словом, кроме последней скрытой угрозы, голос в динамике не выдал своего превосходства, которое, безусловно, существовало.

– Верить или не верить – ваше дело.

– Ерунда, – в динамике послышался смехок. – Она подбирает каждый раз новое место. Никто в этом городе и не подумает озаботится давно заброшенным строением. И всем наплевать, как умрёт какой-то бродяга – от сыворотки правды, или от пули.

– Бродяга?

– Вас оденут подобающим образом. Не переживайте. Мы учли все. Поверьте, в старых домах часто случаются пожары. И статистика это подтверждает. Если следствие и начнётся, то оно превратится в пустую формальность.

– Смотря с какой стороны уцепиться за эту статистику...

Веко Креспина дёрнулось, и он прижал его ладонью. Потом провёл рукой от стены до стены

– В принципе – все мы ждём этого. Правда, это наводит на мысль не просто о явной утечке информации. Ну да бог с ней...

Аста проследила взглядом за кончиком сигареты. Впервые за последние минуты ствол оружия отклонился от прямой линии, связывающей его с головой Креспина. Он напрягся и ударил ногой по расшатанной доске, навалившись на неё всем телом. Дерево противно хрустнуло. Доска под каблуком женщины вывернулась из пазов и подпрыгнула на несколько сантиметров, вынудив стрелка на мгновение потерять опору. Первый выстрел вынес часть грязного стекла в раме. Сверху на него посыпались осколки. Следующие пули кучно расковыряли стену на волосок от его головы. Во все стороны брызнула кирпичная крошка, остро жала в щеку и шею.

Аста хватала ртом воздух и чувствовала, как подгибаются колени, как выскальзывает оружие из немеющих пальцев, и все вокруг перед глазами становится таким же мутным, когда смотришь на него через целлофан. Зажигалка, чем-то кольнувшая под левым ухом, шлёпнулась на разорванный линолеум, а Креспин выпрямился, вытянул ногу из дыры в полу и шагнул вперёд. Одним коротким ударом в подбородок он свалил женщину на пол и взял телефон со стола.

Из динамика картаво орал перепуганный неизвестный:

– Аста?! Чтоб ты сдохла тысячу раз, тупая крашенная сука! Что там происходит?!

Креспин отключил громкую связь. Повертел мобильный в руках, определяя его конструкцию. Сдвинул крышку аккумуляторного отсека. Вытащил батарею, карту памяти и сим-

карту. Положил телефон на край стола дисплеем вниз, секунду подумал и переломил его надвое. Потом он осмотрелся, отыскал зажигалку, подобрал оружие и направился в другую комнатуюшку. Когда вернулся с обрывками электрического провода, Аста уже смогла преодолеть ползком полметра до двери на лестницу. Он схватил её за щиколотку над ремнями обуви и протянул волоком обратно. Каблук на второй ноге, попавший в трещину в полу, переломился. Отшвырнув обломок в сторону, Креспин пошарил взглядом по стенам. Удовлетворённо кивнув самому себе, он проверил пульс женщины и занялся приготовлениями к разговору, который пройдёт по его сценарию. Без суфлёра...

Аста пришла в себя достаточно быстро и сразу все осознала. Лёжа на полу многое не сделаешь – особенно, если не получается пошевелить даже кончиком языка и с трудом можешь дышать. Двери открыты, на окне нет решёток, этаж второй, а покинуть это здание невозможно. И дело не в том, что в трёх шагах вооружённый её же пистолетом профессионал, который за долю секунды одним неуловимым движением размазал о заплёванный линолеум всю её хваленую подготовку. Голова была ясной, мозг функционировал как всегда чётко, а тело не желало отзываться на его приказы. Она понимала, что ей впрыснули какой-то странный яд и его обездвиживающее действие не будет длиться вечно. Он или прикончит её через некоторое время, или позволит пожить ещё достаточно. А там, как повезёт.

Вновь пошёл дождь. Сначала забарабанил по карнизу редкими каплями, а потом заскрёбся в стекло и слился в сплошной шум. В пробитую пулей дыру ворвался поток холодного и сырого воздуха. Креспин вдохнул полной грудью и скривился – вместо свежести в помещение хлынул запах помойки.

Он смотрел на отражение лежащей женщины, перечёркнутое острыми гранями трещин в стекле. Она смотрела в спину человека, который уже несколько минут задумчиво вглядывался в темноту сквозь мокрое стекло, засунув руки глубоко в карманы плаща и склонив голову набок. Тогда она непроизвольно моргнула в ответ этому отражению, но хоть и сохранила остатки самообладания, тут же побледнела. Больше всего ей сейчас хотелось оказаться за несколько кварталов от этой спины и никогда в жизни не видеть, как струйки воды жутко искажают десяток отражений мрачного лица. Глаза наполнились слезами отчаяния, и она отвела взгляд, рассматривая полоску тусклого света из-под приоткрытой двери.

– У тебя противоядия нет?

Мужчина у окна не обернулся, но в его вопросе прозвучал неподдельный интерес. Он подождал несколько секунд и добавил:

– Да – глаза закрыты. Нет – наоборот. Все понятно?

Она медленно прикрыла и подняла веки. Ярости в её зрачках хватило бы обратить в пепел троих таких, как он, на месте.

– Вот и договорились.

Креспин подошёл ближе, просунул носок ботинка ей подмышку. Затем одним толчком ноги перевернул неподвижное тело на другой бок.

– Выбор у тебя, конечно, не столь велик, – резко сказал он, – но он есть.

Она увидела грязный пластиковый мешок, канистру с бензином и кусок провода, который тянулся куда-то над головой. А он поднёс к её лицу мобильный телефон и постучал по дисплею пальцем.

– Мне нужен пароль от карты памяти и имя человека, который говорил со мной. Ещё я хочу знать, каким образом вышли на меня? Кто открыл рот и почему? Я буду показывать, а ты закрывать глаза, когда буква будет верной. Договорились?

Веки дрогнули, но не опустились. Креспин с силой дунул ей в нос – ресницы испуганно сомкнулись.

– Значит, все-таки не договорились, – он протяжно вздохнул. – Думаю, ты отлично подготовлена встретиться со сканерами и детекторами лжи. Но уверен, что тебе хорошо известно и другое – любая зашифрованная штука хранит данные крепче, чем язык владельца.

Он повертел у неё перед глазами картой памяти из телефона.

– Человек – существо уязвимое. И сейчас ты убедишься в этом сама. Убедишься, что получить сведения от тебя гораздо легче, чем из куска этого пластика на кремниевой основе. Мне многое довелось повидать. Так что в этих делах я кое-что понимаю.

Глаза Асты по-прежнему оставались открытыми. Он ясно различал в них и животный страх, и бесконечное одиночество попавшего в капкан зверя. Но было в зрачках этой миниатюрной женщины – конечно, миниатюрной в сравнении с ним, – и ещё что-то. Настолько непоколебимое и полное непримиримого упорства, что они казались вовсе не зрачками, а двумя ожившими сгустками ненависти, дрожащими от желания добраться до него.

– Представляешь, можно успеть с тобой и пару сигарет неторопливо выкурить, но времени на это у меня нет. Очень уж мало его. Цейтнот, – он виновато развёл руками. – С мужчиной мне было бы проще. Может, избавишь меня от всего этого?

Креспин опустился рядом на корточки, подтолкнул ей к лицу оголённые концы проводов и стукнул костяшками пальцев по горловине канистры. Аста скосила на него взгляд, а он неожиданно провёл пальцем по её носу вниз от бровей.

– Ты же умница, да? Понимаешь, что все твои тайны в двух метрах провода. И я их из тебя достану. Неважно, как долго ты сможешь выдержать обычные пытки – 220 вольт в розетке ещё никто не перетерпел, и в огне все сдавались сразу.

Одна из медных жил касалась щеки. Слеза, покотившаяся из уголка глаза, была единственной. Скользнула вдоль носа, пробежала по вспухшей от удара верхней губе, скользнула на другую сторону и сорвалась вниз. Ей показалось, что под ухом раздался оглушительный грохот этой капли солёной влаги, сотрясающей все тело и весь этот дом, готовый разделить с ней незавидную участь. И этот хмурый мужчина с твёрдым, как камень, взглядом, все понял по обездвиженным губам и затуманенным зрачкам, расширенным в ожидании предстоящих страданий так, что они, казалось, заполнили глазницы от края до края.

Он спокойно кивнул, будто прощаясь, положил руку на её лоб и сдвинул мокрую от пота прядь волос в сторону. Затем достал платок, плюнул на него и аккуратно оттер уголки её рта от запёкшейся крови.

– Мне жаль, – глухо сказал он, – Боль ты все равно не почувствуешь, а лицо я тебе прикрою. Поверь, на этот огонь ты не захочешь смотреть.

Ему и в самом деле было жаль эту женщину, но Креспин знал, что обязан поступить именно так, иначе Анхар никогда бы не смогла его понять. Впрочем, ей повезло ненамного больше.

Он тяжело вздохнул и подбросил на ладони карту памяти

– Противоядие я мог бы изготовить. Часа три у нас есть, пока изменения не стали необратимыми. У тебя удивительное тело и превосходный запах. Однако, я никак не могу решить – стоят ли они дороже этого куска кремния? И вот что ещё... когда-то я лишил одного мерзавца руки, а теперь у меня появилось дикое желание увидеть его труп. Ты бы хотела на него взглянуть?

Глаза перед ним открылись ещё шире, хотя казалось больше было некуда. Сквозь ненависть проступила неуверенность, потом робкая надежда, а затем изнутри хлынула, заплескалась через верх обезумевшая мольба. Он внимательно посмотрел на бледное и осунувшееся лицо. Слипшиеся от слез ресницы быстро сомкнулись дважды.

– С такой ношей будет тяжело, – пробурчал Креспин и окинул её тело быстрым взглядом. – Сколько ты вешишь, Аста? Если больше пятидесяти, то нам обоим конец.

11

Аста ненавидела и свой голос, и это лицо, склонившееся над ней. Ещё она ненавидела саму себя. И если жуткое сипение голосовых связок можно было как-то скрыть, просто молча и презрительно рассматривая давно небритый подбородок мужского лица, то тело – нет. Она только что видела его отражение, когда ей удалось со второй попытки повернуть голову к зеркалу: безвольное, распростёршееся на широком диване и полностью обнажённое.

Сейчас она ненавидела все – даже воздух. Он висел перед глазами душным маревом, которое с каждым вдохом вливалось в лёгкие, точно кисель – вязкий, горячий, плотный, сушащий губы и заставляющий все тело покрываться холодным противным потом.

Она не испытывала стыда за свою наготу: был только холод в конечностях, и было одно сплошное отвращение к самой себе за то, что этот мужчина заставил её жевать какую-то растительную дрянь, чтобы нейтрализовать действие яда, и от которой жутко першило в горле. И она не сомневалась, что и он полностью разделяет это чувство. Но она должна тянуть и тянуть время, безропотно принимая навязываемые правила, а там видно будет. Даже в таком состоянии игры в поддавки привораживали, и она была не просто помешана на них – она в них жила.

– Не смотри! – хрипло выкрикнула она и закрыла глаза.

– Угу, – буркнул он, наклонился и коснулся губами её подбородка. – Мать всегда так делала и говорила, что заживёт. Прошло?

Она с трудом подняла руку, притронулась к опухшей скуле и удивлённо протянула:

– Нет...

– Хреновый из меня лекарь, – он развёл руками. – Извини, не получилось.

Аста скосила на него взгляд. Она уже давно и незаметно прислушивалась к своему телу, проверяла, как скоро мозг восстановит связь с мышцами. И этот мужчина, которого она, ни задумавшись ни на мгновение, прикончила бы и сожгла и в том заброшенном здании, и здесь, действовал совершенно не логично. Во-первых, оставил ей жизнь. Во-вторых, он знает, что и как делает. В-третьих, в телефоне было достаточно информации, чтобы отбросить её, как использованный презерватив. Второе настораживало больше всего, так как, что делать ей самой в сложившейся ситуации не представляла. Поэтому охотно поддержала его мнимую заботу.

– Тогда ещё надо, – прошептала она. – Моя мама говорила, чтобы прошло три раза нужно.

– Ты хорошая актриса. Уверен, и лгуныя ещё та, – резко ответил он. – Но пришло время поговорить и о мужских приметах.

– Пришло, – покорно согласилась Аста.

Креспин приподнял её за плечи, подложил под голову круглый валик от дивана, чтобы она могла сидеть, и, наконец-то, прикрыл пледом. Она облегчённо выдохнула, а он притянул ногой стул и уселся рядом.

– Кто ты?

Она неторопливо откашлялась, чувствуя, что возвращается не только тепло, но и голос и силы. Подвигала под пледом бёдрами и вызывающе вскинула глаза.

– Уж не девочка на побегушках!

– Дело в том, что я тоже так думаю, – Креспин наморщил лоб. – Но ты, в силу своего статуса, не попадаешь в схему.

– Что такое статус? – тут же поинтересовалась она.

– Не важно... Конечно, в моем случае одним трупом больше, одним меньше... И тем не менее...

Он вытащил из одного кармана её пистолет с глушителем, а из второго коробку с патронами. Она смотрела на него до предела распахнув глаза, пока его пальцы неторопливо защёл-

кивали латунные цилиндры гильз в пазы рамы, и вздрогнула, когда магазин клацнул, заняв своё место в рукояти. Креспин повертел кистью, словно примеряясь к чужому оружию.

– Оглох?! – зло спросила она.

– Твой куратор это знал. А ты?

– Ничего мы не знали. И тот курьер в музее Кракова, а потом и врач, из которого выбили место встречи и пароль, сначала про статус спрашивали. Потом спохватились, но оказалось поздно. Сердце не выдержало... У обоих.... Да и фраза не той оказалась.

– Значит, Латиф, не из твоей игры?

– Нет. Это для Хромого.

Аста пожала плечами, а Креспин бросил на неё тяжёлый взгляд и показал карту памяти.

– Хижук. Игорь Витальевич. Где он?

– Быстро ты... – она отвела глаза.

– Быстро, – передразнил он. – Его звали Пено.

– Что?

– Курьер в Кракове. Его имя Пено.

– Я не знала.

– Как узнали об остальных? И что ты, девочка, сама делаешь в этой схеме?

– Господи... – она съёжилась под пледом, стараясь казаться жалкой и испуганной, – неужели не ясно...

– Тогда последний вопрос. КГБ?

Она не ответила, и Креспин напрягся. Пауза после последних слов ему абсолютно не понравилась. А у неё сложилось впечатление, что тот сейчас достанет из кармана мелок, нарисует на её лбу крест, поднимет ствол и выстрелит в пересечение линий. Но больше скрывать эту информацию она опасалась. Может быть, именно она и спасёт ей жизнь.

– Когда вас убивают, считая нелюдями, я искренне радуюсь тому факту, что вас стало меньше, – сказал он.

– А ты, значит, олицетворение добра и справедливости? – уголки её губ поползли вниз.

– Так... – он поднялся. – У каждого из нас только что были аргументы, которые делали нас полезными друг другу. Теперь же их среднее арифметическое...

– Равно нулю, – тихо закончила она.

Он прошёлся по комнате, задумчиво потёр лоб и повернулся, покачиваясь с пятки на носок. Затем поднял оружие, а она, как замороженная, следила за ним, пока линия прицела не миновала её голову. Креспин в это раз все-таки почесал глушителем бровь, и Аста, которая не дышала, пока ствол описывал плавную дугу, сглотнула, шумно переводя дыхание. И вдруг её осенило – чёртов блокнот Козлова... Она не смогла прочитать то, что находилось на самом виду...

– Ты – это он, – горько усмехнулась она. – Я чувствовала, что ничем хорошим это не кончится, когда врач особо не кочевряжился, выложив информацию про этот бар. «Статус не важен!», – вопил он. Важно, кто придёт. Я права, Хромой?

– Хромой? – переспросил он, словно пробуя слово на вкус. – Почему?

Он прищурился и помахал длинным стволом влево вправо. Аста обхватила себя за плечи – она не могла ошибиться, иначе игра бы сразу закончилась.

– Сейчас я могу доказать это кому угодно.

– А тут что, есть ещё кто-то?

Креспин демонстративно оглянулся по сторонам.

– Мне доказывать надо. Больше никому и ничего.

– Я снова ошиблась?

– Конечно, да.

– Нет!

– Мало знаешь – хорошо спишь. Но не в твоём случае. Так?

– Я же лгунья.

Аста потрогала вспухшую губу. Силы возвращались, отправлять её в утиль, похоже, не станут, так почему бы не продолжить заговаривать ему зубы и искать путь к спасению. А ещё она почему-то безумно желала, чтобы его губы вновь коснулись её лица. Уроды, которые пытались раздвинуть ей ноги, умирали сразу. Этому мужчине она бы помогла сама...

– Начинай, – тихо сказала она. – Но учти, я патриот, и завербовать меня будет сложно.

– Кому ты нужна, – он шагнул к ней. – Разве что...

– Тогда с этого и начни, – она облизнула верхнюю губу и медленно потянула с груди плед. – Клянусь, я не стану сопротивляться. Наоборот!

– Мне надоело заниматься твоим телом. Хотя, положив руку на сердце, могу подтвердить – оно великолепно. Однако, это твой единственный плюс. Прикройся и, давай-ка, поговорим о главном.

Гнев выплеснулся из неё, как прокисшее пиво из-под резко сорванной пробки.

– Мои плюсы ты перечислил. Теперь давай минусы, но будь уверен – твои окажутся не менее значимыми.

– Минус один – но он очень жирный, – спокойно ответил он. – Твой пистолет у меня.

– Когда-нибудь он будет у меня снова, – прошипела она, сверкнув глазами, – и сначала я нажму курок, а потом пофилософствую над твоим трупом. Или нет. Я уж постараюсь, чтобы ты подышал, как можно дольше, и...

– У тебя не язык, а помело. Теперь заткнись.

Аста согласилась молча. Она отодвинулась к стене, натянула плед до подбородка и настороженно ожидала продолжения. Сейчас она выглядела, как избитая собака, которая скорчилась перед очередным ударом, но уже приходит в себя и оскалила зубы. Но понять, насколько она к этому удару готова, было невозможно. Сам же Креспин чувствовал странное замешательство, которое исходило от неё, но не мог понять, чем оно вызвано – накотившимся страхом, или лихорадочным поиском выхода. Он растянул губы в скупой улыбке, достал из кармана шприц и покрутил его между пальцами.

– Интересная штуковина...

Она молчала. Подойдя ещё на шаг, он остановился едва ли не вплотную к ней. Пальцы левой руки ловко сдёргивали с иглы колпачок и одевали его обратно. Аста переводила взгляд с его лица на шприц, потом на пистолет и обратно, чувствуя, как вновь пересохло во рту и стал шершавым язык, после чего сделала попытку подняться, но ледяной взгляд пригвоздил её к месту.

– Ты хотела впрыснуть эту дрянь мне? – жёстко спросил он, бросив пистолет в кресло у окна.

Шприц летал в его руке туда-сюда, и на кончике иглы она отчётливо видела поблёскивающую крохотную каплю – предвестника инъекции, которая сначала развяжет ей язык, а затем оборвёт жизнь. Оборвёт с гарантией – она сама подбирала дозу. Укол прикончит и более крепкого мужчину, чем Хромой, не говоря уже о ней самой. И тогда, распрямившись пружиной, она выбросила вперёд руку с растопыренными пальцами, целясь ему в глаза – только лица в этом месте уже не было. Ногти проткнули воздух, а тяжёлый удар в живот швырнул её тело обратно. Дикая боль вспухла внутри крохотной точкой, рванулась в стороны и пронзила насквозь. Она скорчилась, прижав колени к груди, и заскребла диван, с хрипом втягивая в лёгкие вместо воздуха пустоту.

Креспин несколько секунд мрачно смотрел на вздрагивающее тело, затем уселся рядом. Он размахивал шприцом, как дирижёр палочкой.

– Ты понятия не имеешь, где находишься – раз. Ты не можешь просто так встать и уйти – два. И мы ещё не закончили разговор. Это три. Понятно?

– Вырву... мразь... сожру...

Аста выла, вцепившись зубами в кожу дивана. Креспин бросил пластиковую тубу на пол и раздавил хрупкий цилиндр каблуком.

– В очереди сначала постой, мазохистка чёртова.

– Когда я встречу эту курицу – твою девку! – то я проверну с ней тоже самое, прежде, чем прикончить, – стонала она. – Только листья я буду грести из грязной лужи граблями. А уж потом... ты пожалеешь, что ударил меня во второй раз... первый я могла бы забыть... хотела... но ты...

Креспин пошевелил обломки шприца носком ботинка.

– Ты жива только потому, что это выгодно мне, – сказал он.

– Козёл, – выдохнула она и добавила через секунду: – И воняет от тебя козлом. Я бы оторвала твой хрен, если бы ты только попробовал его достать. Я бы даже переступила через себя, чтобы добраться до него зубами...

– Ты повторяешься, – перебил он. – Утешать тебя я не хочу и не стану – сама через пять минут сможешь подняться. Теперь молчишь. Слушаешь. Запоминаешь. Повторять не буду. За твою доставку не заплачено ни цента. Так что тратить на тебя своё время мне совсем не хочется. Однако, существует в нашей с тобой общей реальности один занимательный человек... как говорится, жил да был один мальчик... и называли его мама с папой... Игорёк...

Аста скрипнула зубами и притихла. И когда, спустя пятнадцать минут, он закончил свой рассказ, то она так и продолжала лежать, повернув голову набок. Только один зрачок, уставившийся в стену и расширенный настолько, точно она смотрела в прицел, выдавал, что она слушала.

– Вот так-то, девочка.

Креспин поднялся и бросил ей под голову телефон. Следом упала карта памяти, сим-карта и несколько мелких купюр.

– Пледом прикроешься. И такси вызови. Оружие я тебе оставлю – мало ли какой маньяк в таксисты затесался.

– Где мы? – крепко сомкнутые губы раздвинулись.

– В прекрасных райских куцах, – хмыкнул он. – Только Адам почему-то одет, а Ева обнажена.

– Урод! – выплюнула она.

– Разве? – спросил он и, не дождавшись ответа, направился к выходу.

– Что такое статус, Хромой? – крикнула она ему в спину.

– Любопытство тебя погубит, – он рассмеялся и захлопнул дверь.

Аста сползла с дивана. Согнувшись и прижав ладонь под рёбрами, медленно, чтобы не расплескать боль, она прошлёпала через комнату. Подхватила пистолет, подозрительно повертела оружие в руках и, направив под ноги, нажала на спуск. Приглушенный хлопок выстрела заставил вздрогнуть и привёл в замешательство. Несколько долгих секунд она изумлённо рассматривала отверстие в полу рядом со ступней. Затем осторожно потрогала скулу с левой стороны и почувствовала, как участилось дыхание, свело низ живота и по щекам растекалась краска стыда. Она сжала бедра и закусил губу, сдерживая стон. Потом бросила дикий взгляд на дверь и с ненавистью процедила:

– Все равно... Ева... райские кущи... только один раз, Хромой... только один раз, а потом ты сохнешь...

Сангушек был на удивление весел и общителен. Высокий, худой, с крючковатым носом и пронзительными глазами, он уже в который раз доливал из запотевшего кувшина в стакан, и в который раз показывал его Креспину прежде, чем глотнуть. Защищённый канал спутнико-

вой связи сегодня работал так себе, но держался. И хотя изображение периодически перемещалось помехами и теряло цвет – звук оставался чётким.

– Аста... пардон... – Сангушек икнул, помахал перед ним указательным пальцем и изрёк: – КГБ не существует.

Креспин в отчаянии дёрнул себя за ухо. А собеседник закатил глаза к потолку и прищёлкнул языком.

– Она конфетка!

– Скажем так – она выделяется из толпы, – пробурчал Креспин.

– У неё есть чем! А ты и правда набил её листьями, будто какое-то чучело, а потом скакал вокруг её ммм... прелестной задницы, как тот безумный Ному с высушенной головой младенца на шее?

– Ты как всегда выдаёшь желаемое за действительное, но нам повезло оказаться рядом с ботаническим садом.

– Если ты скажешь, что в этот ответственный момент на тебе были штаны, то я отвечу – большего лжеца я не встречал.

– Увы, судьба не позволила мне родиться дикарём.

– Никогда бы не подумал, что ты поверил тогда бреду африканского колдуна.

– Как видишь, его рецепты оказались действенными. И в первом, и во втором случае.

И яд, и противоядие.

Сангушек выставил вперёд кулак, оттопырил два пальца, прицелился и сказал: «паф-ф-ф».

– Ты должен был сделать так. Эх... хотел бы я взглянуть на это представление своими глазами... Ну, пусть живёт!

Он поднял стакан, коснулся гранью дисплея с той стороны и повторил:

– Конфетка!

– Не чересчур ли для тебя? – Креспин нахмурился.

Тот сморщил нос и сделал солидный глоток.

– Это же местное пойло. Ты знаешь, сколько его надо в себя влить, чтобы опьянеть?

– Знаю. Поэтому и спрашиваю.

– Да ладно. Я тебе вот что скажу – перья! Ты о них и не вспомнил! Признайся.

– Заткнись.

– В следующий раз вставь в свой зад веер. Это будет весьма подходящий антураж. Если захочешь – павлиний хвост я тебе вышлю.

Губы на его загорелом лице дрожали от сдерживаемого смеха, а плечи тряслись так, что Креспин не понимал, как ему удаётся не выплеснуть содержимое стакана себе на колени.

– Жаль, что я не могу воткнуть тебе павлина целиком. Давай о деле!

– Я о нем уже полчаса тут распинаясь, а он мне про листья и пляски вуду.

Хмельные нотки в его голосе исчезли, будто по воле старого Ному, и Сангушек стал таким же, как и выглядел все двадцать четыре часа в сутки – сосредоточенным, если слушал, и резким, когда делился информацией.

– Чая здесь нет! – он швырнул стакан в стену. – Ни цейлонского, ни китайского. Образ конченного алкоголика, чтоб его. Скучающий плантатор в этой дыре и тому подобное. Ты даже не представляешь, сколько клиентов у этой проклятой фирмы по доставке кофе. Мне нашими делами заняться некогда. Надо было открывать металлургический завод или шахту. Этим и займусь. В следующей стране.

– Так что с Астой?

– Симка-карта у неё была спрятана в медальон. Ты прочувствовал, что не надо трогать телефон – в нем включилось какое-то устройство. Звук оно отсекло полностью. Но она ещё не набралась опыта, чтобы поменьше шевелить губами. Говорила на русском.

- Что она сказала?
- Ты будешь польщён. Ричард Львиное Сердце, Брюс Ли и разъярённый медведь в одном лице – тебя бы не удержала и сотня.
- Что меня должно заинтересовать в этой характеристике больше всего?
- То, что она знает, кто ты. И теперь точно представляет, кого ищет.
- За занавесом получили эту информацию?
- Твоя нимфа промолчала, но Кайра – кстати, они знакомы по каким-то прошлым делам, – утверждает, что её жест можно трактовать, как кукиш. С большой натяжкой для приличия, конечно, но можно.
- А звонок точно был туда?
- Точно. «Когда же ты ссучился, мальчик Игорёк?!». Так она орала. Заметь, ещё до звонка. Она твоя, Креспин. Она несомненно твоя и готова к этому. И все её потроха, наспигованные листьями, и все её чудесные формы жаждут этого. Но не доверяй ей ни на грош, и не вздумай закрыть глаза или повернуться спиной. Если бы ты слышал, что она обещала с тобой сделать, то сто раз бы пожалел, что не прикончил её сразу.
- И до этого тоже. Слышал, не глухой. Я видел, как торчали её соски от боли. Их можно было в стену гвоздями забивать. Она мазохистка.
- Она садистка! У Кайры степень психиатра и она едва не плюнула в монитор, когда читала по губам. Она садистка с большим опытом и неуёмным желанием применять его на практике, а ты хочешь поделиться с ней статусом.
- Ума лишился? И мысль не проскользнула.
- Он постучал костяшками пальцев сначала в дисплей, потом по столешнице.
- Слышал?
- Сангушек мотнул подбородком.
- Как Гальса? – спросил он.
- Неплохо.
- И все?
- Достаточно.
- Какие-то невнятные впечатления. Она достойно пережила «твою смерть»?
- Она надёжна.
- Насколько?
- Она может быть другом.
- Как я?
- И как женщина тоже.
- О... – Сангушек подмигнул. – Кайра тут как-то спрашивала. Ну её. Она странная в этом отношении. Помню...
- Креспин поднял ладонь, останавливая разбор нравственного облика Кайры.
- Доставка не состоялась.
- Да и черт с ней! Форс-мажор. Адресат погиб при пожаре.
- Нет. Доставку не отменить. Она изначально имеет другой адрес.
- Голос Сангушека превратился в звенящий шёпот:
- Какой у тебя статус?
- Анхар.
- Понятно.... Её ведь любили, – он отвёл взгляд и сказал куда-то в сторону: – Ты любил...
- У Креспина задёргалось веко, затем щека, и он прижал её пальцами.
- Ты видел сообщение Гальсы?
- Сангушек потянулся к кувшину.
- Все видели. Ждут. Знаешь, я всегда верил, что она чистая. Таких, как эта девчонка, мало. Такой, как ты – один. Отложи доставку.

– Не темни.

– Марк попал в беду.

Креспин сузил глаза.

– Что с ним?

– У нас серьёзные проблемы. Очень серьёзные. Без вас с Гальсой не справиться. Я не собираюсь указывать, что тебе делать, но ты и сам уже давно знаешь, что это не Латиф и не Бубен – все гораздо хуже. И ещё эта сука Аста, как привет из преисподней. Зря ты её не прикончил.

– Сейчас поздно об этом жалеть. Закрывай не закрывай глаза, а она не исчезнет.

– А должна бы.

– Зато мы узнали, куда делся Пено и остальные. Так что с Гензером?

Креспин растёр лоб. О предательстве Марка он больше не думал с той секунды, как смотрел вслед красным огням машины, увозившей Гальсу под дождём. Стыд: жаркий и липкий, будто ладони стукача – вот, что он чувствовал от одной мысли об этом. Гензер не заблокировал систему безопасности, а это первое, что он должен был сделать, сдав его Латифу и КГБ. И ещё... Однорукого сирийца среди наёмников в офисе не было, а вот труп его двоюродного брата Раджима был!

– Кайра только что умчалась в аэропорт, – выдохнул Сангушек, приложившись к кувшину. – Завтра все прояснится.

– Ясно. Надеюсь, он не станет сильно переживать из-за своего стола.

Тот едва не поперхнулся очередным глотком и округлил глаза.

– Он не выдержал взрыв?

– Он бы выдержал и больше, но, думаю, пожар его доконал.

– Жаль, хотя он мне всегда не нравился.

– А кому может понравиться двухметровый фаллос с корнями? – удивился Креспин.

– Какой-нибудь экзотической дамочке.

Сангушек неожиданно отправил полупустой кувшин следом за стаканом в стену и заорал:

– Отложи доставку!

– Нет! Это один клубок. И один кончик в Дамаске, а второй за занавесом. Если мы не оборвём нить с той стороны, следом за проблемами наступит конец. Выхода все равно нет.

– Надеюсь, ты не ошибаешься, – проворчал Сангушек. – Когда начнёшь?

– Вчера.

– Мне придётся напрячь все силы.

– Кто переправит груз?

– Туристический?

– Полный комплект. Нам с Гальсой пригодится все.

– Ты и в самом деле сунешься через занавес с ней?

– А ты, как считаешь?

– Я свяжусь с рыжим Хаубе. У него похоронное бюро и сейчас сезон отпусков, а у меня всего лишь кофейная плантация в Тешоаре. Прослежу, если ты об этом?

– Об этом.

Креспин выразительно щёлкнул пальцами по горлу и протянул ладонь к дисплею. Сангушек согласно кивнул:

– Не в первый раз. Считаю, что завязал. С этой минуты.

– До встречи.

– Видео посмотри! – завопил собеседник, вытягивая шею вбок. – Не пожалеешь!

– Я видел больше.

Креспин смахнул с дисплея окошко связи.

– А придётся увидеть ещё больше.

В общем канале висело одинокое сообщение от Гальсы. Он задумался на долгих десять секунд. Представил её глаза, переполненные безысходностью, закушенную до крови губу и побелевший от ярости палец на спусковом крючке «Глока». Вспомнил, как она жалобным голосом проклинала из ванной и его и свой пистолет. А затем вспомнил и каждую из шестнадцати пуль, что она выпустила сквозь ревущее пламя, прикрывая его «труп» – для себя она не оставляла ничего! Потом он вздохнул и приложил большой палец к красной точке сканера.

Текст исчез. Мигнула надпись: «Доставлено адресату».

Теперь за её спиной встанет он.

12

Креспин щёлкнул замком и толкнул дверь. Бросил сумку с одеждой в угол комнаты под зеркало и посмотрел на Асту – она последовала его совету. Набросила плед, собиралась вызвать такси и находилась у выхода – в одной руке мобильник, во второй пистолет. Ещё она сделала то, на что он и рассчитывал. Она не бросилась опростетью наружу, а основательно глотнула спиртного, чтобы таксист хорошенько запомнил тело полуголой, надравшейся в хлам девицы, а не лицо.

После вечернего взрывного хаоса, который они устроили с Гальсой в самом центре города, взбудораженные агенты по борьбе с терроризмом сейчас цепляются за самое пустяковое происшествие, за самый малозначимый факт, за каждый кадр с камер наблюдения. Суть в том, что через пять минут после задержания Аста уже не будет нужна никому. А что таксист им расскажет? Две ноги, две руки и голова. Ещё, может быть, два уха. «Какого цвета глаза?» – «Какие глаза?! Вы бы видели её тело!». Он даже узор на пледе не запомнит, не то, что лицо – есть вещи в зеркальце салона поинтереснее женской физиономии. А так как изобразить пьяного, от которого не несёт перегаром, ещё никому не удалось, то ей пришлось приложиться к бутылке. Конечно, был какой-то процент неудачи, если она в ярости вылетит через дверь, размахивая оружием. Однако, Аста строго следовала каждому пункту стандартной в этой ситуации инструкции, и он был рад, что подстраховался и добавил в каждую бутылку старика Рюге кое-что неожиданное и сильнодействующее.

– Дай пройти. Разлеглась на пороге.

Креспин перешагнул через лежащую женщину, присел и потряс её за плечо. Никакой реакции и алкоголем от неё несло так, словно она искупалась в нем. Он заглянул в приоткрытый рот, раздвинул зубы и вытянул сложенный вчетверо и вымоченный в коньяке платок. Потом определил место, откуда велась съёмка предыдущего сюжета. Нашёл и выключил камеру. Хватил этого балагана – какой бы дрянью не была Аста, но последующие записи теперь будут абсолютно лишними. Он поднял оружие с пола, усмехнулся и потащил женское тело в ванную.

Через пять минут она открыла глаза.

– Что... произошло?

– Напилась, как сапожник.

Ему пришлось в очередной раз отдать должное её способности мгновенно оценивать ситуацию. Один короткий взгляд – телефон, пистолет, все тот же мужчина – и она все поняла.

– Опять ты...

Аста обхватила его голову ладонями и притянула к себе. Когда её ресницы сомкнулись, а до мягких губ, трепетно раскрывающихся навстречу, словно створки раковины, осталось несколько сантиметров, он отвернулся. Она ткнулась губами ему в щеку.

– Даже не пытайся. Со мной такие фокусы давно не проходят.

– Смешно, – она сморщила нос.

Он достал сигареты и вопросительно посмотрел на неё. Аста хмуро кивнула. Он щёлкнул зажигалкой, прикурил и сунул сигарету ей в рот.

– Презираю пьяных.

– Я могу дышать в сторону.

– Теперь смешно стало мне.

Она распахнула глаза.

– На мне был плед. Можно оторвать кусок ткани и сделать кляп.

– У меня есть идея получше, – Креспин мягко провёл пальцем по её носу.

– Какая? – она выдохнула дым ему в лицо. – Правда, не пахнет?

Он демонстративно помахал перед носом рукой.

– Обещала же в сторону. Почему бы тебе не забыть, как дышать и спокойно не захлебнуться?

– Русалки не тонут, – наставительно сказала она. – И вообще, тебе в этом не будет никакого резона. Я много знаю, и при определённых условиях готова с тобой обменяться информацией.

– Думаю, ты сама хочешь со мной поделиться. И тебя прямо-таки распирает это чувство. Представляешь, я согласен слушать. Я даже постараюсь выполнить эти условия.

Кто его просчитал, Креспин не знал и по сию минуту, но отлично понимал, что в спецслужбах любой страны полно людей, которые ничуть не глупее его. Кто-то же сумел отследить, понять, предугадать, вычислить... Неужели сама эта красotka? Тогда он сможет одним махом закончить уйму дел.

Он выдернул из её губ сигарету, бросил на пол и раздавил.

– Говори.

– Коньяк был с сюрпризом. Так что можешь подтереться своими обвинениями.

– Допустим.

– Я не пьяна, а одурманена какой-то дрянью.

– Возможно.

– Мне страшно посмотреть ниже груди. Листьев нет?

– Нет.

– И никогда не будет! Никогда!

– Никогда.

Она отвела взгляд, набрала в горсть воды, хлопнула на кафель и принялась возить ладонью по мокрой стене.

– Я безумно хочу заняться с тобой любовью. У меня так давно не было мужчины, что мне кажется, что его в моей жизни не было никогда, а секс – это некий сон из сказки. Только учти – я консервативна в этом отношении.

– Это должно меня взволновать?

– Это условие.

– Условие? – он усмехнулся. – Мне достаточно намотать твои волосы на кулак, поддержать эту очаровательную головку минуту под водой, и насладиться пузырями и конвульсиями. И все. Разговор не состоится? И не надо. Жаль, зальём все вокруг водой, но старик Рюге как-нибудь переживёт. Что скажешь?

Она подняла взгляд.

– Разговор потом. Клянусь, – твёрдым голосом произнесла она. – Твой ход, Хромой.

Он пристально посмотрел ей в глаза, словно пытаясь там что-то прочесть, но кроме разгорающегося желания в них ничего не было. Аста перебросила ноги через край ванны и протянула к нему руки. Креспин почесал бровь.

– Гадкая привычка, – буркнула она, – в глаза бросается.

Он наклонился, позволяя обнять себя за шею, подхватил её под колени, делая вид, что не заметил, как рука подцепила пистолет у него из кармана:

– За каким чёртом мне это надо? – проворчал он.

Она часто задышала ему в ухо.

– Я всегда... – хриплый шёпот вибрировал и прерывался, – выполняю... обещания...

Аста устала стонать, коснулась губами его шеи и замерла. Он почувствовал, как загрохотало её сердце, как перестала двигаться по рёбрам твёрдая бусинка соска, а потом холодный глушитель нашёл его висок.

– Прощай... – прошептала она и нажала курок.

Креспин согнул колени и резким толчком отбросил её на пол. Аста медленно поднималась с искажённым от ярости лицом, дёргала затвор, а палец давил и давил на курок. Затем она перехватила оружие за длинный ствол и метнула пистолет ему в голову. Он едва уклонился и насмешливо встретил бешеный взгляд.

– Я все думал, услышу эту банальную фразу, или нет? Ты ещё должна была добавить в конец что-то типа: «Любовь моя».

Она грязно выругалась. Безадресно, но уж очень отвратительно.

– Легче? – спросил он.

– Ублюдок, – она закусил губу.

– Только один патрон был настоящим. Тот, который ты использовала раньше.

– По правде говоря, я ожидала другого. Ты на моих глазах набил обойму. Я чуть не отстрелила себе пальцы на ноге, когда решила проверить. Сволочь!

– Можно было подменить их и чуть позднее, когда ты пьяная валялась на полу.

– Ты...

– Не пытайся меня напугать своими бешеными зрачками.

Она добавила к короткому местоимению вереницу таких мерзких слов, что ему пришлось удивиться по-настоящему.

– Я чувствую себя не лучшим образом от подобных оскорблений. Могу отработать на тебе парочку ударов, но уже сдерживаться не стану. Ясно?

Аста бросила на него взгляд исподлобья, открыла было рот, но обречённо махнула рукой и промолчала. Потом сделала шаг ближе и осторожно присела на краешек дивана. Коснулась пальцем подбородка. Затем пошевелила челюсть туда-сюда. Злобно посмотрела на него ещё раз и скривилась.

– Хватит делать вид, что тебе больно, – рявкнул он.

– Я женщина, мразь ты такая! – завопила она.

– Это называется женским методом КГБ? – он показал глазами на пистолет у стены.

Аста вновь прикоснулась к скуле, потом ощупала подбородок.

– Какая разница, как это называется! – прошипела она. – Ничего личного. Работа такая.

– Ладно, с этим я могу смириться, – он махнул рукой. – И что дальше в твоём сценарии?

– Дальше – больше... В смысле хуже... Найди кусок льда.

Он встал и отошёл к окну.

– Привыкла на курок жать, – сказал он и подкрутил жалюзи. – Спецслужба, черти тебя дери. А потом: «Объект категорически не выказывал желания к сотрудничеству. Ликвидация была необходима в интересах национальной безопасности». Так бы ты написала в своём рапорте?

Он резко обернулся. Аста сидела и бесстрастно смотрела на него. Потом она забросила ноги на диван и откинулась на спину. Затем она уставилась в потолок и сморщила нос. Он уже заметил, что следом за этой мимикой она обязательно улыбается.

– Нет, но похоже, – уголки её губ тронула улыбка. – Чуть-чуть.

Креспин швырнул в неё пачку салфеток. Она подняла руку и, не глядя, поймала пакет.

– Хромой... – тихо позвала она и спросила: – Снаряд в одну воронку падает?

Её голос был каким-то отстранённым, а он никак не мог решить, что с ней теперь делать. Подумал несколько секунд и кивнул, соглашаясь – хотя бы для поддержания видимости разговора.

– Бывает, – буркнул он.

Она повернула голову. Глаза, только что злые, холодные и неподвижные, стали зовущими и требовательными. Губы приоткрылись. Креспин отвёл взгляд и решил смотреть на её тело. Нельзя сказать, что ему стало легче, но так он мог хотя бы оставаться невозмутимым. «Кайра была не права, – подумал он, разглядывая её шею и плечи. – Эта девица не садистка – она

чудовище». Потом он перевёл взгляд на женскую грудь и вздохнул – выбор был сделан неправильно – но из двух зол...

– Думаю, что ты слышал, – сказала она и огладила ладонями бёдра, – как я поклялась прикончить тебя. Было одно условие для этого обещания. Ты его выполнил. Я своего добилась – ты своё не получил. Увы, не удалось... Ещё... Ещё один раз, и я начну говорить, как только смогу дышать снова.

– Иди ты...

Пальцы потёрли щеку, потянулись к брови. У Асты что-то заклокотало в горле.

– Не делай этого при мне!

Её ноздри задрожали и расширились. Он одним прыжком достиг дивана и подмял её под себя. Пальцы обхватили тонкую шею.

– Не так быстро, – прохрипела она. – Я думаю, что мы ещё пригодимся друг другу.

Креспин заколебался. Он явно ожидал очередного подвоха. Но все-таки желание побыстрее решить проблему с этой женщиной пересилило в нем недоверие. Он поднялся. Блокировал коленом удар ногой в пах. Потом со злостью рубанул ладонью воздух и прикинул, что господин Рюге, хозяин этого небольшого домика по соседству с ботаническим садом, ещё неделю будет греть кости где-то на Красном море. Оценил расстояние до своей прекрасной и жуткой собеседницы. Стоит ли оставить старику подарок в виде мёртвого тела очаровательной и обнажённой незнакомки, или увезти его и сжечь? Решил, что через семь дней в тёплом помещении Аста будет выглядеть не слишком презентабельно, чтобы впечатлить тихого и добропорядочного гражданина.

– Ты видел, как льют из пожарного шланга в собачью миску? – спросила она.

– Ты, о чём? – он покосился на неё.

Аста постучала себе по лбу.

– Чему ты удивляешься? Во мне столько секретной информации, что после того, как её обнаружат, им не останется даже пяти минут на сборы – возьмут всех и сразу!

– Откуда в тебе столько наивности в отношении меня? Решила довериться?

Содержание её ответа было чертовски простым.

– Нисколько. Моё дело – убивать. Их – делать так, чтобы я встретила жертву именно там и именно тогда, где и когда запланировано. Надоело!

– Тебе надоело убивать? Хочешь сама определять место встречи и действовать на расстоянии?

– Не в этом причина.

– В чём?

– Больше всего на свете я боюсь, что начну испытывать оргазм от убийства. Даже, когда будут убивать меня.

– Ты уже заранее списанный материал. Безвозвратная потеря. Ты знала, на что идёшь?

– Конечно. Я одна из тех, кто работает из идейных побуждений.

– И почему же?

– Ты не поймёшь.

– Неужели со мной все так плохо?

Он усмехнулся, а она пожала плечами и спросила:

– А твоя цель? В чём она? Ты уверен, что достигнешь её?

– Глупый вопрос. Я не зарабатываю подобным на жизнь.

– И все-таки?

– Месть.

– Месть – не цель. Но пусть будет в этом. Сможешь?

– Она должна быть выполнена. В отличие от вас, я должен получить ответ всего лишь на один вопрос. И, поверь, я его получу – чего бы мне это не стоило.

– И что потом?

– Потом я воспользуюсь всеми доступными мне средствами. Противозаконными и бесчеловечными.

– Ты террорист?

– Я ненавижу террористов с тех самых пор, как понял, что мир перевернулся одиннадцатого сентября.

– Думаешь, умнее всех?

– Вы не сможете мне помешать – вы просто не знаете, как это сделать.

Она потянулась к нему.

– Приготовь посудину побольше, Хромой. Клянусь, я заговорю, когда ты закончишь меня ласкать.

– Меня зовут Креспин, девочка.

– Креспин... – она покатила слово на языке. – Если это и в самом деле твоё имя, то мне оно нравится. Аста и Креспин. Ева и Креспин. Адам и Ева... Иди ко мне...

– Заткнись!

В комнате старого Рюге стало тихо. Сейчас она напоминала невидимый ринг. По разные углы стояли два человека, которые очень хотели бы откровенно поговорить друг с другом, но одному не позволяли таймер в голове, упрямство и обида, а второму – острая грусть от этой обиды. Но было в них и общее – скрытая цель.

Тишина давила. Периодически они исподлобья кидали друг на друга взгляды, но ни разу не встретились глазами, так что повод заговорить пока не возникал. Креспин оделся, откинулся на спинку стула, прикрыл глаза и следил за Астой сквозь ресницы. А та не находила себе места. Садилась, вставала, садилась вновь. Потом, словно осознала, что мечется обнажённой, бросила на него один жалобный взгляд. Потом второй. Не выдержала.

– Креспин... – позвала она.

Он открыл глаза, посмотрел куда-то прямо перед собой и спросил, словно выдавливая из себя каждую произнесённую букву:

– Чего тебе?

– Пожалуйста, – попросила она. – Просто сядь рядом. Обними меня. Плед где-то затерялся...

– Здесь не холодно, – буркнул он, но поднялся и нашёл плед.

– Для меня сейчас многое имеет значение, – она покорно ждала, пока он завернул её верблюжьей шерстью, как в кокон, – а у твоего поступка нет цены. Почему ты все это делаешь?

Креспин уложил её, лёг рядом и погладил волосы. От его решимости обменяться информацией не осталось и следа. «Пусть её, – подумал он. – Сама же говорила, что не девочка на побегушках».

– По идеологическим соображениям, – сказал он.

Она тоскливо смотрела перед собой.

– Зачем ты так? Хочешь сказать, что я самая последняя сволочь в этой жизни? Так и говори, мать твою... Хотя... Что ты можешь знать о моей жизни до тебя... Начинай смеяться...

– Обхохочешься, какая ты остроумная.

Лицо Асты исказилось в какой-то жуткой гримасе боли и злости, и её словно прорвало.

– Ты поверил, что я добровольно отправилась к ним работать?! Ты смог себе такое представить? Да мне бы это и в страшном сне не приснилось! Мразь... Так вы, наверное, все думаете? Да, ну скажи, все... Все! А когда ты не такая, как остальные, а тебя в психушке пичкают таблетками и колют, колют, колют... И одна дрянь в этих шприцах хуже другой!

– Успокойся, девочка, – он коснулся губами её макушки.

Креспин опешил от этого признания, а она расслаблено лежала в кольце его рук, ощущая бесконечную пустоту внутри. Потом выдохнула его имя.

– Креспин... после твоей смерти я уничтожу всех, кто причастен к приказу на ликвидации.

– Могу задушить тебя прямо сейчас, – проворчал он себе под нос. – Я сильнее.

– Ты ещё ничего от меня не услышал, – шептала она. – Ничего не спросил. Я и в самом деле тупая крашенная сука, потому что теперь знаю – тебе это не нужно. Ничего не нужно. Ни от меня, ни от кого бы то ни было. Вся эта мышиная возня вокруг курьеров... Вокруг тебя... Ты все равно сделаешь, что задумал... И ты... Ты назвал меня другим именем... Я дура – я такой же курьер, как и ты, доставляющий смерть адресату... Теперь я понимаю, что такое статус... Мсть... Анхар...

– Я давно не слышал этого имени от чужих.

– Какая она была?

– Была?

– Я знаю, что она умерла.

– Ей нравилось смотреть, как девочки играют в куклы.

– И все?

Он зажмурился, чтобы в памяти вновь не всплыло изувеченное тело и две мокрых полосы от колёс расстрелянного фургона, уходящие куда-то в темноту переулка. Она могла бы стать его женой. Он узнавал её по прикосновению, по запаху, по дыханию. Свою женщину ни с кем нельзя спутать, если ты её любишь... Креспин, наверное, любил...

– Достаточно, – процедил он.

– Я не такая, – едва слышно сказала она. – Пришлось вырасти в одном дворе с мальчишками—одногодками – мне было не до кукол. Я стреляла из рогатки, забиралась на крыши, хулиганила, как настоящий парень. И никто не мог ничего изменить. Меня ругали, пытались воздействовать и кнутом, и пряником – бесполезно. Так что я крепкая... как мужчина... я...

Тихий голос Асты прервался. Она уснула. Спала, прижавшись спиной к своей цели, и его рука лежала на её груди. И Креспин подумал о тех, кто не давали ему покоя все эти долгих три года. О тех, кто сделал из этой женщины монстра. Она, видите ли, не хотела играть в куклы! В куклы, которые мама так и не смогла подарить подрастающей Анхар! В куклы, которые лежали в кирпичной пыли от разбомблённых домов рядом с их мёртвыми маленькими владельцами!

Рука под шеей Асты затекла, но он не хотел даже пошевелиться. Странно, но он вновь почувствовал, что принял этого беспомощного сейчас монстра под свою защиту. Принял ещё тогда, когда тащил обездвиженное тело мимо заброшенных домов и рыскал глазами в поисках припаркованного автомобиля. Затем он медленно покрутил головой, разминая окаменевшие мышцы шеи.

– И что же с тобой делать? – прошептал он.

Больше в её службе его ничего не интересовало, кроме, пожалуй, самого главного вопроса. Потому что она бы не соврала. Но она не знает. Не знает ответа на единственный вопрос. Но ответа на него пока нет и у него. И причиной всему – полное отсутствие упоминания об этом в их архивах. Подчистили или изъяли ещё тогда. Затем он подумал, что ночь уже прошла и поднялся.

Аста открыла глаза одновременно с хлопком двери о косяк. Услышала, как скрежетнул в замке ключ, выпуталась из пледа и протянула руку за спину. Знала, что Креспина там уже нет, но все равно провела ладонью туда-сюда. Пальцы ощутили уходящее тепло от его тела, а взгляд... Это с его стороны было мерзким...

Она стиснула зубы. Отбросила в сторону телефон, деньги и взяла пистолет и обойму. Выщелкнула все до одного патроны на пол. Подцепила ногтями из открытой коробки ободок

первой попавшейся латунной гильзы. Передёрнула затвор и ткнула глушителем в висок. Палец на курке напрягся. Через секунду она усмехнулась, направила ствол вверх и нажала спуск... Сверху посыпались куски штукатурки...

Очередной подарок Хромого... Креспина... Она с грустной улыбкой поправила себя. Это поступок находился так далеко за гранью логики, и настолько далеко от понимания, что она не стала и размышлять о нем. Неожиданно в мозгу всплыло воспоминание, как однажды сорвалась... Тогда ей вернули все, что было с собой. Часы, тонкую золотую цепочку, ключи от квартиры – больше ничего, кроме одежды на ней, и не было. Сложили все это в бумажный пакет и протянули сквозь маленькое окошко в зарешеченной двери. Тогда же её встретило яркое солнце и горячий асфальт, но никто не ждал у огромных железных ворот психиатрической больницы, как никто не пришёл на прошлый день рождения. Она прищурилась, привыкая к солнечному свету с полутьмы. Вдохнула с каким-то чувством потери – то, что было внутри, ей не вернули. И взять его было негде. А сейчас этот мужчина, что вывернул душу наизнанку, да так и бросил распахнутую настежь, предлагал больше, чем она смогла бы унести.

Она тряхнула головой, отгоняя невесёлые мысли. Неторопливо осмотрелась. Вскочила. Подбежала к объёмистому пакету у зеркала. Вытряхнула из него ворох одежды. Медленно, словно во сне, подняла пару расшитых бисером туфель... Представила, как Шрамов расправился с Латифом и его семьёй, как хрустел под его ботинком пластик... Ей нравилось смотреть, как девочки играют в куклы... Так он сказал об Анхар. И все? И все! Она прижала ладони к пылающим щекам. Господи! Она должна была прикончить этого ублюдка сразу, как только тот наступил на куклу.

13

Аста не была здесь много лет. И сейчас, рассматривая кущую растительность на горных склонах, ледяной поток ручья и знойную пустыню, она с тоской вспоминала, как восемь лет назад попала в центр подготовки боевиков. Отсюда до него можно было добраться за день. Пешком.

В то время ей очень хотелось отличиться. Она была в контрразведке человеком новым, неопытным. По большому счету, не имея за плечами ни одного мало-мальски значимого дела, выделиться ей было нечем. Стреляла она довольно сносно, занятия посещала прилежно, и физическая подготовка была на среднем уровне. Единственное, где она была далеко впереди всех – это внешность. «Может, на пластику отправить? – как-то донеслось до её чуткого уха из кабинета руководства. – Раз увидишь – на всю жизнь запомнишь». С тех пор она стала красить волосы в чёрный цвет. Хирурга ей так и не порекомендовали в приказном порядке, но цвет волос вкупе с молочно-белым лицом сыграл свою роль. Если бы не разрез глаз, то на первый, не слишком внимательный взгляд, молодая девушка с вызывающей внешностью могла бы сойти за сирийку. Однако, приподнять уголки глаз для полного сходства она не решилась – делала вид, что не понимает намёков.

Тогда она ещё любила учиться. Подолгу сидела в одиночестве, рисуя на листе бумаги одной ей понятные схемы. Осваивала смежные специальности – сама, нестандартно, неумело, но упорно, спохватываясь посреди ночи, что от положенного сна осталось пару часов. Её потенциал разглядели – периодически выделяя, ставя другим в пример. Потом отправили заводить знакомства и учиться... На школьный класс это было совсем непохоже. Тут было все по-взрослому. Увиливаешь, или отказался от занятий – можно и пулю в лоб схлопотать... Но здесь было главное – здесь можно было найти представителей самых разных вооружённых группировок из множества стран...

Тренировали её американцы, что уже само по себе выводило Асту из себя. Она ненавидела всех, кто приезжал сюда за какие-то деньги; презирала тех, кто не принадлежал к её миру по духу; не понимала и тех, кто вкладывал какой-то смысл в эту бойню, называя её священной войной. Не понимала и не принимала. Понимала только одно – приказ превыше всего.

Она прятала своё отвращение и старалась спрятать глаза, полыхающие ненавистью, за спинами курсантов из группы. Но тот инструктор, которого надо было называть не иначе, как Майкл Тайсон, видел это отношение к нему. Разглядел даже сквозь широкие мужские спины – и он в открытую изводил её. От непомерных нагрузок у неё даже прекратились месячные. И она была в группе одиночкой. Отверженной. Изгоем. И поклялась, что дотерпит, дотянет, доскрипит зубами до конца и станет лучшей. И Аста работала на износ. Сводило спину – ползла на коленях. Рвались перчатки – скребла по острым камням окровавленными пальцами. Проваливалась в ямы-ловушки – вылезала и тащилась дальше. Молча и с сухими глазами – потому что здесь никто не захочет её услышать и увидеть слезы.

Аста знала, что и американец Майкл, и почти половина группы насмеются над ней, с нетерпением ждут, когда же она сломается. Хотя далеко не все воспринимали издёвки инструктора с выдуманным именем, как нечто само собой разумеющееся. Она была крепка духом, но сириец Джабаль, тощий, с мозолистыми руками крестьянина, над которым инструктор измывался гораздо меньше, оказался слабее. Одним ударом приклада он освободил рот самозванца Тайсона от шедевра заокеанской стоматологии и, оскалившись волком, передёрнул затвор – ему надоело ползать на брюхе и терпеть, когда пинают в зад и мочатся сверху.

Два десятка трупов в центре подготовки даже для этой страны было многовато. Оставшихся руководство поделило на мелкие группы, исходя из каких-то своих соображений, и рассортировало по другим лагерям. Асты не было ни в одном списке. Ей настоятельно пореко-

мендовали валить на все четыре стороны. Стрельбу ей поправили – обучили не просто быстро и метко стрелять, а делать это очень и очень хорошо. Для неё не были помехой ни темнота, ни туман, ни дождь... Тогда она перебралась в Ливан, но кое-какие связи остались и здесь. Недолго думая, она ими и воспользовалась.

История повторялась. Как и в тот раз она вновь выпрыгнула из машины с одним рюкзаком. Когда прибывших в лагерь подготовки женщин делили на несколько групп, Аста выбрала привычное для себя дело. Это не означало, что она теперь будет неделю заниматься только стрельбой. Её никто не собирался освобождать от физической и сапёрной подготовки, хотя она очень надеялась, что сумеет избежать пристального внимания многочисленных бородатых мужчин. Однако, те только и делали, что пялились на прыгающую вверх-вниз грудь под потной, грязной майкой, когда она после полосы препятствий стояла перед мишенью, да на зад, прикрытый бесформенными штанами. Возбуждённо что-то кричали и показывали жестами, что они с ней сегодня же провернут. Сразу после заката парочка из них пыталась проползти в палатку. Спать ей пришлось в один глаз и в обнимку с пистолетом. И это несмотря на то, что в маленькую группу были отобраны только две женщины из Европы, а она вообще приехала по прямой договорённости.

Второй день начался с неприятностей. Одному из инструкторов этого разношёрстного сброда вздумалось проверить её психологическую и физическую совместимость с поясом шахида.

– За время, которое отведено для подготовки, мы должны превратиться в команду, способную выполнить любое задание. Или умереть, несмотря ни на что. Знай – ты уже в раю. Остался лишь шаг. Сделай его так, чтобы наши общие враги содрогнулись от ужаса, – увещевал он, угрожая оружием.

Аста вогнала колено в пах ублюдку и, выкручивая бороду в одном кулаке, вторым пересчитывала его кривые зубы

– Как-нибудь без меня! – шипела она. – Сам, сволочь, одевай, а я за колечко дёрну!

Жить после этого ей оставалось до первой автоматной очереди. Она выхватила у инструктора пистолет и затравленно оглянулась по сторонам, но десяток пуль прошил не её спину. Вслед за сухим грохотом автомата раздался властный окрик. Ливанский офицер из «Хезболлах», такой же худой и мрачный, как и тот, который вчера утром привёз её на разболтанном до последнего винтика пикапе с пулемётом на крыше, опустил оружие. Сплюнул под ноги и сказал почти без акцента на русском:

– Не мужчина.

Ещё вчера с ливанцами она общалась только на английском – арабским Аста владела весьма прилично, но без постоянной практики стало тяжело уследить за быстрой речью. Она выпрямилась, тяжело дыша.

– Для меня есть новости?

– Отойдём, – проворчал он.

Он прищурил один глаз и щёлкнул пальцами. Негромко, но его тут же услышали.

– Принеси её вещи, – бросил он подбежавшему солдату.

Ливанец присел на цинк с патронами.

– Есть новости? – повторила она.

– Идёт война – и каждого из нас могут убить в любой момент, – спокойно сказал он и спросил: – Ты этого хочешь?

– Я люблю жизнь, – просто ответила она.

Он кивнул и задумчиво посмотрел вдаль на колышущееся марево над пустыней.

– Мы не станем оказывать содействие.

– Не надо на меня работать – достаточно информации.

Он протянул ей полупустую пачку сигарет и чиркнул колёсиком по кремню. Аста щелчком ногтя выбила из мятой пачки одну. Поймала фильтр губами, но прикурила от своей зажигалки. Глубоко затянулась, выпустила дым из ноздрей и ожидала самых важных слов. Не дождалась и через пять минут. Резким голосом сказала в сторону, словно ни к кому не обращаясь:

– Был уговор, а... Хромого вы и не думали искать.

Она едва не сказала: «Креспина». Однако, сумела удержаться. Теперь это было личное.

– Не важно! – он отмёл её недовольство взмахом руки. – Больше никто не придёт на помощь.

– Этот человек для вас важнее нашего сотрудничества? – она растёрла окурок в песке тяжёлым ботинком.

– Ты не поймёшь. И жива сейчас только потому, что русская.

– Я не русская, – возразила она.

– Все равно.

– Уговора больше нет?

– Кое кто наверху просто не вник в серьёзность происходящего. И да – уговора больше нет.

– Что-то изменилось?

– Абсолютно ничего. Я же сказал, что была неточность с переводом. Недоразумение, так сказать. Даже, скорее, недопонимание запроса. Мы сожалеем. В твой Центр будет отправлено официальное извинение.

– Это все из-за Анхар? – неожиданно для самой себя вырвалось у неё.

Ливанец поднял глаза. Тень улыбки тронула его губы.

– Неофициально? – поинтересовался он.

– Я знаю, что такое молчание, – буркнула она.

– Тогда я отвечу: «Отчасти».

Он почесал бровь тем же движением пальца, что и Хромой. Насмешка в его глазах подтвердила догадку, что это было сделано намеренно. Кроме этого быстрого движения на худом лице мужчины не дрогнула ни одна чёрточка. Аста скривилась и потёрла горло.

– В таком случае я бы хотела передать ему несколько слов. Точнее, три. Неофициально.

– Это возможно.

Она потрогала скулу, будто вновь почувствовала тот короткий удар, отправивший в нокаут. Затем вспомнила свой переполненный счастьем крик и произнесла:

– Адам должен Еве.

– Это все?

Он приподнял бровь, а у Асты запрыгала жилка над ключицей. Она сглотнула.

– Все.

– Тогда иди к машине. Считаю это приказом. За невыполнение – сама понимаешь. Я доставлю тебя в Бейрут. Дальше делай, что хочешь. Неизвестно, куда тебя занесёт, но помни – в нашем списке тебя нет. Значит...

– И помощи нет, – хмыкнула она и протянула ему оружие инструктора. – Поехали.

Из пустыни периодически доносились автоматные очереди, звучали глухие взрывы – подготовка шла на полную катушку. Из тёмного провала ущелья выполз грузовик. Она помнила, что и тот лагерь три раза в неделю получал огромную порцию взрывчатки и патронов, расходуя все это с фантастической скоростью. А тишина, которая сопровождала её последние шаги между потрёпанных палаток, давила на уши. Аста краем глаза следила за полусотней вооружённых мужчин. Все смотрели не на избитого инструктора – на неё, сжимая до белизны в костяшках пальцев оружие. Практически все здесь имели за спиной боевой опыт. Кто-то

воевал уже не первый год, кто-то участвовал всего в паре мелких операций, но все вокруг уже заглянули смерти в глаза, все были помечены кровью.

Аста не оглядывалась. Смотрела вперёд, в спину ливанца, перед которым солдат нёс её рюкзак, и вздрогнула. По какой-то причине этот обычный армейский мешок с лямками, до половины заполненный нижним бельём, средствами гигиены, парой кроссовок и единственной чистой рубашкой, показался ей забитым под самую шнуровку «С-4» и вызвал ужас. И она обернулась, встретив сотню глаз, переполненных жадой её смерти, даже женских глаз – главари боевиков обладали каким-то жутким воображением, готовя все более нетерпимых к неверным фанатиков.

За высоким кустарником вокруг пикапа, поджав по себя ноги, сидели бородачи в камуфляже и с автоматами. Некоторые водили пальцами по дисплеям мобильных телефонов, другие что-то увлечённо обсуждали. Смешное, судя по белозубым улыбкам. За распахнутой дверью второй машины, оснащённой переносной ракетной установкой, молодой парень в гражданском крутил верньеры армейской рации. Он сдвинул наушник и крикнул:

– Чисто!

– Забирайся. Быстро!

Ливанец распахнул заднюю дверь пикапа. Солдат бросил в салон рюкзак и скользнул на водительское сидение. Остальные полезли в кузов, гремя автоматами. Крутнулась турель пулемёта.

– Мне в туалет надо, – тихо попросила она. – Три минуты.

– Потерпишь, – он поднял голову вверх и посмотрел в небо. – Час, не больше. Давай, лезь. Двигатель чихнул и взревел. Ливанец положил ей на плечо ладонь.

– Оглохла?

Один из бородачей постучал по крыше кабины, привлекая внимание.

– Россия?

– Нет, – буркнула она, захлопывая помятую дверь и посмотрела на него сквозь заднее стекло.

– Русская! – он оттопырил большой палец.

«А мне пластику хотели сделать! – зло подумала Аста. – Уроды... Русская... Араба славянской рожей не проведёшь...».

Машина рванулась и её отбросило головой через спинку сидения чуть не в стекло. Офицер обернулся к ней.

– Спрашивай, – сказал он. – Или говори куда, если в Бейрут не хочешь.

– Бейрут, – кивнула она. – Меня устроит и этот вариант.

– Оружие есть?

– В мешке.

– Ладно. Будь осторожна.

Машина вылетела на открытое место и запрыгала по камням. Он ухватился за поручень. Под днищем заскрежетало. В кузове завопили бородачи.

– Ты из контрразведки? – крикнула Аста, стараясь не откусить себе язык.

– Какая разница, как это называется, – он бросил на неё насмешливый взгляд через плечо.

Она подалась вперёд, больно ударилась многострадальным подбородком о твёрдый подголовник его сидения. Скривилась.

– Хромой рассказал?

– У него есть имя.

– Догадываюсь... – она попыталась дотянуться до рюкзака.

– Ни к чему.

Аста дёргала шнуровку непослушными пальцами. Лицо ливанца прыгало в зеркальце среди привязанных к нему амулетов с цитатами из Корана.

- Это он просил увезти тебя.
- Куда?! – она стиснула рукоять пистолета.
- Не куда, а от чего, – он хлопнул по панели перед собой и заорал на водителя по-арабски.
- Зачем? – выдохнула она и все-таки клацнула зубами.

Машина снизила скорость.

- Жить, – он смотрел ей в глаза. – Ева.

У Асты по щеке бежала слеза. Она надеялась, что из-за боли в прокушенном языке.

- Я сама за себя решаю! – выкрикнула она.

– Бывает, – он отвернулся, – но бывает, что иногда проще довериться чужому, как самому себе.

- Почему?!

Он не ответил, вставил в ухо капельку наушника и прижал её пальцем. Нахмурился, показал водителю подбородком влево. Тот кивнул и начал выворачивать руль, забирая ближе к склону горы.

– Беспилотник, – спокойно пояснил ливанец. – Переждём. Заодно и себя в порядок приведёшь.

Они сидели под нависающей скалой. Машины были укрыты маскировочной сетью. Редкий, но достаточно высокий кустарник покрывал подножие горы. Длинный язык растительности дотягивался с равнины до их убежища и надёжно защищал от наблюдателя за монитором компьютера за сотни километров отсюда.

Аста откинулась назад, оперлась ладонями о нагретый камень и сонно щурилась в блеклое марево над каменистой равниной. Курила уже вторую сигарету подряд и сдвала с носа капельки воды, бегущие с мокрой пряди на лбу.

- Много куришь, – заметил ливанец.

– Меньше времени в камере проведу, – она повернула голову и понюхала сначала одно плечо, затем другое.

- Интересная философия, – хмыкнул он.

- От тюрьмы да от сумы...

Она вздохнула. Умывшись из пластиковой канистры, переодетая в старые джинсы и чистую рубашку, она чувствовала себя менее грязной. Но не настолько, чтобы быть в хорошем расположении духа. Едкий запах пота лез в ноздри, перебивал аромат табачного дыма, заставлял морщиться и коситься на сидящего рядом мужчину. «Интересно, – подумала она, – насколько приятным он находит соседство со свинарником? Нет, он же мусульманин. С овчарней!». Ткнула пальцем в переплетение ветвей над головой.

- Спутник заметит.

– Этот район особо не контролируется. Тут у наших заокеанских друзей есть что скрывать и от самих себя.

Аста пошарила в своём мешке, достала пачку галет, разорвала упаковку и предложила собеседнику. Он даже не посмотрел на её ладонь. Она раздражённо оттолкнула рюкзак, пожала плечами и, выдержав паузу, сказала:

- Если бы вы приехали на пару минут позже, то спасти было бы некого.

- Но ведь успели, – резонно заметил он.

- Неужели я выгляжу так, словно мне нужна помощь?

- Да.

Аста едва не задохнулась.

- Ложь!

– Ты права. Дело не в том, что твой друг настоятельно рекомендовал озаботиться именно твоей безопасностью.

- Друг?! Хромой? – изумилась она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.